

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

П.В. Тепляшин

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УКЛОНЕНИЕ
ОТ ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Монография

КРАСНОЯРСК 2004

ББК 67.408

Тепляшин П.В.

Уголовная ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы : монография / П.В.Тепляшин. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2004. – 216 с.

Под общ. ред. д.ю.н., профессора

Горобцова В.И.

Рецензенты: профессор кафедры уголовного права Омской академии МВД России заслуженный деятель науки Российской Федерации д.ю.н., профессор А.И. Марцев;

доцент кафедры уголовного права Юридического института Томского государственного университета к.ю.н., доцент А.К. Музеник

В монографии исследуются конкретные факторы, образующие предпосылки установления уголовно-правового запрета на уклонение от отбывания лишения свободы, дается анализ развития уголовной ответственности за данное преступление. Проводится анализ объективных и субъективных признаков уклонения от отбывания лишения свободы. Рассматриваются проблемы и даются практические рекомендации по квалификации данного преступления, решаются вопросы разграничения состава уклонения от отбывания лишения свободы и смежных составов преступлений. Приводятся соответствующие примеры следственно-судебной практики, формулируются рекомендации по совершенствованию практики применения и законодательной регламентации ст. 314 УК РФ.

Монография предназначена для научных работников, аспирантов и студентов образовательных заведений юридического профиля, а также сотрудников прокуратуры, судебных и правоохранительных органов.

© Сибирский юридический институт МВД России, 2004

© Тепляшин П.В., 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Социальная обусловленность уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы	7
§ 1. Предпосылки уголовно-правового запрета на уклонение от отбывания лишения свободы.....	7
§ 2. Исторический очерк уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы по российскому законодательству.....	47
Глава 2. Уголовно-правовая характеристика уклонения от отбывания лишения свободы	66
§ 1. Объект уклонения от отбывания лишения свободы	66
§ 2. Объективная сторона уклонения от отбывания лишения свободы.....	85
§ 3. Субъект уклонения от отбывания лишения свободы	108
§ 4. Субъективная сторона уклонения от отбывания лишения свободы.....	119
Глава 3. Правоприменительная практика и совершенствование уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы.....	133
§ 1. Применение уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы	133
§ 2. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы.....	154
Заключение	179
Список использованных источников	184
Приложение	207

ВВЕДЕНИЕ

Достижение целей уголовного наказания невозможно без его надлежащего исполнения. Осужденные лица, совершившие уклонение от отбывания лишения свободы, избегают наложенных на них приговором суда тягот и лишений, «выпадают» из процесса осуществления в отношении них карательно-исправительного воздействия. Следовательно, данные деяния наносят серьезный урон авторитету закона и правосудия, фактически делают бесполезным действие уголовного закона, который в значительной степени реализуется посредством применения наказания. Указанное свидетельствует о важности и необходимости исследования вопросов надлежащего исполнения и отбывания наказаний.

Обращаясь к вопросам исследования уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы, стоит отметить, что развитие теории и практики исполнения и отбывания лишения свободы постепенно привело к гуманизации уголовной и уголовно-исполнительной отраслей права. Последовал ряд законодательных новелл, связанных с достижением целей наказания в отношении сравнительно менее опасных осужденных без изоляции от общества. Соответственно, уголовное законодательство в 1977 году было дополнено ст.188¹ УК РСФСР, предусматривающей уголовную ответственность за невозвращение осужденного в исправительное учреждение из предоставленного ему краткосрочного выезда. Ст.314 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы осужденного лица, которому был предоставлен выезд за пределы исправительного учреждения, отсрочка исполнения приговора суда или отбывания наказания. Общественная опасность данного преступления очевидна и состоит в нарушении общественных отношений, обеспечивающих нормальные условия достижения интересов правосудия. Указанное свидетельствует об актуальности изучения рассматриваемой нормы в новых социально-правовых условиях и реформированном законодательстве.

Кроме того, действия осужденного, направленные на уклонение от отбывания лишения свободы, не только причиняют вред охраняемому объекту, но и совершаются на фоне определенных негативных обстоятельств, связанных с осуществлением процесса исполнения и отбывания наказания. Данные лица фактически ста-

вят себя в условия нелегального существования, в силу чего они могут быть опасны для общества.

Отдельные вопросы уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы исследовались в работах Е.Р.Абдрахмановой, А.И.Друзина, В.И.Горобцова, В.И.Егорова, В.А.Елеонского, Л.В.Лобановой, В.К.Сауляка, В.В.Смышляева, Ю.М.Ткачевского, А.И.Чучаева и других. Однако следует иметь в виду, что, во-первых, данные исследования, как правило, осуществлялись в иных общественно-политических и социально-правовых условиях и, во-вторых, ни в одном из них нет комплексного монографического анализа уголовной ответственности за рассматриваемое общественно опасное деяние. Кроме того, ряд уголовно-правовых мер за уклонение от отбывания лишения свободы требует дальнейшего теоретического осмысления, особенно в связи с принятием и дальнейшим развитием нового уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства.

Российская правовая система должна обеспечивать реализацию ряда обязательств международного характера, касающихся либерализации исполнения наказания в виде лишения свободы, стандартов и новых возможностей позитивного и целесообразного воздействия на преступников, согласованных с интересами общества и преследующих цель возвращения в общество полноценной личности. Вместе с этим, по справедливому замечанию В.И.Горобцова, отечественный законодатель излишне увлекся реализацией международно-правовых стандартов и зарубежного опыта без учета криминальной ситуации в России, исторических и национальных особенностей, «предприняв своеобразную попытку «перепрыгнуть» в сфере исполнения уголовных наказаний от «тюремно-гулаговского» состояния мест лишения свободы к образцовым пенитенциарным учреждениям западного варианта».¹ Данное обстоятельство предполагает уяснение содержания признаков исследуемой нормы и совершенствование уголовно-правовых мер ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы в соответствии с оценкой приемлемости положений общепризнанных норм и принципов международного права в условиях российской действительности, а также с учетом прогрессивных идей отечественной пенитенциарной теории и законодательства.

¹ Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: Межвузовский сборник научных трудов. – Вып.7 / Отв. ред. В.И.Горобцов. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2004. – С.117.

Указанные обстоятельства определяют научную новизну монографического исследования, обуславливают выбор темы и основные направления ее разработки, позволяют говорить о том, что обращение к вопросам совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с уклонениями от отбывания лишения свободы не случайно и обусловлено логикой развития данной проблемы.

Важно отметить, что теоретическая и практическая значимость исследования заключается в содержащихся в монографии научных выводах и предложениях по совершенствованию законодательства, устанавливающего ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы, и выражается в том, что она позволяет глубже оценить уровень и выявить характерные ошибки правоприменительной деятельности в области применения ст. 314 УК РФ. Кроме того, формулирование положений по проблемам ряда смежных наук (уголовно-исполнительного права и уголовно-процессуального права) может стимулировать их дальнейшую разработку.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

§ 1. Предпосылки уголовно-правового запрета на уклонение от отбывания лишения свободы

В известной степени уголовно-правовая норма представляет собой средство достижения стоящих перед обществом целей. В целях осмысления социальных потребностей в конкретных уголовных нормах и их эффективности, представляется верным рассматривать уголовно-правовой запрет через призму его социальной обусловленности и предпосылок, на основании которых в дальнейшем осуществляется «перелив» общественной потребности в норму уголовного права.

Нормы права не создаются произвольно, они отражают закономерности общественного развития. В результате объективного и закономерного процесса постоянного развития, изменения и совершенствования общественных отношений возникает необходимость в уголовно-правовой защите некоторых из них. Установлением уголовной наказуемости деяний, могущих причинить вред вновь возникающим общественным отношениям, и обеспечивается подобная защита. Поэтому уголовно-правовой запрет выступает не просто как юридическая категория, но и как социально обусловленное явление, имеющее характерные особенности и закономерности развития, специфический механизм влияния на социальные условия и отражения в законе.¹ Актуально замечание Н.Д.Сергиевского о том, что «преступник, совершая преступное деяние, нарушает не уголовный закон, преступник этих статей вовсе не знает, а нарушает известные запреты»².

Думается, что социальная обусловленность уголовной ответственности за определенное деяние состоит из комплекса факторов, образующих предпосылки уголовно-правового запрета, соответствующей исторической почвы и зарубежного опыта по аналогичной проблеме.

¹ Указанное обстоятельство излагается многими авторами, например, см.: Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. – М.: Юрид. лит., 1986. – С.80-83; Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы / А.И.Коробеев, А.В.Усс, Ю.В.Голик. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1991. – С.61-62.

² Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право: (Часть Общая). – СПб., 1910. – С. 39.

Исследование данного комплекса условий имеет не только теоретический смысл, но и прямое практическое значение. Так, принятая правовая новелла может быть более или менее удачной, вполне совершенной или, наоборот, ошибочной и в силу этого неэффективной. Последнее возможно в тех случаях, когда за поверхностью отдельных явлений не удалось раскрыть их сущности.¹ Как справедливо отмечает А.И.Марцев, именно исследование закономерностей конкретного уголовно-правового явления позволяет раскрыть (отразить) его сущность.² В свою очередь, выяснить смысл правовой нормы – это значит выяснить, «какие именно общественные явления, объективные исторические закономерности лежали в основе создания данной нормы, какую цель хотел достичь законодатель ее установлением. Только тогда мы можем правильно представить, система каких именно юридических признаков отвечает этой цели, как надо понимать те или иные выражения из текста закона»³. Способность достаточно верно отражать эти явления и закономерности образует залог эффективного действия уголовно-правовой нормы.

Таким образом, очевидно, что установление уголовно-правового запрета на уклонение от отбывания лишения свободы имеет не случайный характер и не является произвольным актом законодателя. На указанное обстоятельство, а также на важность и необходимость рассматриваемой уголовно-правовой нормы указывается и в юридической литературе.⁴

¹ См.: Козаченко И.Я. О системе и системном подходе в исследовании эффективности уголовно-правовых норм (в порядке постановки вопроса) // Вопросы повышения эффективности уголовного законодательства в современных условиях: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. М.И.Ковалев. – Свердловск: Юридический институт, 1979. – С.13-15; Тирский В.В. К понятию эффективности правовых норм (о смысловом содержании понятия «эффективность») // Актуальные вопросы борьбы с преступностью / Под ред. В.Д.Филимонова, М.К.Свиридова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. – С.15-23; Тирский В.В. К вопросу о понятии эффективности правовых норм // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью: Сб. статей / Отв. ред. В.Д.Филимонов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. – С.38-41.

² См.: Марцев А.И. Диалектика сущности основных уголовно-правовых явлений // Вопросы учения о преступлении и ответственности: Избранные статьи. – Омск: Юридический институт МВД России, 1998. – С.178-179.

³ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Юристъ, 1999. – С.87.

⁴ См., напр.: Сауляк В.К. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы (ст. 183¹ УК УССР): Лекция. – Киев: НИ и РИО Киевской высшей школы МВД СССР им. Ф.Э.Дзержинского, 1980. – С.7-8; Горобцов В.И., Томилов А.В. Об ответственности осужденных за уклонение от отбы-

Важно отметить, что почти половина опрошенных автором сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы отмечают актуальность уголовно-правовой борьбы с исследуемым преступлением и лишь пятая часть из них утверждают обратное, при этом треть респондентов затруднились с ответом.¹

Устанавливая уголовную ответственность за рассматриваемое деяние, законодатель принял во внимание следующий спектр факторов, образующих предпосылки такого решения. В науке же сформировалась если не система, то совокупность подходов к вопросу об установлении уголовно-правового запрета.

Изучение литературы показало, что одни авторы в качестве предпосылок криминализации деяний указывают закономерно развивающиеся социальные явления, которые в силу своей ценности детерминируют потребность в уголовно-правовой охране сферы их действия (существования).²

Другие ученые в качестве основы теории криминализации выделяют общественную опасность. Так, с точки зрения П.С.Тоболкина, в области уголовного права основополагающей категорией, дающей общее освещение всех основных проблем теории уголовного права, обеспечивающей концептуальное единство уголовно-правовых знаний, является категория общественной опасности.³

вания наказания // Защита прав и интересов граждан, предприятий, организаций: Межвузовская научно-практическая конференция (12-14 декабря 1989 г.). – Кемерово: Кемеровский ун-т, 1989. – С.213-215; Зельдов С. Устранить непоследовательность. Вопросы ответственности за злостное уклонение от отбывания наказания, назначенного по приговору суда // Советская юстиция. – 1989. – № 4. – С.7.

¹ В связи с проведением исследования было организовано анкетирование 400 сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы по вопросам, касающимся проблем уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы и совершенствования рассматриваемой уголовно-правовой нормы, которое было проведено в период с сентября 2000 г. по ноябрь 2001 г. на территориях Красноярского края, Республик Хакасия и Тыва, Иркутской, Омской, Нижегородской, Екатеринбургской и Томской областей. Сводные данные анкетирования содержатся в приложении к монографии.

² Напр., позиции А.М.Яковлева (см.: Яковлев А.М. Социальная эффективность уголовного закона // Советское государство и право. – 1967. – №10. – С.17-21); М.Д. Шаргородского и В.Г. Смирнова (см.: Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. – С.63).

³ См.: Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1983. – С.49, а также 7, 11-14, 16, 52-53. Подобные рассуждения можно встретить у П.А. Фефелова (см.: Фефелов П.А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское

Третья группа авторов указывает на факторы, которые, с одной стороны, связаны с общественной опасностью, с другой – нет. Например, П.С. Дагель полагает, что «к числу важнейших факторов, определяющих объективную потребность общества в криминализации, относятся прежде всего общественная опасность деяния, степень распространенности этих деяний и невозможность успешной борьбы с ними менее репрессивными мерами».¹

Ученые следующей группы в качестве предпосылок криминализации выделяют факторы как правового, так и неправового характера. Так, В.М. Коган считает, что «определение степени общественной опасности деяния, которая порождает (либо не порождает) потребность в уголовно-правовом регулировании, является чрезвычайно важной задачей. Однако решения этой задачи все-таки недостаточно для признания правонарушения преступлением. Необходимо учитывать и другие обстоятельства».² К таким он относит объективные закономерности жизни общества, социальные последствия уголовного наказания, материальные ресурсы для реализации уголовно-правового воздействия, нравственные представления общества, возможность стимулирования должного поведения уголовно-правовыми средствами, уровень развития науки и техники, возможность действенного контроля за поведением обязанных лиц, общие законы управления (например, закон необходимого разнообразия).³ А.В.Шеслер и Л.М.Прозументов предпосылки уголовно-правового запрета рассматривают через систему криминологических, социально-

государство и право. – 1970. – №11. – С.102), Ю.И.Евстратова (см.: Евстратов Ю.И. Некоторые вопросы теории криминализации // Проблемы теории и практики борьбы с преступностью: Сборник статей. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982. – С.50-62), А.И.Коробеева (О понятии криминализации и декриминализации // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью: Сборник статей / Отв. ред. В.Д.Филимонов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. – С.31-36).

¹ Дагель П.С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. – 1975. – №4. – С.69; Демин В.В. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм – условие успешной реформы законодательства // Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в современных условиях: Сборник научных трудов. – Орел: Высшая школа МВД России, 1994. – С.96.

² Коган В.М. Уровни анализа эффективности уголовно-правовых норм // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 30 / Отв. ред. В.В.Клочков. – М.: Юрид. лит., 1979. – С.50-51.

³ Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. – М.: Наука, 1983. – С.91-95.

экономических, социально-психологических и системно-правовых принципов криминализации.¹

Пятая группа исследователей существенно расширяет перечень факторов, образующих предпосылки установления уголовной ответственности, утверждая при этом, что их количество не является исчерпывающим. Например, И.М.Гальперин приводит следующий набор таких факторов: изучение распространенности конкретных действий и оценка их типичности как формы проявления антиобщественного поведения; установление динамики совершения указанных деяний с учетом причин и условий, их порождающих; определение причиняемого такими деяниями ущерба; выявление общественного мнения различных социальных групп; определение возможности системы уголовной юстиции в борьбе с определенными деяниями и др.² Однако изложенный перечень, как мне видится, придает проблеме предпосылок криминализации больше процедурно-методологический, нежели содержательный характер.

Шестая группа ученых в основе криминализации видит единство опасности причинения вреда общественным отношениям, распространенности деяний и их количественных показателей. В частности, В.Д.Филимонов к основаниям установления уголовно-правовых норм относит факторы, свидетельствующие об изменении состояния антисоциального поведения преступности, то есть распространенность каких-либо общественно опасных деяний по стране или в конкретном регионе, и факторы, указывающие на тенденции увеличения количества тех или иных общественно опасных посягательств.³

¹ См.: Шеслер А.В., Прозументов Л.М. Криминология. Общая часть: Учебное пособие. – Красноярск: Высшая школа МВД России, 1997. – С.249-254.

² См.: Гальперин И.М. Уголовная политика и уголовное законодательство // Основные направления борьбы с преступностью. – М.: Юрид. лит-ра, 1975. – С.58.

³ См.: Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. – С.67-68; Он же. Криминологические основания содержания норм уголовного права, устанавливающих ответственность за совершение преступлений // Вопросы борьбы с преступностью: Сборник статей / Отв. ред. А.Л. Ременсон. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. – С.3-10; Панченко П.Н. Уголовно-правовые вопросы криминализации общественно опасных деяний // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний: Сборник научных трудов. – Омск: Высшая школа милиции МВД СССР, 1980. – С.6-7; Так же Ревин В.П. Проблемы декриминализации и реформа уголовного законодательства // Современные проблемы борьбы с преступностью: Труды Академии МВД России / Отв. ред. А.И.Алексеев. – М., 1993. – С.31-32.

Кроме того, отдельная группа авторов выделяют факторы, образующие закономерные общественные явления (основания криминализации), и факторы, относящиеся к разряду случайных, – «единичные» события, приводящие в движение процесс криминализации (криминализационные поводы), факторы уголовно-правового запрета, служащие объективными предпосылками его установления, и факторы, относящиеся к законодательной технике (системно-правовые принципы криминализации).¹

Анализ приведенных суждений позволяет сформулировать собственную систему предпосылок уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 314 УК РФ. Элементами данной системы выступают факторы, характеризующие:

- сферу охраняемых общественных отношений (явлений) и их социальную ценность;
- общественную опасность уклонения от отбывания лишения свободы;
- статистические показатели, определяющие как преступность в местах лишения свободы, так и рассматриваемое преступление;
- предупредительное уголовно-правовое воздействие запрета на уклонение от отбывания лишения свободы;
- практику применения исследуемой уголовно-правовой нормы.

Также важно учитывать мнение специалистов (сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы) по вопросам установления уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст.314 УК РФ.

Изучение предпосылок уголовно-правового запрета на уклонение от отбывания лишения свободы представляется верным построить на анализе предложенных факторов.

Обращаясь к первому фактору, следует отметить, что установление уголовно-правовой охраны общественных отношений, описываемых в ст.314 УК РФ, зависело от конкретных исторических условий, с изменением которых возникла необходимость трактовать нарушения подобных отношений в качестве преступлений. Становление и расширение рамок уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы происходило параллельно с совершенствованием содержания самого наказания и практики его исполнения.

¹ См.: Антонов А.Д. Классификация оснований и принципов криминализации деяний в уголовно-правовой науке // Российский следователь. – 2001. – №4. – С.33-35.

Такие относительные новеллы в области исполнения наказаний, как выезды за пределы мест лишения свободы¹, отсрочка исполнения приговора суда и отсрочка отбывания наказания, следует отнести к группе тех явлений, которые детерминировали потребность установления уголовно-правового запрета на их нарушение. Как будет рассмотрено далее, указанные явления представляют собой объективные и закономерные процессы, происходящие в обществе, они создали общественную потребность в уголовно-правовой охране сферы их реализации. В связи с этим замечу, что роль объективных закономерностей общественного развития в возникновении уголовно-правовых норм во всех случаях их установления является определяющей. Как отметили М.Д.Шаргородский и В.Г.Смирнов, в соответствии с объективными закономерностями должны решаться все юридические вопросы, в том числе и вопросы уголовного права.² Данные новеллы, обладая относительной самостоятельностью, приводят каждое новое юридическое образование в соответствие с уже имеющимися правовыми построениями, обеспечивая тем самым свою внутреннюю согласованность³, играют существенную роль в целедостижении и эффективности действия всей системы исполнения наказаний.

В целом, становление, конструктивная реализация и дальнейшее развитие институтов выездов, отсрочки исполнения приговора суда и отсрочки отбывания наказания⁴ обуславливаются потребностями становления цивилизованного, демократического общества в Российской Федерации и основываются на исторической преемственности, проявляющейся в рецепции передовых идей. Развитие законодательства в данной области напрямую связано с уровнем развития пенитенциарной политики и права в России, с теми прогрессивными мерами и идеями гуманизма и уважения прав человека, которые положены в основу исполнения наказания. Именно постепенное совершенствование правовой регла-

¹ Далее, если иное не оговорено, – выезды.

² См. в кн.: Филимонов В.Д. Указ. соч. – С. 63.

³ См.: Спиридонов Л.И. Указ. соч. – С. 95.

⁴ Думается, что выезды, отсрочку исполнения приговора суда либо отбывания наказания можно рассматривать в качестве самостоятельных правовых институтов, так как каждый из них обладает всеми необходимыми признаками таких институтов: 1) имеет самостоятельный, специфический предмет правового регулирования и представляет собой совокупность отношений, характеризующихся однородными обстоятельствами, влияющими на процесс исправления осужденных; 2) цельное, единообразное и законченное регулирование определенной сферы общественных отношений достигается наличием обособленного блока отраслевых и межотраслевых юридических норм; 3) эти нормы тесно связаны между собой и имеют четкое законодательное оформление.

ментации исполнения уголовного наказания привело к процессу гуманизации уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.¹ Указанные обстоятельства, а также необходимость всемерного достижения целей наказания в отношении относительно менее опасных осужденных привели к созданию ряда указанных законодательных новелл.

Определенное место в системе норм УИК РФ, регламентирующих исполнение и отбывание наказания в виде лишения свободы, занимают выезды осужденных за пределы исправительных учреждений. Здесь отдельно следует отметить, что в качестве содержания (основы – как отмечают отдельные авторы²) лишения свободы выступает изоляция (ст.56 УК РФ, ст.82 УИК РФ), которая, однако, не рассматривается как самоцель данного вида наказания и не носит абсолютного характера, а представляет собой одно из средств достижения целей наказания. Степень же изоляции, вплоть до ее фактического отсутствия, определяется тем, насколько это будет способствовать исправлению осужденного.³ Кроме того, установленный порядок исполнения и отбывания наказания не произволен, он обусловлен достижением конечных целей, стоящих перед наказанием. В частности, степень изоляции и объем карательных ограничений находятся в прямой и полной зависимости от вида лишения свободы, что неизбежно влияет на права и обязанности осужденных и администрации исправительного учреждения.⁴ Институт выездов является необходимым составным

¹ См.: Зельдов С.И. Освобождение от наказания и от его отбывания. – М.: Юрид. лит., 1982. – С.3; Скибицкий В.В. Освобождение от уголовной ответственности и отбывания наказания. – М.: Наукова думка, 1987. – С.3-5; Казак Б.Б. Некоторые вопросы совершенствования исправительно-трудового законодательства в современных условиях // Проблемы уголовной ответственности и исполнения наказания: Материалы межвузовской научной конференции (Рязань, 2 – 3 июня 1994 года). – Рязань: Институт права и экономики МВД Российской Федерации, 1995. – С.77; Зубарев С.М. Новое в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве: некоторые аспекты гуманизации карательной политики // Журнал российского права. – 2004. – № 4. – С.26-40.

² В частности, см.: Ткачевский Ю.М. Уголовная ответственность за побег // Законодательство. – 2003. – № 8. – С.71.

³ В связи с этим будет уместным привести слова Н.А.Стручкова, полагающего, что «степень ограничений должна иметь определенный предел. Стоит перейти этот предел, как кара перестает вызывать нужную реакцию» (Стручков Н.А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1970. – С.230).

⁴ См.: Горобцов В.И. К вопросу о классификации лишения свободы как вида уголовного наказания // Уголовный закон и совершенствование мер борьбы с преступностью: Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск: Свердловский юридический институт, 1981. – С.93-97.

элементом такого порядка, поэтому, хотя и является исключением из «правила» об изоляции, также выполняет определенную роль в достижении целей наказания; его использование направлено на достижение полноценного и нормального функционирования исправительных учреждений.

Важно установить роль (а соответственно, и сущность) института выездов осужденных за пределы исправительных учреждений в достижении целей наказания. Одни авторы указывают, что институт выездов имеет большое значение для повышения эффективности мер по исправлению осужденных¹, другие – это то, что он основан на доверии к осужденным и является своеобразной проверкой их поведения за пределами места лишения свободы², третьи полагают, что применение данного института «не только имеет самостоятельное воспитательное значение, но и стимулирует развитие прогрессивных и гуманных институтов»³.

По моему мнению, в контексте настоящего исследования ответ на поставленный вопрос следует искать в несколько иной плоскости. Так, включенность института выездов в комплекс мероприятий, направленных на достижение целей наказания, и, соответственно, признание целесообразности в преодолении изоляции от внешнего мира обусловлено обстоятельствами двух уровней (внешними и внутренними). К первым относится то, что рассматриваемый институт органично соответствует четко определенной в последнее время тенденции гуманизации условий отбывания наказания в местах лишения свободы в соответствии с международными нормами и стандартами по вопросам обращения с лицами, содержащимися в исправительных учреждениях. Так, предоставление осужденным возможности кратковременного пребывания вне исправительного учреждения является одним из на-

¹ См.: Леконцев Ю.А. Некоторые проблемы применения института краткосрочных выездов осужденных за пределы мест лишения свободы // Вопросы совершенствования деятельности органов внутренних дел по исправлению и перевоспитанию осужденных: Тезисы выступлений на II межвузовской научно-практической конференции адъюнктов и соискателей ВНИИ МВД СССР / Отв. ред. Н.А.Стручков. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1980. – С.47.

² См.: Борисова О.Б. Некоторые проблемы совершенствования института краткосрочных выездов осужденных за пределы мест лишения свободы в связи с исключительными личными обстоятельствами // Уголовное наказание и проблемы его исполнения в условиях перестройки деятельности органов внутренних дел: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. – С.77.

³ Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. С.В.Степашина. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Юрист, 1999. – С.340.

правлений либерализации исполнения наказания в виде лишения свободы во многих зарубежных странах.¹ Данный институт соответствует международным стандартам и правилам обращения с осужденными. Так, в п. «в» § 65 Приложения к Рекомендации № R (87)3 Комитета министров государствам-членам (Совета Европы) относительно Европейских Пенитенциарных Правил прямо указано на необходимость поддерживать и укреплять связи осужденных лиц с родственниками и общественностью.² Часть 2 Пояснительной записки к Европейским Пенитенциарным Правилам объясняет, что в достижении целей исправительного воздействия важную роль играют контакты с внешним миром, посредством которых достигается укрепление связей с семьей, они облегчают социальную реинтеграцию заключенных и способствуют созданию атмосферы гуманности в местах лишения свободы.³ В ряде специальных международных стандартов, изложенных в Основных принципах обращения с заключенными (приняты Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1990 года), докладах Международной ассоциации помощи заключенным и некоторых других документах, определено, что выезды (увольнения, временные выходы) применяются с учетом современных прогрессивных идей исправления осужденных, политических, социально-экономических и культурных условий каждой страны, а также целей и задач системы ее уголовного правосудия.⁴ Зарубежные эксперты указывают, что выезды без конвоя эффективно стимулируют законопослушное поведение осужденных и служат надежным средством профилактики нарушений режима содержания.⁵

Под внутренними обстоятельствами следует понимать то, что выезды осужденных в ситуациях, когда это наиболее социально

¹ Об этом см.: Тепляшин П.В. Обусловленность и опыт уголовно-правовой борьбы с отклонениями от отбывания лишения свободы в зарубежном законодательстве // Сибирский юридический вестник (Региональный правовой журнал). – 2002. – №2 (17). – С.63-70.

² Приложение утверждено Комитетом министров 12 февраля 1987 года на 404 заседании представителей министров (см.: Европейские Пенитенциарные Правила. – М., 1999. – С. 24).

³ Там же. – С.71-72.

⁴ См.: Prisons around the world: Studies in International Penology / Michael K. Carlie and Kevin I. Minor (Southwest Missouri State University). – United States of America / Wm. C. Brown Publishers, Dubuque, 1992. – P. 263-276.

⁵ См.: Сизый А.Ф. Предоставление краткосрочных выездов осужденным в зарубежных пенитенциарных учреждениях // Человек: преступление и наказание (Вестник Рязанского института права и экономики МВД России). – 1994. – №1(2). – С.37-41.

значимо для лиц, содержащихся в местах лишения свободы, дают персоналу исправительных учреждений возможность дополнительного формирования их правопослушного поведения. Кроме того, в результате проведенных в 1999 году И.Н.Пяткевичем и В.И.Старковым исследований выяснилось следующее: 75,9% осужденных заинтересованы в возможности выезда за пределы мест лишения свободы (такая возможность для них значима), а 60% осужденных не только были заинтересованы в реализации такой возможности, но и активно стремились ее реализовать.¹ Статистика же показывает, что в 1999 году было предоставлено 14343 выезда за пределы исправительных учреждений и СИЗО при общей численности содержащихся в этих местах 1038988 человек.²

В условиях ослабления дисциплины и правопорядка в местах изоляции от общества³, ухудшения в начале 1990-х гг. хозяйственно-экономического положения органов и учреждений, исполняющих наказания⁴, использование такого эффективного стимула формирования позитивного поведения осужденных было настоящей необходимостью. Результаты исследования, проведенного в 1999 году, показали: около половины опрошенных сотрудников УИС (47,1 %) считают, что осужденные посредством выездов получают возможность укреплять свои семейные связи, 35,7% из числа опрошенных сотрудников видят в возможности выездов уменьшение нарушений режима содержания и, как следствие,

¹ См.: Пяткевич И.Н., Старков В.И. Правовые и организационные вопросы выездов осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений: Учебное пособие. – М.: Академия Управления МВД России, 1999. – С.16-17.

² Здесь и далее употреблены статистические данные, полученные в ГИЦ МВД РФ, ИЦ ГУИН МЮ по Красноярскому краю, ИЦ ГУИН МЮ по Иркутской области, а также при изучении специальной литературы: Преступность, статистика, закон / Под ред. А.И.Долговой. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1997. – С.214; Криминальная ситуация на рубеже веков в России / Под ред. А.И.Долговой. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1999. – С.29; Власть: криминологические и правовые проблемы / Отв. ред. А.И.Долгова. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2000. – С.379-380; Михлин А., Яковлева Л. Специальная перепись осужденных // Российская юстиция. – 2001. – №4. – С.68; Александров Ю. Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: Обзор проблематики в цифрах и фактах // Правозащитник. – 2001. – №1. – С.59, 61.

³ См.: Концепция реорганизации уголовно-исполнительной системы МВД России (на период до 2005 года): Одобрена Президентом Российской Федерации 13 января 1996 г. – М., 1996.

⁴ См.: Доклад начальника ГУИН МВД России на совещании по итогам работы ГУИН МВД России в 1995 г. // Преступление и наказание. – 1996. – №3. – С.2-5.

повышение эффективной деятельности пенитенциарной системы.¹ Хотя практика показывает, что выезды (в период с 1997 по 2003 гг. по ГУИН МЮ по Красноярскому краю и Иркутской области) предоставляются только в среднем 1,8% лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, то есть не достаточно широко.

Данный институт предусматривает возможности углубления дифференцированного подхода к лицам, содержащимся в местах лишения свободы, поскольку выезды предоставляются осужденным при соблюдении целого ряда законодательно определенных требований, которые в первую очередь предъявляются к самим осужденным. Так, Л.В.Яковлева относительно такой дифференциации замечает, что в зависимости от условий содержания, на которых находятся осужденные, «отпуск они проводят на территории колонии (по месту проживания или [в] специально оборудованных помещениях), за зоной (под контролем администрации) либо с выездом к постоянному месту жительства»².

Данный правовой институт не следует рассматривать исключительно как меру поощрения либо стимулирования труда осужденных.³ Выезды представляют собой выражение гуманности и прогрессивных начал исправительного воздействия при возникновении у осужденного лица исключительных личных обстоятельств (при возникновении у осужденных женщин, имеющих детей в домах ребенка или несовершеннолетних детей-инвалидов вне исправительных колоний, необходимости в устройстве детей у родственников либо в детском доме или для свидания с детьми-инвалидами) или помощь в социальной адаптации лиц, содержащихся в местах лишения свободы, после их освобождения путем предварительного решения вопросов трудового и бытового устройства. В результате возникает некоторая коллизия между интересами общества и интересами отдельного осужденного, которая в оп-

¹ См.: Пяткевич И.Н., Старков В.И. Указ. соч. – С. 7.

² Яковлева Л.В. Изменение условий содержания осужденных в пределах исправительно-трудовой колонии: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. – М.: НИИ МВД России, 1995. – С.17.

³ Так, в §17 Раздела V Минимальных стандартных правил обращения с заключенными Организации Объединенных Наций указывается, что если подобные выходы за пределы места изоляции от общества предоставляются осужденным в качестве поощрения – в результате произвольного решения и как награда за хорошее поведение, – то это не только обесценивает идею таких мер, но может также вызвать у заключенных чувство, что с ними несправедливо обращаются (см.: Как заставить стандарты работать. Практическое руководство по применению международных тюремных правил. – М.: Права человека, 1998. – С.124).

ределенных случаях решается в пользу осужденного.¹ В этом состоит специфика и самостоятельность анализируемого института.

Согласно отечественному законодательству выезды предоставляются в целях установления и поддержания социально полезных связей. Это особенно важно в условиях изоляции от общества, когда у осужденных происходит вынужденный (принудительный) разрыв или деформация социальных связей и сфер общения. Социально-психологические явления, связанные с исполнением наказания, и индивидуально-психологические процессы, протекающие у осужденных в период отбывания лишения свободы, создают иную жизненную среду, где привычные в прошлом ценностные ориентации приходится пересматривать. Как указывается в литературе, это положительно с точки зрения достижения целей исправления осужденных, но одновременно влечет за собой и нежелательные последствия: определенную духовную изоляцию от общества и принятых в нем целей и ценностей, отвыкание от имеющихся полезных навыков и стиля общения, свойственных пребыванию на свободе. Негативный характер изменений в личности осужденного может усугубиться и тем, что этот процесс происходит в среде, состоящей в основном из лиц, запущенных в нравственном отношении.² В связи с этим весьма важна такая ор-

¹ В литературе встречается и несколько иная позиция относительно природы таких выездов. Например, А.Ф. Сизый полагает, что выезды входят в институт поощрительных и стимулирующих норм уголовно-исполнительного права. Вместе с тем автор указывает, что рассматриваемая мера – мощный фактор формирования правомерного поведения осужденных. Однако эта научная полемика не относится к предмету исследования и поэтому, не вдаваясь в дискуссию по этому поводу, отмечу, что независимо от смысловой нагрузки рассматриваемого института он представляет значительную ценность в борьбе с преступностью (см.: Сизый А.Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права и их стимулирующая функция в процессе формирования правомерного поведения осужденных (проблемы теории и практики): Монография. – Рязань: Высшая школа МВД России, 1994. – С. 77, 87, 92).

² См.: Крылов А.С. Средства массовой информации и социальные связи лиц, осужденных к лишению свободы // Проблемы уголовной ответственности и исполнения наказания: Сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. Вып. 7 / Отв. ред. Н.А.Стручков. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1982. – С.33.

В контексте сказанного отмечу, что изоляция не рассматривается мной в качестве главного содержательного элемента наказания в виде лишения свободы. Не имея самостоятельного правового значения, она не должна представлять собой явление (состояние), из которого вытекает определенное ограничение свободы, а должна определяться лишь как способ, технология реализации лишения свободы. Подр. см.: Рассказов Л., Упоров И. Категория «свобода» в уголовном праве России // Уголовное право. – 2000. – № 2. – С.57-58.

ганизация процесса исправления осужденных к лишению свободы, при которой происходит максимальное сохранение и поддержание их полезных социальных связей. Здесь существенную роль играет институт выездов.¹

Предоставление выездов осужденным, отбывающим наказание в воспитательных колониях, имеет глубокое психолого-педагогическое значение. По верному замечанию Е.П.Молчановой, рассматриваемые выезды представляют для лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, «не просто возможность побыть дома, но и проверку воли, правосознания, момент самостоятельности»².

Итак, социальное назначение данного правового института, на мой взгляд, заключается в следующем:

- в оказании позитивного и гуманизирующего воздействия по отношению к условиям, в которых осужденные отбывают наказание;

- в повышении эффективности исполнения лишения свободы, в том числе за счет дифференцированного воздействия на осужденных;

- в предоставлении осужденным и их близким родственникам организовано упорядоченных возможностей удовлетворения конкретных социально значимых потребностей.

Отмечу, что реализация этих составляющих имеет смысл только при обязательном соблюдении требований установленного порядка выездов во время нахождения осужденных за пределами исправительных учреждений. В дальнейшем остановлюсь на этом моменте более подробно.

Таким образом, сущность института выездов заключается в том, что это конкретное направление деятельности, включаемое в качестве органической составной части в общий процесс исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы.

Поиск наиболее эффективных путей исправления осужденных привели к принятию положений, разрешающих выезды за пределы мест заключения, в пенитенциарных законодательствах многих зарубежных государств. Например, в истории германской пенитенциарии институт выездов за пределы места лишения сво-

¹ Подр. см.: Фещук А.А. Правовое регулирование предоставления и использования отпусков осужденными к лишению свободы: Монография. – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2003. – С.7-17.

² Молчанова Е.П. Проблемы предоставления краткосрочных выездов осужденным в ИТК // Применение нового законодательства в области борьбы с преступностью: Сб. ст. / Под общ. ред. Ю.А.Алферова. – Домодедово: РИПК МВД России, 1994. – С.143.

боды впервые введен в форме отпуска вступившим в силу с 1 января 1977 года Законом от 16 марта 1976 года «Об исполнении наказаний в виде лишения свободы и мерах безопасности, связанных с изоляцией от общества»¹. Таким образом, уголовно-исполнительной системе Германии известно несколько категорий выездов за пределы места лишения свободы:

1) регулярный отпуск, предоставляемый продолжительно-стью до 21 дня ежегодно, если не существует опасности, что осужденный, оказавшись за пределами учреждения, уклонится от дальнейшего отбывания наказания либо злоупотребит отпуском для совершения каких-либо правонарушений. В соответствии с правилом, закрепленным в абзаце 2-а § 4 Закона, выезд не может быть предоставлен тем осужденным, которые содержатся в условиях изоляции и которым до окончания срока наказания осталось более 18 месяцев;

2) особый отпуск для подготовки к освобождению (предварительного решения вопросов трудового и бытового устройства) сроком до одной недели в месяц, когда до окончания срока отбывания наказания остается девять и менее месяцев (§15 Закона);

3) отпуск до шести дней ежемесячно, предоставляемый осужденным, пользующимся правом свободного передвижения;

4) выезды осужденных, связанные с заболеванием, угрожающим жизни или смерти одного из членов семьи, обеспечением личных, деловых или юридических обстоятельств, особым образом затрагивающих частную жизнь осужденного либо имеющие важное значение для последующей его ресоциализации, а также для обеспечения проведения заседаний суда сроком до семи дней.²

Институт выездов лиц, лишенных свободы, во Франции закреплен в 1975 году. Более детально он регламентируется новым Уголовным кодексом Франции 1992 года при исполнении наказания в условиях полусвободы (ст. ст. 132²⁵-132²⁶ УК). Выезды разрешаются лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы на полусвободном режиме, имеющим хорошее поведение независимо от срока отбывания наказания и обстоятельств, по которым возможен отпуск, но при условии, что весь срок наказания не превышает более одного года.³

¹ См.: Воронин Ю.А. Система исполнения наказания в виде лишения свободы в ФРГ // Российский юридический журнал. – 1995. – №2. – С.106-112.

² Так же см.: Закон об исполнении наказания в виде лишения свободы и превентивных мер лишения свободы (ФРГ) / Под общ. ред. А.Г.Перегудова. – Уфа: Высшая школа МВД России, 1994. – С. 7, 15, 47.

³ См.: Internet: <http://www.rabenou/penal/L1.html#art111-1>. – 14 февраля 2001 года.

Поиск наиболее эффективных путей исправления осужденных привели к принятию положений, разрешающих выезды за пределы мест заключения, в пенитенциарных законодательствах и ряда других зарубежных государств. Так, в Швейцарии на основании ст.32 Акта об исправительных учреждениях 1974 года осужденным допускается на продолжительное время оставлять тюремное заведение, если при этом отсутствует значительный риск злоупотребления доверием. Такие выезды предоставляются в тюрьмах закрытого типа 2 раза в месяц на 58 часов и в тюрьмах открытого типа – с вечера пятницы на 54 часа в качестве меры поощрения, а также в связи со смертью или болезнью близкого родственника, заболеванием самого осужденного, женитьбой, учебой, крещением детей, в целях поиска жилья и трудоустройством. Показательно, что выезды предоставляются не только лицам, впервые отбывающим лишение свободы, но и рецидивистам после отбытия ими не менее половины срока наказания и даже, в некоторых случаях, осужденным к пожизненному лишению свободы уже через шесть-восемь лет их пребывания в исправительном учреждении. При этом следует отметить, что доля не возвратившихся из отпуска колеблется в пределах 5% от доли всех осужденных, пользующихся выездами.¹

Практика предоставления выездов за пределы места лишения свободы лицам, отбывающим данный вид наказания, широко используется и в Венгрии. В частности, в 1996 году в этой стране осужденным было предоставлено 20906 выездов, и только 2,3% осужденных не явились обратно в исправительное учреждение. Интересно, что численность тюремного населения, которому предоставлялись данные выезды, в том же году составляла 12763 осужденных. Конечно, не каждый осужденный к лишению свободы смог воспользоваться таким правом, но все-таки соотношение числа предоставляемых выездов к численности осужденных достаточно высоко и составляет 1,63.²

В Финляндии выезд может быть предоставлен практически из всех видов исправительных учреждений, где они, так же как и в Германии, подразделяются на тюрьмы закрытого и открытого ти-

¹ См.: Бриллиантов А.В. Пенитенциарная система Швейцарии // Государство и право. – 1997. – № 9. – С.100; Сизый А.Ф. Предоставление краткосрочных выездов осужденным в зарубежных пенитенциарных учреждениях // Человек: преступление и наказание (Вестник Рязанского института права и экономики МВД России). – 1994. – №1(2). – С.40.

² См.: Панкратов Д. Тюремная служба Венгрии // Человек: преступление и наказание (Вестник Рязанского института права и экономики МВД России). – 1998. – №3. – С.43.

пов и трудовые колонии. Принятый в 1889 году и поныне действующий (с изменениями и дополнениями) Закон об исполнении наказаний предусматривает два вида выездов, продолжительность которых не должна превышать шести дней, без сопровождения конвоира (существуют также выезды и с сопровождением (конвоем)):

- 1) отпуск на основании продолжительности наказания для поддержания социального и психического здоровья осужденного;
- 2) выезд по специальной причине, в связи с заболеванием или смертью близкого родственника, родами жены, потребностью решить жилищный вопрос или вопрос, связанный с трудоустройством.¹

Пенитенциарная организация США характеризуется отсутствием обстоятельных законов об исполнении наказаний в отдельных штатах и существованием автономных пенитенциарных систем, между которыми больше различий, чем сходства. Поэтому можно выделить лишь общие цели, в связи с которыми предоставляется возможность отпусков (выходов) из места отбывания наказания с изоляцией от общества:

- встреча с предлагаемым работодателем;
- увольнение на выходные дни в качестве меры поощрения;
- получение медицинской помощи, которую нельзя получить иным путем;
- установление или восстановление родственных или общественных связей;
- посещение умирающих родственников и присутствие на похоронах родственников;
- выходы в связи с исключительными обстоятельствами (например, стихийное бедствие);
- участие в образовательной, социальной, гражданской или религиозной деятельности, которая обеспечит адаптацию после освобождения;
- иные причины, согласующиеся с личными интересами осужденного и общественными установками.²

Приступая к анализу становления и развития института отсрочки, отмечу, что он имеет свои особенности. Так, достижение целей ресоциализации человека, виновного в совершении преступления, в ряде случаев возможно не только без осуждения или же при его осуждении, но и с освобождением от реального отбывания

¹ См.: Пяткевич И.Н., Старков В.И. Указ. соч. – С.77-79.

² См.: George F. Cole. The American System of Criminal Justice. – 6th Edition. – Brooks/Cole Publishing Company Pacific Grove, California, 1992. – P. 634-636, 640-648.

наказания. При этом подобное решение вопроса о наказании отнюдь не означает, что совершенное деяние утратило признаки, присущие преступлению, а лицо, его совершившее, перестало быть опасным для окружающих. Очевидно, здесь усматривается некоторое противоречие логического и житейского характера, заключающееся в том, что не может преступное вдруг стать не преступным. Однако с точки зрения здравого смысла и социальной целесообразности не всякое преступное деяние неизбежно требует немедленного назначения уголовного наказания.

Очевидно, что законодатель, устанавливая рассматриваемые институты, не только и не столько руководствовался чувством гуманизма, но и стремился решить ряд иных задач уголовно-правовой борьбы с преступностью:

- экономии уголовной репрессии;
- сокращения материальных затрат общества на содержание данной категории лиц в органах и учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества;
- снижения вероятности приобщения осужденных лиц к криминальной субкультуре;
- повышение заинтересованности виновных лиц в законопослушном и социально полезном поведении.

Институт отсрочки исполнения приговора суда, являясь комплексной уголовно-правовой и уголовно-процессуальной мерой воздействия и отражением существующей тенденции – дальнейшей дифференциации мер уголовно-правового воздействия,¹ заключается во временном неисполнении приговора при наличии определенных обстоятельств, препятствующих немедленному исполнению приговора. Так, В.И.Горобцов указывает, что главные достоинства указанного института как структурного элемента форм реализации уголовной ответственности «видятся в альтернативности реальному наказанию (и в первую очередь лишению свободы), в возможности учета невысокой степени общественной опасности личности преступника и содеянного им, в обеспечении реализации принципа неотвратимости ответственности»². Основа-

¹ См.: Першутов А.Г. Деятельность суда, связанная с применением отсрочки исполнения приговора. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1991. – С.13-14, 118.

² Горобцов В.И. Правовая природа условного осуждения и отсрочки исполнения приговора: Лекция. – Орел: Высшая школа МВД России, 1994. – С.3-4, 9, 12. Также см.: Волгарева И.В. Совершенствование нормы об отсрочке исполнения приговора для повышения эффективности уголовного законодательства // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения: Межвузовский сборник. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1989. – С.154-161.

ния рассматриваемой отсрочки являются исключением из общего правила об обязательном исполнении приговоров после их вступления в законную силу. Однако они направлены на лиц, отбывание наказания в виде лишения свободы или исправительных работ которым представляется невозможным или нецелесообразным по соображениям гуманности. Данный институт позволяет более гибко использовать уголовно-правовые средства воздействия на лиц, совершивших преступление. Перечисленные обстоятельства концентрируют социальную ценность отсрочки исполнения приговора суда.

Продолжая рассматривать предпосылки установления уголовно-правового запрета на уклонение от отбывания лишения свободы, отметим, что институт отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, имеет свой специфический характер, обуславливающий особенности его появления. Суть данного института коренится в юридической нецелесообразности реализации уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении определенной категории осужденных женщин. С точки зрения юридической техники рассматриваемый институт представляет собой законодательную регламентацию процесса индивидуализации избранной виновному меры наказания, то есть здесь градуируется (изменяется) процедура реализации этого наказания. Применяется отсрочка отбывания наказания в среднем к 0,1% осужденных женщин.

Рассматриваемый институт выражает высокую степень гуманности российского уголовного законодательства. Его применение обусловлено тем, что более жесткими мерами цели, стоящие перед наказанием, объективно не могут быть достигнуты. В связи с этим представляется бесспорным мнение Ю.М.Антоняна: «...гуманность и милосердие к женщинам должны проявляться не только в действиях конкретных должностных лиц или представителей общественности. Ими должны быть проникнуты законы – уголовный, уголовно-процессуальный, уголовно-исполнительный и другие нормативные акты. От того, насколько соблюдается указанный принцип, можно судить об уровне нравственности в обществе, об овладении им общечеловеческими ценностями»¹. Таким образом, главенствующей идеей включения рассматриваемой но-

¹ Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. – М.: Российское право, 1992. – С.212; На необходимость гуманизации уголовного законодательства в отношении женщин указывалось и рядом других авторов, например, см.: Разбирин Л. Уголовно-правовая характеристика женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Человек: преступление и наказание (Вестник Рязанского института права и экономики МВД России). – 1998. – № 3. – С.39.

веллы в уголовное законодательство России, безусловно, является гуманность, учитывающая интересы женщины-матери. Ставя женщину в привилегированное положение, закон автоматически существенно облегчает участь ребенка, ограждая его в значительной мере от всех стеснений и лишений, сопровождающих отбывание уголовного наказания его матерью.

Реализация института отсрочки отбывания наказания способствует стимулированию позитивного поведения лица, совершившего преступление, необходимой оперативной ресоциализации осужденной женщины с помощью несравнимо менее строгих мер, например административного надзора. По верному замечанию В.А.Сушко и Г.П.Байдакова (мною это обстоятельство уже отмечалось), социальная ценность данного института заключается в осуществлении принципа экономии уголовно-правовой репрессии.¹

Отсрочка отбывания наказания обладает определенными поощрительными свойствами. В специальной литературе справедливо отмечается, что роль методов позитивного стимулирования в регулировании поведения осужденных имеет большое значение и должна повышаться. «Чем больше в уголовном наказании... содержится элементов кары и возможности ее реализации, тем эффективнее воздействие поощрительных норм. Таким образом, более суровому наказанию должна соответствовать более широкая система мер поощрения»².

Поощрительный аспект формируется на двух уровнях. Прежде всего – при принятии судом решения о возможности применения к женщине отсрочки отбывания наказания. В последующем,

¹ См.: Байдаков Г.П. Система основных принципов процесса исправления и перевоспитания осужденных: Учебное пособие. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. – С.60; Сушко В.А. Особенности отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами, имеющими малолетних детей, и беременными: Пособие / Под ред. А.С. Михлина. – М.: ВНИИ МВД России, 1996. – С.56.

Отмечу, что на принцип экономии карательных средств при воздействии на осужденных указывалось и намного раньше. Напр., см.: Квашис В.Е. Гуманизм советского уголовного права. – М.: Юрид. лит., 1969. – С.31; Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. – М.: Юрид. лит., 1973. – С.88-101. Так, А.В.Маслихин отмечает, «что меры, направленные на «экономии репрессии», будут препятствовать обесцениванию лишения свободы, а в конечном счете способствовать справедливости наказания, повышению авторитета органов, осуществляющих борьбу с преступностью» (см.: Маслихин А.В. Принцип гуманизма в исполнении наказания в виде лишения свободы. – Рязань: Рязанская высшая школа МВД СССР, 1978. – С.16).

² Бекузаров Г.О. Юридические обязанности лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М.: Академия МВД России, 1996. – С.21.

когда ребенку исполнится четырнадцать лет, суд по месту жительства осужденной будет решать вопрос об освобождении ее от отбывания наказания или оставшейся части наказания либо о замене оставшейся части наказания более мягким видом наказания. Следовательно, при условии должного поведения, воспитания и надлежащего ухода за ребенком женщина может быть освобождена от дальнейшего отбывания наказания.

Таким образом, по мере осмысления общественных процессов, права и правоприменительной практики законодатель шел по пути закрепления положений реформы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Рассмотренные правовые институты имеют свою ценность и значение в борьбе с преступностью и поэтому являются социально обусловленными явлениями, закономерным этапом на пути дальнейшего совершенствования юридической науки и практики. Так, по верному замечанию Н.И.Коржанского, «социальная обусловленность уголовно-правового запрета определяется в основном социальной ценностью общественных отношений»¹.

Указывая на зарубежный опыт, можно заметить, что практически любая система зарубежного законодательства в арсенале уголовно-правовых мер борьбы с преступностью содержит институт отсрочки отбывания наказания (приговора суда) в силу беременности осужденной женщины (наличия у нее детей определенного возраста) и по иным мотивам. Указанный институт имеет в своей основе положения универсальных международных актов, таких, например, как Всеобщая декларация прав и свобод человека (1948 г.), Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1957 и 1977 гг.), Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила, 1990 г.).

В частности, уголовный закон Белоруссии в ст. 93 закрепляет право судов отсрочить отбывание наказания осужденным к лишению свободы беременным женщинам и женщинами, которые забеременели или родили ребенка во время отбывания наказания, кроме осужденных к лишению свободы на срок более пяти лет за тяжкое или особо тяжкое преступление, в пределах срока, на который действующим законодательством женщина может быть освобождена от работы в связи с беременностью, родами и до достижения ребенком трехлетнего возраста. Кроме того, отсрочка исполнения наказания может быть применена и в отношении лица,

¹ Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. – М.: Академия МВД СССР, 1980. – С.171.

впервые осуждаемого к лишению свободы на срок от одного года до двух лет, если суд придет к убеждению, что цели уголовной ответственности могут быть достигнуты без отбывания назначенного наказания (ст.77 УК Белоруссии).

Практически тождественную норму об отсрочке отбывания наказания, в том числе и лишения свободы, беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, содержат уголовные кодексы Республик Азербайджан (ст.79), Грузии (ст.75), Таджикистан (ст.78), Туркменистан (ст.78). Однако срок такой отсрочки женщинам, имеющим детей, в некоторых из указанных стран несколько выше и длится до достижения ребенком пятилетнего возраста (Грузия), восьмилетнего возраста (Азербайджан, Туркменистан), в Таджикистане он равен трем годам.

В уголовном законодательстве Германии институт отсрочки раскрывается в рамках условной отсрочки назначения наказания и условной отсрочки исполнения наказания в виде лишения свободы. Первая мера применяется только по Закону о судах по делам несовершеннолетних от 4 августа 1953 года в редакции от 1 декабря 1990 года (§27-29) в случае, если суд, исчерпав все доказательственные возможности, не может с уверенностью полагать, что в преступном деянии несовершеннолетнего проявились его вредные склонности, требующие лишить его свободы. Вторая мера известна и Закону о судах по делам несовершеннолетних (§21-26, 38, 58, 93) и Уголовному кодексу ФРГ (§56-58, 67g). Так, §56 уголовного закона регламентирует, что суд при осуждении к наказанию в виде лишения свободы лица не более чем на один год (при особых обстоятельствах – не более чем на два года) может постановить об условной отсрочке наказания, если можно ожидать, что осужденный учтет приговор и в будущем больше не совершит преступных деяний.¹ Однако прямое указание на условность такой отсрочки, ее порядок и условия отбывания, наличие испытательного срока свидетельствуют о том, что эта мера представляет собой скорее институт условного освобождения от наказания.

Институт отсрочки закреплен в Уголовном законодательстве Франции в двух ее основных видах: отсрочки исполнения наказания и отсрочки назначения наказания. В свою очередь, первый вид отсрочки проявляется в трех формах:

¹ См.: Серебренникова А.В. Основные черты Уголовного кодекса ФРГ. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – С.123-128, 134.

1) простая отсрочка исполнения наказания может быть предоставлена физическому лицу¹, если это лицо в течение предшествующих пяти лет не было судимо (ст.ст. 132²⁹-132³⁹ УК Франции);

2) отсрочка исполнения наказания с помещением в режим испытания (ст.ст.132⁴⁰-132⁵³ УК Франции);

3) отсрочка исполнения наказания с возложением на осужденного обязанности выполнять труд в общественных интересах (ст. ст. 132⁵⁴-132⁵⁷ УК Франции).

В случае, когда «ресоциализация виновного [находится] на пути к достижению, причиненный ущерб возмещается и нарушения, вызванные совершением преступного деяния, в скором времени прекратятся»², может быть применена отсрочка назначения наказания (ст.132⁶⁰ УК Франции), которая подразделяется на следующие формы:

1) отсрочка назначения наказания с помещением осужденного в режим испытания;

2) отсрочка назначения наказания с предписанием.

Отмечу, что по истечении срока отсрочки назначения наказания суд может не только освободить виновное лицо от отбывания наказания либо назначить наказание, предусмотренное законом или постановлением за совершенное ранее преступное деяние, но и вновь отсрочить назначение наказания.³

Законодательство Швейцарии также предусматривает отсрочку приговора по исполнению наказания (в том числе и лишения свободы) или меры уголовно-правового характера (помещение в подходящую семью, особое наблюдение и другие): а) на срок не более чем 18 месяцев взрослым преступникам, когда предыдущая жизнь и поведение осужденного дают основание ожидать, что в будущем он не будет совершать преступления или проступки и когда он по решению суда или по соглашению сторон возмещает установленный ущерб (ст.41 УК Швейцарии); б) несовершеннолетним осужденным, если с уверенностью нельзя сказать, требуется

¹ По уголовному законодательству Франции к уголовной ответственности могут привлекаться и юридические лица. Соответственно, в их отношении предусмотрен ряд институтов уголовно-правового характера, в том числе и простая отсрочка исполнения наказания.

² Цит. по: Крылова Н.Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции. – М.: СПАРК, 1996. – С. 79.

³ Подр. см.: Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / Под ред. и с предисл. И.Д.Козочкина. – М.: Институт международного права и экономики имени А.С.Грибоедова, 2001. – С.356-358.

ли в отношении подростка применение одной из предусмотренных мер или наказания (ст.ст. 96, 97 УК Швейцарии).¹

Отсрочка наказания имеет место и в Англии. Так, Закон о компетенции уголовных судов 1973 года регламентирует условную отсрочку исполнения наказания (или отложенный приговор), в соответствии с которой при осуждении лица к тюремному заключению на срок от одного года до двух лет суд вправе отсрочить исполнение наказания под условием презумпции в дальнейшем хорошего поведения и несовершения нового преступления в течение определенного срока.

Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте и состоянии, требующими за ними соответствующего ухода, в США не имеет четкого закрепления, однако на практике такая мера используется и поддерживается.²

В Китае беременная женщина или женщина с ребенком в возрасте до одного года начинает отбывать тюремное заключение только после того, как ее ребенку исполнится один год.³

Исследователями теории и практики отсрочки лишения свободы в зарубежном уголовном праве отмечается, что постепенно сложились две основные системы отсрочки, различные с точки зрения юридической техники:

- характерная для англо-американского правового пространства пробация (англ. probation);
- бельгийско-французская «сурси» (фр. sursis).

Существенное различие между ними состоит в том, что «пробация предполагает отсрочку назначения лишения свободы, тогда как «сурси» заключается в том, что лишение свободы назначается, однако его исполнение откладывается на неопределенный срок»⁴. В настоящее время пробация осталась ограниченной лишь системой англо-американского права, «сурси» распространилась на большинство стран с континентальной системой права.⁵

¹ См.: Уголовный кодекс Швейцарии / Пер. с нем. – М.: Зерцало, 2000. – С.17-18, 42-43.

² См.: George F. Cole. The American System. . . – P. 611-612.

³ См.: Правосудие в отношении несовершеннолетних // Unicef (Детский фонд ООН, Международный центр по проблемам развития ребенка, Флоренция, Италия): Innocenti digest. – М.: ЮНИСЕФ, Интердиалект+, 1998. – С.13-14.

⁴ Пергатая А.А. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Федеративной Республики Германии: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Красноярск: Государственный ун-т, 1999. – С.135-136.

⁵ См.: Worrall A. Punishment in the Community: The Future of the Criminal Justice. – London and New York: Longman, 1997. – P. 21-33; Brownlee I. Community

Таким образом, краткий анализ современного состояния институтов выездов из мест лишения свободы и отсрочки отбывания наказания (приговора суда) в зарубежных странах показывает, что они характерны как для островной, так и для континентальной систем права, вытекают из международных стандартов и новых возможностей позитивного и целесообразного воздействия на преступников, согласованы с интересами общества и преследует цель гуманного отношения к осужденным лицам и возвращения в общество полноценной личности.

Указанная социальная ценность выездов и отсрочки в совокупности с иными факторами, о которых речь пойдет дальше, детерминирует уголовно-правовой запрет на нарушение данных институтов.¹ Однако кроме социальной ценности охраняемых общественных отношений предпосылки уголовно-правового запрета, как уже было указано, определяются и рядом других факторов.

Фактором отнесения деяния к категории преступлений, возведения его законодательной властью в разряд криминального поведения выступает общественная опасность как антисоциальная сущность и свойство поступков определенного рода.² Именно общественная опасность деяния в решающей степени предопределяет социальную обусловленность уголовно-правового запрета и служит его обоснованием. Так, В.Д.Филимонов полагает, что обоснованием правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение общественно опасных действий, является опасность причинения вреда общественным отношениям.³

Punishment. A Critical Introduction. – London and New York: Longman, 1998; Ashton J. and Wilson D. What Everyone in Britain should Know about Crime and Punishment. – 2nd ed. – Oxford: University Press, 2001. – P. 146-162; Ashton J. and Wilson D. What Everyone in Britain should Know about Crime and Punishment. – 2nd ed. – Oxford: University Press, 2001. – P. 146-162; The Oxford Handbook of Criminology / Edited by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. – 3rd ed. – Oxford: University Press, 2002. – P. 1168-1185.

¹ В результате проведенного автором анкетирования сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы было выяснено, что 42% опрошенных ратуют даже за то, что бы ужесточить наказание за исследуемое преступление, что в определенной степени говорит о высокой ценности (по представлениям практиков) охраняемых ст.314 УК РФ общественных отношений. Для сведения: 13% опрошенных считают необходимым оставить наказание прежним, 3% – смягчить; 42% затруднились ответить.

² Об этом см.: Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – С.91-103.

³ См.: Филимонов В.Д. Указ. соч. – С.15-16; Он же. Объект преступления и преступное последствие // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью: Сб. статей / Отв. ред. В.Д.Филимонов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. – С.13-15.

В контексте сказанного отмечу, что общественная опасность означает опасность преступления для интересов всего общества и государства, а также для каждого человека. «Преступления в совокупности могут негативно влиять на социальные условия жизни людей, развитие общественных процессов, различных сторон государственной деятельности», – пишет А.И.Марцев¹, к убедительному суждению которого следует присоединиться. Необходимыми условиями правильного понимания общественной опасности является то, что, во-первых, к общественно опасным следует относить посягательства, которые не только причиняют реальный вред общественным отношениям, но и ставят их под угрозу причинения такого вреда², и, во-вторых, что общественно опасно как преступное действие, так и преступное бездействие.

Общественная опасность уклонения от отбывания лишения свободы состоит в преступных последствиях, выражающихся в прямом нарушении социальных возможностей. Это означает, что, во-первых, составляющие правоохраняемый объект общественные отношения регулируют поведение человека, связанное с нематериальными, не обладающими вещной оболочкой благами, и, во-вторых, реализация подобного рода возможностей обеспечивается в значительной мере позитивным поведением самого виновного.³ Действующий субъект (осужденное лицо) нарушает охраняемые общественные отношения изменением своего социального статуса путем исключения себя как участника определенной связи (правоограничений, вытекающих из факта осуждения), разрывая ее, неисполнения лежащей на нем обязанности, которая является содержанием общественного отношения (например, при отсрочке отбывания наказания).⁴ Осуществление социальной возможности в ее конкретном проявлении доверяется (поручается) лицу, которое в дальнейшем действует иначе, вразрез с соответствующими пред-

¹ Марцев А.И. Законодательное закрепление понятия преступления // Вопросы учения о преступлении и ответственности: Избранные статьи. – Омск: Юридический институт МВД России, 1998. – С. 35.

² См.: Марцев А.И. Вопросы совершенствования норм о преступлении // Советское государство и право. – 1988. – № 11. – С. 86.

³ О формах и содержании общественно опасных последствий см.: Михлин А.С. Последствия преступления. – М.: Юрид. лит., 1969. – С.5-27; Мальцев В.В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. – С.30-31.

⁴ В интересах познания общественной опасности исследуемого преступления представляется верным сослаться на состоятельную в этом плане теорию социальной связи как содержания объекта преступного посягательства (см.: Коржанский Н.И. Указ. соч. – С.137, 157-160).

писаниями. Таким образом, общественная опасность анализируемого преступления заключается в ущемлении возможности государства по обеспечению порядка реализации таких мер, как выезды, отсрочка исполнения приговора суда и отбывания наказания, и в силу этого – в нарушении надлежащего исполнения уголовного наказания и в целом общественных отношений, обеспечивающих нормальные условия достижения интересов правосудия.

Острота такого нарушения состоит в том, что надлежащая реализация приговора суда является необходимым условием достижения целей наказания и успешной борьбы с преступностью. Так, Ю.М.Ткачевский в свое время указывал, что «без реального исполнения уголовного наказания постановка вопроса о достижении целей, стоящих перед ним, невозможна»¹. В силу того, что исполнение наказания представляет собой особую функцию государственных органов, специфика и важность общественных отношений, связанных с исполнением мер государственного принуждения, позволили выдвинуть научно аргументированные доказательства существования комплексной отрасли права, нормы которой имеют общий юридический режим, то есть целостную систему регулятивного воздействия по поводу исполнения различных видов государственного принуждения, связанного с изоляцией от общества. Данному режиму свойственны специфические приемы регулирования – особый порядок возникновения и формирования содержания прав и обязанностей, их реализации, санкции и способы их реализации, действие единых принципов и правовых положений, распространяющихся на эту совокупность норм.² Общие черты мер государственного принуждения (принудительная изоляция в специальном учреждении, охрана и надзор за содержащимися в них лицами, жесткая регламентация образа жизни таких лиц, ограничение удовлетворения ими ряда социальных и биологических потребностей, в том числе материально-бытового характера³) позволили говорить о реальном наличии этого юридического режима и, следовательно, существовании такой отрасли⁴, а также, кроме

¹ Ткачевский Ю.М. Обеспечение исполнения уголовного наказания // Советское государство и право. – 1982. – №2. – С.60.

² См.: Алексеев С.С. Отрасли советского права: проблемы, исходные положения // Советское государство и право. – 1979. – №9. – С.17.

³ См.: Уткин В.А. Пенитенциарное право как «право лишения свободы» // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: Межвузовский сборник научных трудов. Вып.1 / Отв. ред. В.И.Горобцов. – Красноярск: Высшая школа МВД России, 1998. – С.62.

⁴ См.: Разбирин В.В. Предмет правового регулирования мер принуждения, связанных с изоляцией от общества // Правовые проблемы укрепления россий-

указанного, о материальных основаниях ответной государственной реакции на нарушение данного юридического режима.

Неисполнение наказания не только наносит серьезный урон авторитету закона и правоохранительных органов, но и создает возможность прецедента общественно опасного деяния – угрозу повторения подобных нарушений в будущем¹, фактически делает бесполезным действие всего уголовного права. Как точно отметил И.М.Гальперин, «уголовное право в действии – это в значительной мере применение наказания»². Кроме того, хотя наказание и нельзя отнести к доминирующему орудию борьбы с преступностью, все же оно представляет собой часть предупредительных мер и играет заметную роль в сдерживании роста преступности.³

Анализ показателей исследуемого преступления позволяет сделать определенные выводы о его тенденциях и степени общественной опасности. Так, в 1990 г. по России было зарегистрировано 20 уклонений от отбывания лишения свободы, в 1991 г. – 26, в 1992 г. – 39, в 1993 г. уже 1450, в 1994 г. – 2266, в 1995 г. – 1899, в 1996 г. – 1503, в 1997 г. – 278, в 1998 г. – 223, в 1999 г. – 184, в 2000 г. – 94, в 2001 – 132, в 2002 – 68, 2003 – 71.

На увеличение числа зарегистрированных фактов уклонений от отбывания лишения свободы в 1993 году, продолжающееся вплоть до 1997 года, в определенной степени повлияло решение законодателя о квалификации по ст. 188¹ УК РСФСР побегов из колоний-поселений (с 1993 года до принятия УК РФ 1996 года). Думается, что одной из причин снижения числа зарегистрированных уклонений от отбывания лишения свободы начиная с 1997 года послужило отсутствие четко определенных признаков рассматриваемой нормы и обобщенной судебной-следственной практики по ее применению в связи с введением в действие нового уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Кроме того, причиной является совершение по различным мотивам руководителями всех звеньев в исправительных учреждениях укрывательства случаев невозвращения осужденных из выездов.

ской государственности: Сборник статей. Часть 18 / Под ред. С.А.Елисеева. – Томск: Издательство Томского ун-та, 2004. – С.150-153.

¹ См.: Фефелов П.А. Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы). – М.: Наука, 1992. – С.27 и др.

² Гальперин И.М. Наказание: социальные функции, практика применения. – М.: Юрид. лит., 1983. – С.36.

³ Подр. см.: Карпец И.И. Указ. соч. – С. 112; Тагиев М.Н. К вопросу об обеспечении исполнения уголовного наказания // Вестник Московского ун-та. Серия 11 (Право). – 1986. – № 1. – С.72.

Изложенные статистические данные необходимо воспринимать с поправкой на значительную степень латентности рассматриваемого преступления, так как не все они в силу различных причин становятся известными правоохранительным и судебным органам (например, в силу совершаемых по различным мотивам руководителями всех звеньев уголовно-исполнительной системы укрывательства случаев невозвращения осужденных из выездов).

Определенный интерес в связи с этим представляют результаты анкетирования сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы. На вопрос: «Насколько, с Вашей точки зрения, латентно (скрыто) уклонение от отбывания лишения свободы для руководства исправительного учреждения?» ответы распределились следующим образом:

- все факты известны – 20%;
- неизвестно менее половины фактов уклонения – 22%;
- неизвестно более половины фактов уклонения – 18%;
- затрудняюсь ответить – 40%.

Из приведенных выше данных следует, что мнение значительной массы опрошенных (40%) совпадает с нашим мнением о значительной степени латентности исследуемого преступления. Такая латентность отрицательно влияет на статистические показатели.

При ответе на вопрос о том, насколько латентно уклонение от отбывания лишения свободы для прокуратуры, еще большее число опрошенных (46%) подтверждает мою позицию по этому поводу. И лишь 15% респондентов полагают, что прокуратуре известны все факты уклонения от отбывания лишения свободы.

На вопрос о том, что является причиной латентности рассматриваемого преступления, ответы распределились следующим образом:

- нежелание руководителей исправительных учреждений сообщать о таких случаях в компетентные органы, так как из-за этого впоследствии возможна негативная оценка их работы – 55%;
- недостатки в системе учета и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях – 19%;
- таких причин нет, поскольку все факты уклонения от отбывания лишения свободы известны правоохранительным органам – 15%;
- соответствующие должностные лица не желают сообщать о случаях уклонения, так как считают, что такое поведение осужденного имеет незначительную общественную опасность – 11%.

Сравнительный анализ показывает, что удельный вес уклонений от отбывания лишения свободы в общем количестве преступлений против правосудия значительно упал именно в период введения в действие нового уголовного законодательства (см. таблицу 1), что, кроме прочего, также может свидетельствовать о трудностях применения на практике рассматриваемой уголовно-правовой нормы.

Таблица 1

**УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ЧИСЛА ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ
УКЛОНЕНИЙ ОТ ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ
В ОБЩЕМ ЧИСЛЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ ПО РОССИИ**

Го- ды	Зарегистри- ровано пре- ступлений против пра- восудия	Зарегистриро- вано уклонений от отбывания лишения свобо- ды (уклонений от отбывания наказания в ви- де лишения свободы)	Удельный вес числа зареги- стрированных уклонений от отбывания лишения свободы (уклонений от отбывания на- казания в виде лишения сво- боды) в общем числе зареги- стрированных преступлений против правосудия, (%)
1990	17.791	20	0,1
1991	17.122	26	0,1
1992	19.817	39	0,1
1993	23.514	1.450	6,1
1994	21.663	2.266	10,4
1995	19.141	1.899	9,9
1996	18.467	1.503	8,1
1997	6.566	278	4,2
1998	6.579	223	3,3
1999	6.654	184	2,8
2000	5.794	94	1,6
2001	5.801	132	2,6
2002	5.713	68	1,2
2003	6.423	71	1,1

Продолжая рассматривать общественную опасность уклонения от отбывания лишения свободы, следует еще раз (такая попытка невольно уже имела место при исследовании социальной ценности выездов, отсрочки исполнения приговора суда или отбывания наказания) перенести сферу научного анализа и на объект данного посягательства. Как подчеркивает А.А.Герцензон, общественная опасность преступления обуславливается, прежде всего,

объектом посягательства.¹ Однако необходимо отметить лишь те его свойства, которые позволят более глубоко проанализировать все особенности установления уголовной ответственности за рассматриваемое преступление. Более подробно объект уклонения от отбывания лишения свободы будет рассмотрен во второй главе настоящей монографии.

В связи с этим представляется важным отметить, что лишение свободы как мера уголовного наказания выступает необходимым связующим условием выездов, отсрочки исполнения приговора суда или отбывания наказания, поскольку эти меры могут существовать только (за некоторым исключением – при отсрочке) в сфере реализации данного вида наказания. Именно совершение наказания в виде лишения свободы продуцировало развитие этих мер и является индикатором их жизнеспособности. Прогрессивность свойств и функций этого наказания определяет значение (важность) предоставления осужденным выездов, отсрочки исполнения приговора суда или отбывания наказания.

Внешним проявлением по отношению к свойствам лишения свободы выступают его функции. Они не тождественны социальному назначению данного вида наказания и его целям, но близки по содержанию. Реализация функций обусловлена социально-правовым назначением этого наказания и должна ему соответствовать. И если социально-правовое назначение наказания характеризует то, для чего оно существует на данном историческом этапе, то функции представляют собой характерный способ действия лишения свободы. Так, Е.Р.Абдрахманова, к таким функциям относит социальную интеграцию, удовлетворение чувства социальной справедливости, воспитание, кару, устрашение преступника и др.² Не вдаваясь в дискуссию по поводу содержания изложенной позиции относительно свойств и функций наказания в виде лишения свободы, отмечу, что в достижении такой указанной выше функции, как воспитание, участвуют выезды, отсрочка исполнения приговора суда или отбывания наказания. Однако в силу более широкого назначения данных мер представляется верным дополнить шкалу функций лишения свободы. В качестве таковой следует признать проявление гуманизма при реализации наказания, возрождение и поддержание социально-полезных связей, стимулирование их законопослушного поведения.

¹ Цит. по: Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. – М.: Гос-е изд-во юрид. лит-ры, 1960. – С.20.

² См.: Абдрахманова Е.Р. Уголовно-правовое обеспечение реализации лишения свободы: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М.: Московская государственная юридическая академия, 1996. – С.14-15.

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст.314 УК РФ, в изложенном выше аспекте лежит в плоскости того фактического общественного отношения, ради которого установлена исследуемая уголовно-правовая норма. Однако этим преступные последствия уклонения от отбывания лишения свободы не исчерпывают себя. Возникает общественная опасность иного рода. Так, осужденное лицо, которому предоставлен выезд, отсрочка исполнения приговора суда или отбывания наказания, уклоняясь от (дальнейшего) отбывания лишения свободы, ставит себя в нелегальное положение. Такое лицо, находясь на нелегальном положении, вынуждено скрываться от правоохранительных органов, вести «подпольный» образ жизни, оно в большей степени подвластно негативному воздействию окружающих, вовлечению в противоправную деятельность. Данное лицо, по справедливому замечанию Н.П.Барабанова, «является криминально опасным источником в смысле как причинения материального вреда гражданам, так и создания угрозы их здоровью и жизни. У граждан создается мнение, что система учреждений для содержания преступников не способна обеспечить их изоляцию»¹. Тем самым в определенной степени нарушается безопасность общества. Условно потенциальная общественная опасность таких лиц «удваивается». Это происходит в силу того, что, во-первых, они не отбыли весь срок наказания или они от него не освобождены и поэтому их личность все еще считается опасной для общества. Здесь будет уместным отметить, что многие авторы под общественной опасностью личности понимают наличие «антисоциальной ориентации» (С.П.Бузынова), «стойкой антисоциальной установки» (А.Б.Сахаров), «антисоциальных качеств» (Б.В.Волженкин)², «реальную угрозу совершения лицом нового преступления»³. Обобщая указанные дефиниции, А.В.Бриллиантов выделяет понятие антисоциальной установки, под которой он подразумевает «готовность личности к социально значимому вредному для общества действию (бездействию) в соответствии с наличием в ее сознании домини-

¹ Барабанов Н.П. Организация деятельности исправительных учреждений по предупреждению и пресечению массовых беспорядков, захватов заложников, побегов: Монография. – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2003. – С.220.

² Цит. по: Бриллиантов А.В. Об использовании в законодательстве понятия «общественная опасность личности» // Проблемы уголовно-исполнительного законодательства в свете правовой реформы: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. – С.27.

³ Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника (предпосылки, содержание, критерии). – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1970. – С.34.

рующих антиобщественных потребностей, интересов, принципов и привычек. Наличие у личности антисоциальной установки свидетельствует о ее общественной опасности»¹. Подобная готовность, как мне представляется, выступает ядром той опасности для общества, которую представляет личность осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания. И, во-вторых, не возвращаясь (не являясь) в место лишения свободы без уважительных причин, лица сознательно игнорируют требование государства, вступают с ним в конфликт. Имея четкое представление об уголовной ответственности за такие действия (у лица берется об этом подписка), личность дестабилизируется в своих представлениях о «добре» и «зле», выпадает из режима правопослушного поведения, в сознании такого лица рушится система устрашающих противовесов уголовного закона и его (лица) общественно опасных намерений.

На практике не единичны случаи, когда в отношении лица, уклоняющегося от (дальнейшего) отбывания лишения свободы, возбужденное уголовное дело приостанавливается в связи с невозможностью установить его местопребывание и объявлением преступника в розыск. Так, 20 июня 1994 года органом дознания ОВД Свердловского района г. Красноярска было возбуждено уголовное дело по ст.188¹ УК РСФСР 1960 года (уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы) в отношении А.И.Касаткиной, которая, отбывая наказание в виде лишения свободы в ИТК-22, не вернулась обратно в исправительно-трудовое учреждение из предоставленного ей выезда в г.Омск. Уголовное дело в отношении осужденной было приостановлено, А.И.Касаткина была объявлена в розыск, однако местопребывание осужденной так и не удалось установить.² Другой пример. Отбывающему наказание в виде лишения свободы в ИК-3 А.А.Хороших 22 января 2000 года был предоставлен выезд в п. Бозой Иркутской области, из которого осужденный обратно в исправительное учреждение не вернулся. Возбужденное в связи с этим 8 февраля 2000 года органом дознания этого исправительного учреждения уголовное дело по ст.314 УК РФ 1996 года было приостановлено, А.А.Хороших

¹ Бриллиантов А.В. Указ. соч. – С.28.

² Архив Красноярской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях. Уголовное дело №1043786, возбуждено 20 июня 1994 года.

В связи с проведением монографического исследования были изучены 159 архивных уголовных дел, возбужденных в период с 1989 по 2000 гг. органами дознания либо следствия г.Красноярска и Красноярского края (86 УД; 54,1 %), г.Иркутска, г.Ангарска и Иркутской области (73 УД; 45,9 %).

был объявлен в розыск; местопребывание осужденного также не удалось установить.¹

На оказавшихся за пределами места изоляции от общества осужденных не распространяются тяготы и лишения, вытекающие из факта осуждения к наказанию в виде лишения свободы. В связи с этим, а также под воздействием криминальных наклонностей некоторые осужденные воспринимают такое положение как вседозволенность и нередко совершают новые преступления. Возможность совершения лицом, уклоняющимся от дальнейшего отбывания лишения свободы, нового преступления подтверждается и в практической деятельности при производстве предварительного расследования по данной категории уголовных дел.² Так, С.А. Белоусову, отбывающему наказание в виде лишения свободы в ИТК-28, был предоставлен выезд в г. Уяр Красноярского края на срок с 21 по 24 марта 1996 года, из которого осужденный обратно в исправительное учреждение не вернулся. 8 июня 1996 года С.А. Белоусов был задержан оперативной группой Уярского ГРОВД при покушении на совершение кражи при следующих обстоятельствах: в 4-м часу утра с целью совершения хищения чужого имущества он пришел во двор дома №4 по ул. Тюленина г. Уяра, где путем срыва замков проник в надворное помещение (хранилище), принадлежащее Н.И. Кострюлевой, и завладел имуществом на сумму 845 тыс. руб. (неденоминированных), чем причинил значительный ущерб потерпевшей.³

Отбывающему наказание в виде лишения свободы в ИТК-27 С.В. Ефремову был предоставлен выезд в г. Красноярск на срок с 7 по 21 апреля 1994 года. В ходе предварительной проверки выяснилось, что С.В. Ефремов 21 апреля 1994 года, находясь в г. Красноярске, встретил своего знакомого А.А. Лупашкова. Вдвоем они пошли домой к знакомой последнего, угрожая ножом забрали у нее деньги, совершив, таким образом, разбойное нападение группой лиц.⁴

¹ Архив Иркутской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях. Уголовное дело № 23217 (1М-2000), возбуждено 8 февраля 2000 года.

² Напр.: Архив Тулунского районного народного суда Иркутской области. Уголовное дело № 55122, возбуждено 4 февраля 1995 года; Архив Саянского городского народного суда Красноярского края. Уголовное дело № 47134, возбуждено 3 ноября 1996 года.

³ Архив Уярского районного народного суда Красноярского края. Уголовное дело № 3126175, возбуждено 13 мая 1996 года.

⁴ Архив Советского районного народного суда г. Красноярска. Уголовное дело №1029889, возбуждено 25 апреля 1994 года.

Нельзя не отметить, что отдельная категория осужденных лиц, уклоняющихся от отбывания наказания, испытывает некоторую эйфорию, желание «погулять» в связи с возникшей свободой действий. Обладая, как правило, низкой степенью социальной адаптации и повышенной делинквентностью, такие лица нередко склоняются к девиантному, маргинальному, аморальному поведению (алкоголизм, попрошайничество и т.п.). Так, 17 августа 1994 года в г.Черногорске Республики Хакасия в состоянии алкогольного опьянения была задержана О.В. Шпильевская, которая «вела себя непристойно, нарушала общественный порядок». В ходе предварительной проверки было установлено, что отбывающей наказание в виде лишения свободы в ИТК-22 г.Красноярска О.В.Шпильевской был предоставлен выезд в г.Черногорск на срок с 28 июля по 10 августа 1994 года для свидания с детьми и мужем. Однако осужденная обратно в исправительное учреждение в срок не прибыла, жила не у себя дома, а где придется, постоянно распивала спиртные напитки.¹

Исследуя факторы, учитываемые при решении вопроса о существовании нормы, устанавливающей уголовную ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы, нельзя не остановиться на характеристике современной преступности в местах лишения свободы.

Криминальная ситуация в местах лишения свободы оставляет желать лучшего. Так, специалисты указывают, что при одновременном ослаблении режима содержания в местах лишения свободы наблюдается ухудшение политико-воспитательной работы, отсутствие адекватного реагирования на поступки заключенных, «фактически осужденные живут в колониях не столько по нормам Уголовно-исполнительного кодекса и Правилам внутреннего распорядка, а по законам и правилам тюремной субкультуры, где фактически наблюдается двоевластие криминальных авторитетов и администрации учреждений»².

Более того, лишение свободы кроме позитивного значения всегда несло в себе и ряд негативных последствий. В обобщенном виде негативные последствия применения данного вида наказания представляют собой разнообразные противоречащие целям наказания прямые и косвенные результаты изменений в социальных отношениях, связывающих осужденных с обществом, наносящие

¹ Архив Свердловского районного народного суда г. Красноярск. Уголовное дело №1044315, возбуждено 22 августа 1994 года.

² Ишигеев В.С., Кернаджук И.В. Наказание и предупреждение преступлений в местах лишения свободы: Монография. – Хабаровск: Дальневосточный институт менеджмента, бизнеса и права, 2003. – С.114-115.

ущерб как осужденным, так и обществу в целом. В специальной литературе под указанными последствиями рассматриваются социально-экономические, социально-психологические, нравственные, демографические и отрицательные криминологические последствия («...социальная, психологическая, нравственная и физическая деформация и деградация осужденных, увеличивающая их дистанцию с обществом»¹). Лишение свободы – это специфический детерминатор рецидивной преступности. Показатель рецидива среди лиц, которые отбыли этот вид наказания, на 10-15% выше показателя общего рецидива.

Можно с уверенностью констатировать факт сохранения неблагоприятных тенденций в исправительных учреждениях. Остановлюсь на основных из них. Так, остается высокой доля насильственных посягательств, составляющих основную массу правонарушений в местах лишения свободы. В целом не снижается уровень побегов. Вызывают тревогу преступления, сопровождающиеся групповым насилием, направленные на дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, общее число которых по сравнению с 1995-1996 гг. возросло в 15 раз. Как указывает М.Костюк, эти деяния, а также уклонение от отбывания лишения свободы «подрывают авторитет правоохранительных органов, порождают неблагоприятную социально-психологическую обстановку в исправительном учреждении»².

Можно выявить определенную закономерность влияния криминальной напряженности в местах лишения свободы на неявку (невозвращение) осужденных лиц в исправительное учреждение для (дальнейшего) отбывания наказания. Более того, по верному замечанию Н.П.Барабанова, в реальной действительности система мест лишения свободы и её организация не отвечают требованиям соответствующих международных пенитенциарных стандартов, в

¹ Рудник В. Криминологические последствия отбывания наказания в виде лишения свободы // Проблемы совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы: Материалы научно-практической конференции (13-14 мая 1993 года) / Под общ. ред. В.А.Глушкова. – Киев: РИО Института Украинской Академии Внутренних Дел, 1994. – С. 63. На это же указывают: Кирюшкин М.В. Социальный механизм функционирования уголовного наказания // Правоведение. – 2001. – № 1. – С.144-157; Петропавловский В. Нужна не гуманизация наказания, а нормализация условий содержания заключенных // Российская юстиция. – 2002. – № 10. – С.43-44.

² Костюк М. Объект уголовно-правовой охраны в исправительных учреждениях // Законность. – 1999. – №10. – С.48.

частности Минимальных стандартных правил обращения с заключенными.¹

Результаты изучения правоприменительной практики также указывают на данную зависимость. Так, 16,4% виновных совершили анализируемое преступление именно по мотиву страха перед возвращением в исправительное учреждение (боязнь быть униженным, страх перед физической расправой и др.).

Таким образом, значительная степень общественной опасности уклонения от отбывания лишения свободы характеризуется разнообразием преступных последствий. Кроме угрозы общественным отношениям в сфере реализации таких прогрессивных мер, как выезды, отсрочка исполнения приговора суда и отсрочка отбывания наказания, рассматриваемое преступление несет в себе угрозу таким ценностям, как авторитет и интересы правосудия, широкому кругу общественных отношений, например в сфере общественной безопасности, и как следствие этого – нормальной деятельности органов власти и управления.²

Особенностями последствий рассматриваемого преступления являются:

- угроза широкому спектру благ и интересов, разноплановый характер, повышающие общественную опасность рассматриваемого преступления и определяющие его специфику;
- сложность прогнозирования их развития;
- значительная латентность, негативные тенденции в среде осужденных, сопровождающиеся недоверием к администрации мест изоляции от общества и чувством вседозволенности.

Существенным моментом анализа социальных изменений, возникающих при уклонении от отбывания лишения свободы, выступает характеристика механизма обеспечения жизнеспособности правовой нормы. Отмечу первый тезис (посылку) дальнейших рассуждений (заключения). Так, убежденность субъекта, что какое-либо социальное установление неукоснительно соблюдается соответствующими лицами, через механизмы внушения и подражания формирует благоприятные социально-психологические условия для его уважения и соблюдения индивидами. И напротив, распространение в определенной среде представлений о том, что некое предписание фактически не действует (хотя это может быть и заблуждением), способно значительно снизить доверие к нему и, как следствие этого, отрицательно сказаться на результативности его

¹ См.: Барабанов Н.П. Указ. соч. – С. 218.

² Подробно общественные отношения, на которые посягает рассматриваемое преступление, будут рассмотрены во второй главе исследования.

мотивирующего влияния. Второй тезис основывается на том, что соблюдаемость правовых предписаний не может быть абсолютной. Как верно отмечает А.В.Усс, «потребность в нормировании сама по себе уже подразумевает возможность появления нормативных отклонений, что время от времени и реализуется в поступках конкретных лиц. Каждый факт нарушения социальной нормы в большей или меньшей мере ставит под вопрос ее регулятивный и социализирующий потенциал»¹.

В связи с этим построю свой вывод: во-первых, провозглашение того, что определенные социальные блага взяты под особую охрану государством и поэтому посягательства на них будут влечь последствия уголовно-правового характера, включает механизм обеспечения жизнеспособности правовой нормы. При этом, на мой взгляд, необходимым показателем режима функционирования указанного механизма выступает общепредупредительная сила уголовно-правового воздействия. Именно ее следует считать основным и наиболее приемлемым условием, составляющим всю совокупность назначения нормы, элементом существования нормы. Так, «государство должно быть заинтересовано в том, чтобы потенциальная кара предупреждала преступления и, следовательно, конкретных поводов для ее реализации возникало как можно меньше»². И, во-вторых, реагирование на отклоняющееся от заданной модели поведение необходимо осуществлять путем применения соответствующей санкции, которая на данном этапе выглядит уже не только как превентивная угроза, но и как своего рода «аварийная система», при запуске в известной мере компенсирующая социально-психологические потери, вызванные нарушением нормативного предписания. К тому же такая «аварийная система», как справедливо замечает А.В.Усс, позволяет поддерживать регулятивный потенциал предписания в тех ситуациях, когда основная форма обеспечения жизнеспособности нормы (ее объективирование в поступках конкретных осужденных лиц) не срабатывает.³

Кроме того, данный вывод может удовлетворять тех исследователей эффективности и целесообразности конкретных уголовно-правовых запретов, которые считают необходимым условием такого запрета распространенность деяний, установление их количественных показателей. Обстоятельство, исключаящее преступность и наказуемость деяния в силу его нераспространенности,

¹ Усс А.В. Социально-интегративная роль уголовного права: Монография. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1993. – С.25.

² Там же. – С.211.

³ Там же. – С.27.

нуждается в некотором пояснении. По обоснованному суждению Л.В.Лобановой, «...недостаточно частое применение нормы еще не является основанием для декриминализации деяния, ответственность за которое установлена данной нормой. Неприменение нормы может быть самостоятельным основанием для декриминализации лишь в том случае, когда из реальной жизни исчезают те деяния, которые этой нормой предусмотрены»¹. Относительно невысокий уровень применения нормы на практике, к которой относится и ст.314 УК РФ, является скорее поводом для того, чтобы законодатель обратил внимание на качество формулировки диспозиции уголовно-правовой нормы, ее понятийный аппарат и другие обстоятельства, которые свидетельствуют об определенной специфике охраняемых данной нормой общественных отношений.

Здесь уместно отметить, что эффект действия нормы права строится на социальной и юридической эффективности, где первая характеризует объективно необходимую социальную полезность результатов регулирования в рамках конкретной системы общественных отношений. Юридическая эффективность нормы, по мнению В.А.Козлова, представляет собой «способность нормы права оказывать такое воздействие на психику людей, которое обеспечивает определенный вариант их поведения, предусмотренный правовым предписанием»². Ведь общепредупредительная сила уголовно-правового запрета не сводится и не должна сводиться к реализации санкций за несоблюдение нормативных установок, то есть посредством и в рамках конкретных правовых отношений. Безусловно, следует поддержать мнение тех авторов, которые реализацию ответственности связывают не только с наличием конкретных правовых отношений, но и с воздействием права на сознание, волю, внутренний мир людей (позитивной ответственностью).³ В частности, безусловно верно отмечал В.А. Елеонский,

¹ Лобанова Л.В. К вопросу о криминализации и декриминализации посягательств против правосудия // Уголовная политика и совершенствование законодательства: Межвузовский сборник научных трудов. – Кемерово: Кемеровский ун-т, 1992. – С.132.

² Козлов В.А. К вопросу о понятии эффективности права // Вестник Ленинградского университета. Вып. 1 (Экономика, философия, право). – 1972. – №5. – С.112. Об этом также см.: Филяновский И.Г., Бурлаков В.Н. Проблемы эффективности уголовного права // Вестник Ленинградского университета. Вып. 2 (Экономика, философия, право). – 1975. – № 11. – С.101-108.

³ Отдельные авторы, в частности В.Д.Филимонов, указывают, что поскольку сознание и воля граждан являются составными частями общественного отношения, то кроме предупредительной функции уголовного права ей присуща так называемая восстановительная функция – упорядочение общественных отноше-

что «сам факт издания нормы права, появление запретительных норм, в том числе и уголовно-правовых запретов, уже оказывают определенное регулирующее воздействие на сознание и поведение граждан»¹. Следовательно, правомерное поведение человека является результатом, с одной стороны (объективной), конкретных правил поведения, предъявляемых всем правосубъектным гражданам, и требований, вытекающих из факта применения к гражданам санкций за правонарушения, с другой (субъективной) – осознания необходимости соблюдения закрепленных в нормах права объективных для личности внешних требований.² Предупредительное действие уголовно-правового запрета на уклонение от отбывания лишения свободы состоит именно в юридической эффективности данной нормы.

Подводя итог, отмечу, что установление уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы не является случайным волеизъявлением законодателя, а представляет собой отражение происходящих в обществе процессов, которые ставят перед государством достаточно оснований для их защиты уголовно-правовыми средствами. Суть такого запрета состоит в необходимости именно уголовно-правовой охраны общественных отношений, складывающихся в процессе реализации выездов, отсрочки исполнения приговора суда и отбывания наказания в рамках исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы. Вместе с тем механизм обусловленности рассматриваемого уголовно-правового запрета имеет свои особенности, что, естественно, сказывается на законодательном закреплении и юридической природе ст.314 УК РФ. Данное обстоятельство, в свою очередь, вызывает немало проблем теоретического характера.

ний, нарушенных преступлением, посредством восстановления личности преступника (см.: Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С.68). Как представляется, такой подход также раскрывает эффект действия нормы права, однако не полностью и не предметно «вскрывает» смысл именно субъективной стороны позитивной уголовной ответственности.

¹ Елеонский В.А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. – Рязань: Высшая школа МВД СССР, 1979. – С.11.

² Там же. – С.22.

§2. Исторический очерк уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы по российскому законодательству

Изучение истории российского уголовного законодательства необходимо в целях избежания повторения ошибок прошлых лет и познания и использования положительных моментов. В свое время Б.М.Кедров справедливо отмечал, что «изучение прошлого может и должно служить средством для того, что бы понять настоящее и предвидеть будущее и на основе этого осмыслить развитие науки...»¹.

В контексте настоящего исследования историческая преемственность, проявляющаяся в рецепции передовых идей, представляет значительный интерес, так как позволяет с учетом национальных традиций проследить особенности возникновения и развития уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы. Выделение и теоретическое осмысление исторического аспекта в данной области имеет, несомненно, важное значение для социальной обусловленности и дальнейшего совершенствования законодательства об ответственности за рассматриваемое преступление.

Развитие законодательства об уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы напрямую связано с уровнем развития пенитенциарной политики и права в России, с теми прогрессивными мерами и идеями гуманизма, которые были положены в основу исполнения наказания.² В связи с этим представляется важным проследить становление и развитие сопряженных с ответственностью за уклонение от отбывания лишения сво-

¹ Кедров Б.М. История науки и принципы ее исследования // Вопросы философии. – 1971. – № 9. – С.78.

² Подр. о дореволюционной пенитенциарной политике, праве и теории см.: Лучинский Н.Ф. Основы тюремного дела. – СПб., 1904; Познышев С.В. Очерки тюрьмоведения. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издание Г.А.Лемана и Б.Д.Плетнева, 1915; Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. – М.: Добросвет-2000; Городец, 2000; Петренко Н.И. Становление и развитие уголовно-исполнительной системы России: Автореф. дисс.... докт. юрид. наук. – М., 2002; Лаврентьев М.В. Пенитенциарная система России (конец XIX – нач. XX) и Шлиссельбургская политическая тюрьма: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002; Аладьина Л.С. Уголовно-исполнительная политика Российского государства (вторая половина XVII – первая четверть XIX вв.): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003; Васильев А.В. Законодательство и правовая система дореволюционной России / Под ред. С.А.Комарова. – СПб.: Питер, 2004. – С.147-152, 180-185.

боды институтов предоставления краткосрочных выездов (отпусков или выходов) из мест изоляции от общества и отсрочки исполнения приговора суда или отбывания наказания.

Исследование организации лишения свободы в дореволюционной России приводит к выводу, что в то время отсутствовали какие-либо исключения из требований изоляции. Так, Е.Ширвиндт и Б.Утевский прямо указывают на то, что русские дореволюционные правила не знали отпусков заключенных за пределы мест их содержания.¹ Справедливости ради замечу, что имели место случаи, когда тюремные сторожа на день отпускали заключенных в город, «где они могли просить милостыню и пользоваться благами счастливого случая..., а на ночь по возвращении в тюрьму их "ковали в железо"»². Однако эти действия не были законодательно регламентированы, не выполняли функций установления и поддержания социально полезных связей, а представляли собой преимущественно элементарную потребность тюремной администрации в содержании относительно менее опасных преступников. При этом администрация мест изоляции не слишком заботилась о надлежащем исполнении дальнейшего наказания, надеясь лишь на благонадежность самих заключенных. Случаи невозвращения осужденных расценивались как побеги.

В соответствии со ст.137 «Свода учреждений и уставовъ о содержащихся под стражею» 1880 года арестованным лицам разрешалась всего лишь отлучка с ведома попечителей или надзирателей из арестного помещения на срок не свыше трех суток в случае смерти или тяжкой болезни родителей, супругов, детей, родных братьев и сестер.³ Также арестованные лица отпускались лишь для выполнения «наружных работ» (ст.353 Свода). При этом на данные работы «ввиду внушаемого ими опасения побега или каких-либо нежелательных сношений» запрещалось отправлять: 1) лишенных всех прав и бродяг; 2) лиц женского пола; 3) арестантов, имеющих право избирать тот или иной род занятий, доступных в тюрьме (ст. 346 Устава); 4) арестанты, которые сами не изъявили желания отправиться на наружные работы (ст.357 Устава); 5) арестантов, находящихся в местах заключения менее одного месяца (циркуляр Главного тюремного управления от 15 марта 1908 года №22); 6) лиц, арестованных по подозрению в соверше-

¹ См.: Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С. Советское пенитенциарное право. – М.: Юриздат., 1927. – С. 202.

² Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV-XVII вв. – М.: Юристъ, 1995. – С. 247.

³ См.: Свод учреждений и уставовъ о содержащихся под стражею (1880 г.). – М., 1976. – С. 44.

нии государственных преступлений, перечисленных в ст.ст.1030-1031 Устава об уголовных судах, преступлений, связанных с «проживательством по чужому виду», – ст.977 Уложения о наказаниях 1903 года, ранее совершивших побег (покушение на побег), избличенных в обмене фамилиями с другими арестантами (указанный циркуляр).¹ Однако местами лишения свободы эти помещения не являлись. Арест по приговору мировых или городских судей, а также земских участковых начальников применялся за малозначительные правонарушения.

В конце XIX – начале XX века репрессивно-карательные функции тюремной политики Российского государства начинают приобретать исправительную направленность. Как указывают специалисты, «в сфере тюремной политики возмездие заменялось нравственно-исправительными элементами»². На уровне общественного сознания формируется идея условности наказания. Так, III Государственной Думой был принят законопроект об условном осуждении, который по сути представлял отсрочку исполнения назначенного наказания (в том числе и в виде лишения свободы). Условное осуждение по этому законопроекту предлагалось ввести в форме погасительной отсрочки наказания при условии несвершения условно осужденным лицом новых преступлений в течение определенного срока.³ Государственный Совет 7 апреля 1910 года отклонил данный законопроект.¹

¹ Познышев С.В. Указ. соч. – С. 201.

² Фумм А.М. Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в Российской империи (конец XVIII – 70-е годы XIX века): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М.: Академия управления МВД России, 2004. – С.21.

³ Предполагалось, что такая отсрочка могла быть применена в случае осуждения лица к денежной пене или взысканию не свыше 500 рублей, к аресту или к заключению в тюрьме либо крепости на срок не свыше 1 года и 4 месяцев (С.К. Гогель ограничивал данный срок одним годом). Срок отсрочки определялся при осуждении к денежной пене или аресту в 3 года, а в прочих случаях – в 5 лет (по мнению С.К. Гогеля отсрочка должна была назначаться по усмотрению судьи на срок от года до пяти лет вне зависимости от рода назначенного наказания). Данная уголовно-правовая мера не могла применяться в отношении: 1) преступников, к которым уже применялась отсрочка, если не исполнилось пять лет со времени окончания назначенного ему судом испытания; 2) осужденных за оскорбление Величества и за преступные деяния против членов императорского дома, измену, неуважение к верховной власти и её представителям, посягательства на ограждающие веру законы; 3) к рецидивистам, лицам, совершившим преступления по тунеядству, праздности, привычке к преступной деятельности или промыслу, к лицам, обвиняемым в похищении лошадей, и в ряде других случаев (см.: Гогель С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюремоведения. Собрание ис-

Таким образом, на пороге исторических событий 1917 года, по справедливому выводу В.И.Горобцова, фактически были сформированы лишь основы уголовно-исполнительного законодательства и права, по существу в зародыше находилось теоретическое осмысление пенитенциарной практики.² На мой взгляд, при отсутствии в законодательстве четко закрепленных и реально действующих мер, продиктованных идеями гуманизма и исправительного воздействия, не могла получить своего закрепления и уголовная ответственность за нарушение таких мер.

В период Временного правительства «в связи с наступившей дезорганизацией тюрем отпуска заключенных вылились в самочинные стихийные, никем не регулируемые формы, служа часто предлогом для фактического побега»³. В борьбе с этим способом побега использовались различные меры. Например, циркуляр Главного Управления местами заключения от 5 сентября 1917 года №72 запрещал «разрешение отлучек заключенным из места заключения по своим надобностям, для покупок или сбыта изделий, свидания с родственниками и др.»⁴.

С первых шагов Советская власть декларировала решительный отказ от прежней пенитенциарной практики и необходимость ее кардинального пересмотра. В сложной социально-политической обстановке был осуществлен ряд мер по гуманизации исполнения наказаний. Так, хотя тюрьма продолжала оставаться основным видом мест лишения свободы, с июля 1918 года начинали формироваться и новые исправительные учреждения с более демократичным и гуманным режимом содержания осужденных.⁵ В частности,

следований. С.-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», Б.Подъяческая, 39, 1906. – С.197-208; Люблинский П.И. Условное осуждение в иностранном и советском праве. – М.: Право и жизнь, 1924. – С.42-44).

¹ См.: Нечепуренко А.А. Внедрение идеи условности карательного воздействия в уголовную политику России. История вопроса // Актуальные проблемы правовой науки: Межвузовский сборник научных трудов. – Омск: Высшая школа милиции МВД России, 1995. – С.101-102.

² См.: Горобцов В.И. Предмет уголовно-исполнительного права: эволюция, современное состояние, перспективы развития: Учебное пособие. – Красноярск: Высшая школа МВД России, 1998. – С.7.

³ Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С. Указ. соч. – С.202.

⁴ Там же.

⁵ В результате в соответствии со ст.34 УК РСФСР 1922 года к 1923 году действовали: исправительно-трудовые дома, сельскохозяйственные и ремесленные колонии, переходные исправительные дома и ряд других исправительных учреждений (подр. см.: Полубинский В. От царской каторги к советским лагерям // Преступление и наказание. – 1995. – № 7. – С.40-41).

в п.23 Временной инструкции, утвержденной постановлением НКЮ РСФСР от 23 июля 1918 года №53 «О лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового», указывалось, что лицам, осужденным на срок не свыше одного года, в случае смерти отца, матери, супруга или ребенка, или иного близкого родственника, или по иному серьезному поводу разрешался отпуск с выездом за пределы исправительного учреждения на время не свыше двух недель.¹ На мой взгляд, данная мера по своей сути представляет прообраз краткосрочных выездов в связи с исключительными личными обстоятельствами, которые закреплены в п. «а» ч.1 ст.97 УИК РФ. Однако по сравнению с действующим уголовно-исполнительным законодательством Временная инструкция устанавливала достаточно высокие ограничения, поскольку предусматривавшийся ею отпуск разрешался только тем лицам, которые были осужденным «на срок не свыше одного года», то есть речь, по сути, шла о лицах, отбывающих лишение свободы за уголовно-наказуемые деяния небольшой общественной опасности.

С 1 августа 1919 года на основе принятого Устава трудовых земледельческих колоний начали функционировать трудовые земледельческие колонии для лишенных свободы. Статья 25 Устава предусматривала предоставление отпуска осужденным на семь дней. Однако Устав не детализировал порядок, условия и перечень осужденных, которым предполагалось предоставлять отпуск, вследствие чего данное положение не нашло широкого практического применения.

15 ноября 1920 года было принято постановление НКЮ РСФСР №23-24 «Положение об общих местах заключения РСФСР», в §57 которого говорилось: «Заключенным разряда исправляющихся в виде награды за особо хорошее поведение могут предоставляться один раз в год отпуска на срок не свыше семи дней. Для заключенных образцового разряда отпуска могут разрешаться два раза в год на срок до семи дней каждый раз»². Здесь имеет место мера поощрения и стимулирования исправительного процесса осужденных, которая в настоящее время регламентируется п. «б» ч.1 ст.97 УИК РФ.

Для объективной оценки приведенных выше норм следует сделать пояснение относительно употребляющихся в них терминов «разряд исправляющихся» и «образцовый разряд». По Положению 1920 года все осужденные делились на три категории:

¹ См.: Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917-1937 гг.). – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – С. 36.

² Там же. – С. 78.

1) осужденные за некорыстные преступления; 2) осужденные за корыстные преступления; 3) рецидивисты. Для каждой из этих категорий осужденных устанавливались четыре разряда: испытуемые, исправляющиеся, образцовые, штрафные. Время пребывания осужденных, в частности, в разряде испытуемых, в который определялись «все поступающие в место заключения преступники» (§47 Положения), избирательно зависело от того, как в последующем характеризовался осужденный и, соответственно, к какой из вышеобозначенных категорий его можно было причислить. Правом на краткосрочный отпуск пользовались осужденные всех категорий, если они находились в разрядах исправляющихся или образцовых. Отпуска таким осужденным разрешались распределительной комиссией (§207 Положения). Лицам, которым был разрешен отпуск, выдавался специальный отпускной билет с обозначением места заключения и нахождения в отпуске, фамилией, именем и отчеством отпускаемого и срока отпуска. Данным Положением был урегулирован и вопрос об ответственности за несвоевременную явку из предоставляемого выезда без уважительных причин. Так, §208 предусматривал, что «в зависимости от обстоятельств комиссия или налагает взыскание в виде удлинения срока заключения на время до одной недели за каждый просроченный день, или поручает коллегии места заключения наложить на виновного дисциплинарное взыскание». Таким образом, Положение 1920 года впервые определяло начало дифференциации в предоставлении осужденным выездов за пределы исправительного учреждения, а также устанавливало основание и формы ответственности (однако не уголовной) осужденных за просрочку отпуска.

В дальнейшем осужденным разряда испытуемых также было предоставлено право отпусков, но под конвоем. Данное право предоставлялось в связи с чрезвычайными обстоятельствами на основании циркуляра от 11 августа 1921 года ЦКО НКЮ №33 «Об оформлении решений распределительных комиссий».

Дальнейшее развитие правового регулирования предоставления отпусков осужденным связано с принятием в 1921 году циркуляра Центрального карательного отдела НКЮ №17 «О порядке представления отпусков заключенным в чрезвычайных случаях». Циркуляр делегировал право предоставления отпусков губернским распределительным комиссиям. Однако практика предоставления отпусков не обошла возможности их предоставления и председателем Губисправдома, который с личного письменного распоряжения по согласованию с губернским прокурором и с санкционирования ближайшего заседания губернской распределительной комиссии мог разрешить выезд осужденного к месту жительства.

При этом учитывались тяжелые личные обстоятельства, наступившие для осужденного в связи со смертью близкого родственника или по причине иных чрезвычайных происшествий, в частности пожара, стихийного бедствия.

Декрет ВЦИК РСФСР от 21 апреля 1925 года №25 «О предоставлении отпусков из мест заключения на полевые работы заключенным крестьянам» устанавливал: «в целях поддержки сельских хозяйств крестьян, отбывающих меру социальной защиты в виде лишения свободы, хотя и впавших в преступление, но не относящихся к категориям профессиональных преступников... представить губернским распределительным комиссиям право разрешать в период полевых работ отпуска на срок до трех месяцев тем заключенным крестьянам, в отношении которых распределительная комиссия установит, что они совершили преступление по неосознанности, в первый раз или вследствие тяжелых материальных условий, не внушают опасения в смысле побега и что отпуск их не вызовет недовольства со стороны местного населения»¹. Думается, что данное действие законодателя в значительной степени было обусловлено стремлением государства к собственному экономическому благосостоянию, а не стремлением к позитивному исправительному воздействию на осужденного.

Насколько широко применялись отпуска на сельхозработы, видно из сводок, полученных от распорядительных комиссий за 1925 год. Всего по 50 губерниям и областям заключенными было подано 23620 соответствующих ходатайств. Из этого числа комиссии удовлетворили 14539 (61,4%) ходатайств.²

Из числа удовлетворенных ходатайств 49,7% заключенных отпуск был дан на 3 месяца, 24,5% – на 2 месяца и 25,8% – на один месяц. Возвратились без опоздания 86,5%, с опозданием – 8,7%, до окончания срока отпуска (по ходатайству местного населения или по требованию органов дознания или милиции) – 0,6%, не возвратились – 4,2%.³

Наряду с указанными отпусками, в 20-е годы широко практиковались так называемые воскресные и праздничные отпуска. Этот вопрос специально регламентировался письмом Главного Управления мест заключения НКВД РСФСР от 22 августа 1925 года

¹ Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917-1937 гг.). – С. 172-173.

² Отпуска на сельхозработы разрешались и осужденным со строгой изоляцией. Из 100 ходатайств об отпусках, поданных осужденными, содержащимися в данных условиях, в 1927 году было удовлетворено 44,9% ходатайств мужчин и 48,8% – женщин (Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С. Указ. соч. – С.204-205).

³ См.: Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С. Указ. соч. – С.204.

№15645/5 «О применении системы воскресных и праздничных отпусков заключенным». Такие отпуска стали более широко применяться в отношении осужденных, переведенных из исправительно-трудовых домов и трудовых колоний в переходные исправительно-трудовые дома. Юридической основой указанных отпусков являлось Положение о переходных исправительно-трудовых домах, утвержденное Коллегией НКЮ РСФСР 5 апреля 1922 года, в соответствии с которым осужденным, содержащимся в данных учреждениях, в зависимости от их поведения и трудолюбия от одного до двух раз в месяц разрешались отпуска в город в воскресные и праздничные дни.¹

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года, признав за осужденными неоспоримое право на отпуск вне места заключения, предоставлял его по постановлению наблюдательных комиссий заключенным: а) среднего разряда – на семь суток в календарном году по истечении двух месяцев пребывания в этом разряде; б) высшего разряда – на четырнадцать суток в календарном году по истечении одного месяца пребывания в нем. В ряде норм исправительно-трудовой закон предусматривал заключенным трудовых колоний выходы без надзора по разным поручениям за пределы колонии (ст.153), заключенным переходных исправительно-трудовых домов краткосрочные отлучки с вечера кануна дня отдыха до утра следующего за ним дня (ст.159) и выходы без надзора по разовым поручениям за пределы места заключения (ст.160).²

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 года закреплял возможность в исключительных случаях направлять лишенных свободы в краткосрочные командировки по делам места лишения свободы (ст.76), в отпуска в связи с личными исключительными обстоятельствами (ст.77), предоставлять осужденным за ударную работу и образцовую дисциплину отпуска из мест лишения свободы на срок до пятнадцати дней в каждом году (ч.1 ст.78), в период важнейших сельскохозяйственных работ – отпуска сроком до трех месяцев колхозникам и единоличникам (ч.2 ст.78).³

¹ См.: Сборник основных приказов, циркуляров и инструкций НКЮ и НКВД РСФСР за 1918-1928 гг. – М., 1959. – С.24-27.

² См.: Сборник материалов по истории. . . – С.167-168.

³ Там же. – С.340. Подобные исключения из требований изоляции при исполнении наказания в виде лишения свободы были предусмотрены и исправительно-трудовым законодательством 1971 года. Напр., ч.2 ст.66 ИТК РСФСР 1971 года регламентировала при определенных условиях с разрешения администрации исправительно-трудовых колоний-поселений возможность передвижения осужденных без надзора вне территории колонии (см.: Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (с изм. и дополн. по сост. на 1 августа 1992 г.). – М.: ИНТЕРДЕТЕКТИВ, 1993. – С.52).

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 года своеобразно решил вопрос об ответственности осужденных за несвоевременное возвращение из отпуска. В соответствии со ст. 91 опоздание осужденного из отпуска без уважительных причин в течение не более 24 часов после вечерней проверки рассматривалось как самовольная отлучка, а сверх 24 часов – как побег.

Показать механизм обусловленности выходов за пределы места лишения свободы и, соответственно, исключений из требований изоляции при исполнении лишения свободы, позволяет анализ института передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения. Так, определяемая производственно-хозяйственной необходимостью¹ и соответствующая прогрессивной системе² возможность осужденных передвижения без конвоя или сопровождения легитимно впервые была введена Исправительно-трудовым кодексом РСФСР 1924 года.³ В последующем процесс расконвоирования заключенных приобрел большой размах. К примеру, в предвоенные годы в шести сельскохозяйственных и лесозаготовительных пунктах, расположенных по линии Воркутинской узкоколейной железнодорожной ветки, до 4000 осужденных никогда не законвоировались. Наличие большого количества таких лиц позволяло части из них уклоняться от отбывания наказания. Только за 1940 год из Печерского ИТЛ бежали 1841 осужденный, однако задержать удалось всего 944.⁴ Но уже в первые годы Великой Отечественной войны максимально было сокращено количество лиц, пользующихся до этого правом передвижения без конвоя, что позволило не допустить в сложных условиях работы увеличения количества уклонений от отбывания

¹ Об этом см.: Бриллиантов А.В. Значение и правовая природа института передвижения осужденных без конвоя // Уголовное наказание и проблемы его исполнения в условиях перестройки деятельности органов внутренних дел: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. – С. 57-65; Романов А.К. Бесконвойное передвижение осужденных в практике ИТУ и проблемы его совершенствования // Там же. – С.65-76.

² Об этом см.: Якимович Ю.К. Передвижение без конвоя лиц, лишенных свободы (Практика применения и вопросы дальнейшего совершенствования правового регулирования) // Проблемы теории и практики борьбы с преступностью: Сборник статей. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982. – С.34-40.

³ В последующем, особенно в период усиления карательной политики в 1937-1938 гг., порядок бесконвойного передвижения зависел в первую очередь от того, кто подлежал расконвоированию (лицо, «замеченное в антисоветской или контрреволюционной деятельности» или нет), а не от требований режима.

⁴ См.: Уголовно-исполнительное право России: Учебник / Под ред. А.И.Зубкова. – М.: Издательская группа ИНФРА•М-НОРМА, 1997. – С.144.

наказания. С октября 1941 года руководству лагерей рекомендовалось максимально расконвоировать и использовать на административно-хозяйственных работах (прорабами, в военизированной пожарной охране, десятниками и т.п.) бывших работников органов НКВД, милиции, военизированной охраны, осужденных за мало-важные преступления, совершенные до 22 июня 1941 года.¹ Рассматриваемый институт в зависимости от соответствующей общественно-политической обстановки на определенный период времени претерпевал различные изменения. Так, совместным приказом МВД, МГБ и Генерального прокурора СССР от 16 марта 1948 года повысились требования и были внесены изменения в порядок расконвоирования заключенных в ИТЛ и ИТК. Данная мера стала применяться после отбытия лицом трети срока для лиц, осужденных на три года, после отбытия двух лет для осужденных на срок от двух до десяти лет, что было несколько выше требований, предъявляемых к осужденным до этого.² В дальнейшем Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик 1969 года и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1971 года также закрепляли право передвижения без конвоя и сопровождения за пределами исправительного учреждения отдельной категории осужденных. Основания, порядок и иные условия такого передвижения регламентировались ст.38 Основ и ст.ст.31 и 32 ИТК РСФСР, Правилами внутреннего распорядка.³ В контексте сказанного замечу, что с 1993 года в силу принятого 18 февраля 1993 года Закона РФ №4512-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР»⁴ и вплоть до принятия действующего уголовного законодательства оставление без уважитель-

¹ См.: Уголовно-исполнительное право России: Учебник / Под ред. А.И.Зубкова. – С. 148.

² Там же. – С. 154.

³ Действующим законодательством передвижение осужденных к лишению свободы без конвоя и сопровождения также предусмотрено. Условия и порядок такого передвижения регламентируются ст.ст.96 УИК РФ, §24 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом МВД России от 30 июля 2001 года №224 (см.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2001. – № 35). Вместе с тем основания предоставления выездов за пределы исправительного учреждения для данной категории осужденных являются общими. Поэтому самовольное и без надлежащего разрешения оставление маршрута передвижения такими осужденными при определенных условиях необходимо квалифицировать как побег из места лишения свободы.

⁴ См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. – 1993. – №10. – Ст.362.

ной причины осужденным, находящимся в статусе «бесконвойника», колонии-поселения юридически расценивалось как уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы (ст.188¹ УК РСФСР).

Близкой по своей природе к институту передвижения осужденных без конвоя или сопровождения является так называемая «самоохрана», имевшая место в 40-х – начале 50-х гг. Ее суть также состоит в исключении из требований изоляции при исполнении лишения свободы. Так, отдельная категория осужденных к лишению свободы, как правило, за бытовые или неосторожные преступления, поддерживала внутренний порядок и осуществляла охрану учреждения по периметру со специальными средствами и оружием. В специальной литературе встречаются указания на то, что такие осужденные являлись, по существу, милицией лагеря и напрямую подчинялись отделу безопасности, сопротивление им было наказуемо в равной степени как и сопротивление представителю администрации лагеря.¹ Однако мне не удалось найти каких-либо источников, нормативно подтверждающих правовой статус данной категории осужденных. Вероятно, «самоохрана» носила строго корпоративный характер и представляла собой специфический прецедент, отражающий условия и особенности исправительно-трудовой политики государства того времени.

Положение об ИТК и тюрьмах от 8 декабря 1958 года, объявленное распоряжением Совета Министров СССР, допускало осужденным, содержащимся в колониях облегченного режима, отпуска до десяти дней с проведением отпуска вне колонии (ст.59 Положения) либо в случаях особых обстоятельств – выезды за пределы колонии до семи суток (ст.28 Положения).² Природа указанных мер была различна. Основанием их применения не всегда являлось поощрение и стимулирование процесса исправления осужденных. Как правило, они представляли вынужденные меры руководства исправительного учреждения, направленные на решение различных административно-хозяйственных проблем. Зачастую такие выезды расценивались не как прогрессивные меры пенитенциарной практики, а как проявление крайности «...после беззаконий и

¹ См.: Prisons around the world: Studies in International Penology / Michael K. Carlie and Kevin I. Minor (Southwest Missouri State University). – United States of America / Wm. C. Brown Publishers, Dubuque, 1992. – P. 106-107; Bukovsky V. To Build a Castle – My Life as a Dissenter. – New York: Viking Press, 1979. – P. 248.

² См.: Киселев Н.В. Диспозитивные начала правового регулирования исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Томск: Юридический институт Томского государственного университета, 1998. – С.79-80.

произвола, существовавших в местах лишения свободы на протяжении многих лет»¹.

Вместе с тем статьи 95, 204, 205 УК РСФСР 1922 года и статья 82 УК РСФСР 1926 года предусматривали ответственность за различные формы побега из мест изоляции от общества², однако уголовный закон не содержал нормы за уклонение от отбывание лишения свободы. В силу этого нивелировалась и отсутствовала дифференциация уголовной ответственности лиц, которые совершили побег из мест изоляции от общества, и лиц, которые уклонились от дальнейшего отбывания наказания, находясь вне места лишения свободы на законных основаниях.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года в своей первоначальной редакции также не содержал нормы, предусматривающей ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы.

Однако в 1973-1976 годах МВД СССР (ВНИИ, ГУЛИТУ и ГУИТУ) был проведен эксперимент, посвященный изучению вопроса о целесообразности введения в исправительно-трудовое законодательство института краткосрочных выездов (до семи суток) осужденных из мест изоляции от общества в связи с исключительными личными обстоятельствами. Правовой основой эксперимента послужил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1973 года «О временном введении краткосрочных выездов осужденных из некоторых исправительно-трудовых учреждений в связи с исключительными личными обстоятельствами»³. Первоначально в сферу эксперимента в течение двух лет были вовлечены исправительно-трудовые учреждения (ИТК общего режима, колонии-поселения и ВТК), расположенные на территории Литовской ССР, Свердловской, Донецкой областей. Затем – 60 исправительно-трудовых учреждений, в том числе 27 ИТК общего режима, 21 колония-поселение (из них 17 в системе ГУЛИТУ), 12 ВТК общего

¹ Самсонов В.З. Задачи прокурорского надзора за соблюдением законности в местах лишения свободы на современном этапе // Прокурорский надзор за соблюдением законности в местах лишения свободы и исполнением приговоров о ссылке и исправительных работах без лишения свободы: Сборник материалов научно-практической конференции / Под общ. ред. М.П.Малярова. – М.: Прокуратура СССР, 1965. – С.8.

² См.: Сборник материалов по истории. . . – С.112, 135-136, 155, 244; Подр.: Меньшагин В.Д., Вышинская З.А. Советское уголовное право. – М.: Юрид. лит., 1950. – С.460-464; Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т.2 / А.А.Пионтковский, В.Д.Меньшагин, В.М.Чхиквадзе. – М.: Государственное изд-во юридической лит-ры, 1959. – С.484-490.

³ См.: Уголовно-исполнительное право России: Учебник / Под ред. А.И.Зубкова... – С.257.

и усиленного режимов, расположенные на территории Литовской ССР, Свердловской, Донецкой, Куйбышевской, Новосибирской, Ростовской, Витебской, Карагандинской областей.¹

Законодатель, оценив институт краткосрочных выездов как дополнительный стимул к исправлению осужденных, Указом Президиума Верховного Совета ССР от 8 февраля 1977 года «О внесении дополнений и изменений в Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик» дополнил Основы исправительно-трудового законодательства ст.24¹ «Краткосрочные выезды за пределы мест лишения свободы»². На основании этого Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 года «О внесении дополнений и изменений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР была включена ст.26¹.³ Согласно данной норме осужденному, отбывающему наказание в виде лишения свободы в исправительно-трудовых колониях общего режима, колониях-поселениях и воспитательно-трудовых колониях, в связи с исключительными личными обстоятельствами⁴ могли быть разрешены краткосрочные выезды за пределы этих колоний на срок не более семи суток. Фактически одновременно уголовное законодательство было дополнено ст. 188¹ УК РСФСР (Глава «Преступления против правосудия»), предусматривающей ответственность за невозвращение осужденного в исправительно-трудовое учреждение, которому был предоставлен такой выезд.⁵ Законом РФ от 18 февраля 1993 года №4512-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» в круг субъектов была включена категория осужденных, отбывающих наказание в колонии-поселении, и увеличена санкция с одного года до двух лет лишения свободы.⁶

¹ Уголовно-исполнительное право России: Учебник / Под ред. А.И.Зубкова. – С.257.

² См.: Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. – № 7. – Ст.118.

³ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1977. – № 12. – Ст.258.

⁴ В качестве исключительных личных обстоятельств, перечень которых не изменился и по настоящее время, указывались: смерть или тяжелая болезнь близкого родственника, угрожающая жизни больного; стихийное бедствие, причинившее значительный материальный ущерб осужденному или его семье.

⁵ См.: О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1977. – № 12. – Ст.255.

⁶ См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 10. – Ст.362.

В дальнейшем ст.26¹ ИТК РСФСР неоднократно претерпевала изменения. Особо важные относятся к ротации перечня исправительных учреждений, из которых осужденному разрешались краткосрочные выезды. Так, п. «а» §9 ст.1 Закона РФ от 12 июня 1992 года №2988-1 «О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» дополнил данный перечень учреждений исправительно-трудовыми колониями усиленного и строгого режимов.¹ Однако немного позже в соответствии с §2-3 ст.2 Закона РФ от 6 июля 1993 года № 5329-1 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР» из данного списка были исключены исправительно-трудовые колонии усиленного режима.²

Кроме того, законом от 12 июня 1992 года №2988-1 осужденным женщинам, имеющим детей в домах ребенка при исправительно-трудовых колониях, были разрешены краткосрочные выезды за пределы места лишения свободы на время отпуска для устройства детей у родственников, опекунов или в детских домах. Отдельной категории осужденных по иным основаниям были разрешены краткосрочные выезды за пределы места лишения свободы один раз в год на время отпуска.³

Введенный в действие с 1 июля 1997 года Уголовно-исполнительный кодекс РФ содержит ст. 97 «Выезды осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений», регламентирующую 1) краткосрочные выезды за пределы исправительных учреждений: а) продолжительностью до семи суток в связи с исключительными личными обстоятельствами; б) для предварительного решения вопросов трудового и бытового устройства осужденного после освобождения; в) осужденным женщинам,

¹ См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 29. – Ст. 1687.

² См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 32. – Ст. 1234.

³ См.: п. «в» §9 ст.1 Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» от 12 июня 1992 года № 2988-1 (Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 29. – Ст.1687).

В связи с вновь принятым уголовным законодательством терминология ст.26¹ ИТК РСФСР была приведена в соответствие с §28 ст.2 Закона РФ от 21 декабря 1996 года № 160-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации» (см.: Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 52. – Ст. 5881).

имеющим детей в домах ребенка исправительных колоний, для устройства детей у родственников либо в детском доме; г) осужденным женщинам, имеющим несовершеннолетних детей-инвалидов вне исправительных колоний, для свидания с ними; 2) длительные выезды за пределы исправительных учреждений на время ежегодного оплачиваемого отпуска, а осужденным мужчинам старше 60 лет и осужденным женщинам старше 55 лет, осужденным, являющимся инвалидами первой или второй группы, несовершеннолетним – на срок, равный времени ежегодного оплачиваемого отпуска.

Приступая к анализу отсрочки исполнения приговора о наказании к лишению свободы, отмечу, что данный институт четкую регламентацию впервые получил в уголовно-процессуальном законодательстве в 1922 году.

Статья 471 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 года допускала отсрочку приведения в исполнение приговора суда в следующих случаях:

1) при болезни осужденного, препятствующей отбыванию им наказания;

2) если беременность осужденной является препятствием к отбыванию ею наказания;

3) когда немедленное отбывание наказания может повлечь за собой особо тяжкие последствия для осужденного или его семьи ввиду особых обстоятельств или особых условий его положения, как-то: пожара или иных стихийных бедствий, тяжелой болезни или смерти единственного работоспособного члена семьи и т.д.¹

Статья 456 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 года, предусматривающая отсрочку приведения в исполнение приговора суда, по своему содержанию была идентична вышеизложенной норме.²

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года содержал ст.361 «Отсрочка исполнения приговора», в соответствии с которой исполнение приговора об осуждении лица к лишению свободы могло быть отсрочено при наличии одного из следующих оснований:

¹ См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917-1954 гг.: Сборник документов / Под ред. С.А.Голунского. – М.: Государственное изд-во юридической лит-ры, 1955. – С.228.

² См.: Уголовно-процессуальное законодательство СССР и союзных республик: Сборник (Основные законодательные акты) / Под ред. Д.С.Карева. – М.: Государственное изд-во юридической лит-ры, 1957. – С.89.

1) тяжелой болезни осужденного, препятствующей отбыванию наказания;

2) беременности осужденной или наличия у осужденной женщины детей в возрасте до восьми лет, кроме осужденных к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности;

3) когда немедленное отбывание наказания может повлечь за собой особо тяжкие последствия для осужденного или его семьи ввиду ряда обстоятельств.¹

Уголовно-процессуальный кодекс России, вступивший в силу с 1 июля 2002 года, в ст.398 «Отсрочка исполнения приговора» также регламентирует рассматриваемый институт.² Несколько изменились основания для решения вопроса об отсрочке. Теперь ими являются:

1) болезнь осужденного, препятствующая отбыванию наказания, – до его выздоровления;

2) беременность осужденной или наличие у нее малолетних детей – до достижения младшим ребенком четырнадцатилетнего возраста, за исключением осужденных к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности;

3) тяжкие последствия или угроза их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванные пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключи-

¹ Содержание данной нормы претерпело изменения на основании: Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении дополнений и изменений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» от 11 марта 1977 года (см.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1977. – № 12. – Ст. 258); Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» от 12 июня 1992 года №2988-1 (см.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. – 1992. – №29. – Ст.1687); Закона РФ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Исправительно-трудовой кодекс РСФСР и Закон РСФСР «О милиции» от 18 февраля 1993 года № 4510-1 (см.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. – 1993. – №10. – Ст.360); Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации» от 21 декабря 1996 года №160-ФЗ (см.: Собрание законодательства РФ. – 1996. – №52. – Ст.5881).

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – №52 (1 ч.). – Ст.4921.

тельными обстоятельствами – на срок, установленный судом, но не более шести месяцев.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 года «О внесении дополнений и изменений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» УК РСФСР был дополнен ст.46¹ «Отсрочка исполнения приговора».¹ Указанная норма предоставляла право судам отсрочить исполнение приговора определенной категории лиц, впервые осуждаемых к лишению свободы. Отмечу, что современное уголовное законодательство не содержит данной нормы.

В 1991 году был проведен эксперимент по отсрочке исполнения лишения свободы в отношении положительно себя зарекомендовавших беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей в домах ребенка. Эксперимент завершился удачно. В связи с этим Законом РФ от 12 июня 1992 года № 2988-1 «О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» в уголовное законодательство был введен институт отсрочки отбывания наказания.² Статья 46² УК РСФСР «Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей» регламентировала возможность отсрочки отбывания наказания отдельной категории осужденных к лишению свободы женщин. Этим же законом была введена в действие ст.57¹ ИТК РСФСР, предусматривающая порядок такой отсрочки.

С принятием Уголовного кодекса РФ 1996 года данный институт также получил свое закрепление в уголовном законодательстве. В частности, ст.82 УК РФ «Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних

¹ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1977. – №12. – Ст.258. Однако институт отсрочки исполнения приговора как таковой в уголовное законодательство был введен одновременно с принятием УК РСФСР 1960 года, который содержал ст.46 «Отсрочка исполнения приговора военнослужащему или военнообязанному в военное время».

Указанная норма подвергалась изменению в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О дальнейшем совершенствовании уголовного и уголовно-исправительного законодательства» от 26 июля 1982 года (см.: Ведомости Верховного Совета СССР. – 1982. – №30. – Ст.572) и Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» от 3 декабря 1982 года (см.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1982. – № 49. – Ст.1821).

² См.: §2 ст.2 указанного Закона (Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – №29. – Ст.1687).

детей» закрепила право суда на предоставление отсрочки отбывания наказания осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до восьми лет, кроме осужденных к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности. Однако Федеральный закон от 9 марта 2001 года №25-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации»¹ внес некоторые коррективы в рассматриваемую норму. В частности, теперь суд имеет право предоставить отсрочку отбывания наказания осужденным женщинам, имеющим ребенка в возрасте до четырнадцати лет. По достижении ребенком четырнадцатилетнего возраста суд освобождает осужденную от отбывания наказания или оставшейся части наказания (ранее суд мог освободить осужденную женщину только от отбывания оставшейся части наказания) либо заменяет оставшуюся часть наказания более мягким видом наказания (исключена возможность принятия судом решения о возвращении осужденной в соответствующее учреждение для отбывания оставшейся части наказания).

УК РФ также предусмотрел ст.314 в главе 31 «Преступления против правосудия», устанавливающую ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы. В сравнении со ст.188¹ УК РСФСР 1960 года указанный состав уточнен и дополнен. По действующему законодательству в него уже внесены и некоторые изменения. Так, в соответствии с Федеральным законом от 9 марта 2001 года №25-ФЗ из диспозиции исключено слово «краткосрочный». Таким образом, рассматриваемая норма предполагает наступление уголовной ответственности за уклонение от дальнейшего отбывания наказания лица, которому разрешен выезд за пределы места лишения свободы либо которому предоставлена отсрочка исполнения приговора суда или отбывания наказания, по истечении срока выезда или отсрочки.

Исследование уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы позволяет выявить некоторые тенденции ее развития: 1) происходит расширение сферы охраняемых данной нормой общественных отношений; 2) законодатель все более обстоятельно и содержательно закрепляет признаки состава преступления.

Таким образом, по мере осмысления теории и практики уголовного права законодатель шел по пути закрепления положений

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – №11. – Ст.1002.

реформы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Вместе с тем в развитии современного правотворчества и правоприменительной практики усматривается немало проблем применения анализируемой нормы, что требует дальнейшего изучения и соответствующего решения.

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УКЛОНЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

§ 1. Объект уклонения от отбывания лишения свободы

В уголовном праве теория объекта преступления по причине своей сложности, разнородности научных позиций и бесконечной полемики постоянно находится в центре внимания. Первоначально в советском уголовном праве общепризнанной признавалась предложенная в 1938 году В.Д.Меньшагиным трехчленная классификация объекта преступления по вертикали (общий, родовой и непосредственный), которая впоследствии была поставлена под сомнение Б.С.Никифоровым и Е.А.Фроловым¹, предложившими классификацию, включающую в себя четыре ступени (общий, родовой, видовой и непосредственный объекты). На основе данной классификации построена система Особенной части действующего уголовного закона. Общий объект предложенной классификации объединяет всю систему отдельных общественных отношений, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств. Выделение общего объекта, безусловно, имеет важное познавательное и практическое значение. Как справедливо отмечает Н.И.Коржанский, общий объект преступления показывает общественную опасность и направленность преступного посягательства на общественные отношения, «отказ от общего объекта преступления приведет к затушевыванию и недооценке общественной опасности преступления и может нанести вред науке уголовного права и практике применения уголовного законодательства»². Остальные категории объектов (родовой, видовой и непосредственный), во-первых, помогают законодателю определить характер и степень общественной опасности посягательств, во-вторых, позволяют отграничить преступления от деяний, не являющихся преступлением, дать верную квалификацию содеянному. В свое время Б.С.Никифоров отмечал, что неправильная квалификация деяния вызвана в большинстве случаев неверным решением вопроса об объекте преступления.³ В-третьих, определение содержания объекта способствует не только уяснению смысла самой нор-

¹ См.: Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. – М.: Гос-е изд-во юрид. лит-ры, 1960. – С.108-112; Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник научных трудов. Вып. 10. – Свердловск: Юридический институт, 1969. – С.199.

² Коржанский Н.И. Указ. соч. – С.72.

³ См.: Никифоров Б.С. Указ. соч. – С.5-6.

мы, но и позволяет по определенной системе осуществлять научную и законодательную классификацию преступлений и норм, предусматривающих ответственность за их совершение, в силу чего предполагает дальнейшее совершенствование системы Особенной части уголовного закона.

Родовой объект включает в себя группу однородных и взаимосвязанных между собой общественных отношений, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств. Родовым объектом преступлений против правосудия являются отношения по осуществлению государственной власти.

Наименование главы 31 УК РФ – «Преступления против правосудия» – характеризует видовой объект уголовно-правовой охраны – группу общественных отношений, отражающих определенный спектр родственных и взаимосвязанных социальных интересов (благ), закрепляет обобщенную характеристику объекта соответствующей группы преступлений. При этом представляется, что объектом соответствующих преступлений против правосудия являются общественные отношения, а не конкретные интересы (в данном случае – это интересы правосудия). Такое словопотребление как «преступления против правосудия», принятое лишь для краткости научного изложения, обеспечивает лаконичность законодательных конструкций и не может служить доказательством того, что объект преступления не исчерпывается общественными отношениями.¹

В частности, в современной науке уголовного права отмечается проявление интереса к распространенной в XIX веке теории объекта преступления как правового блага, суть которой сводится к тому, что объектом уголовно-правовой охраны выступают не общественные отношения, а конкретные блага человека биологического, биосоциального и социального характера. Так, Г.П.Новоселов в работе «Учение об объекте преступления. Мето-

¹ В теории уголовного права можно выделить несколько основных концепций, в которых объект преступления рассматривается как: правовые нормы в их реальном существовании (Н.С.Таганцев, И.Я.Фойницкий, А.Н.Круглевский); субъективное право (А.Ф.Кистяковский, В.Д.Спасович, С.М.Будзинский, Д.А.Дриль и их последователи – И.А.Клепицкий, Е.А.Фролов, Г.П.Новоселов); теория правовых благ (К.Биндинг, Н.Д.Сергиевский, С.Н.Познышев, затем Н.И.Загородников); юридические нормы и фактические блага (А.Н.Круглевский); правоохраняемый интерес (Шавров, Гертц); общественный интерес (Б.С.Никифоров); общественные отношения (А.А.Пионтковский, Н.А.Беляев, Н.Д.Дурманов, Н.И.Коржанский, В.К.Глистин); правоотношения (В.А.Григорьев). Подр. см.: Марцев А.И., Вишнякова Н.В. Развитие учения об объекте преступления: Лекция. – Омск: Академия МВД России, 2002.

дологические аспекты», усомнился в научной достоверности господствующего взгляда на объект преступления как общественное отношение. По его мнению, объектом любого преступления выступают люди в качестве отдельных физических лиц или некоторого множества лиц и люди как социум (общество). Свое мнение автор аргументирует тем, что без способности причинить или создать угрозу причинения вреда людям никакое деяние в принципе не может быть объявлено преступлением. Поэтому нанесение реального или потенциального вреда государству, как некоторого рода организации людей, означает не что иное, как нанесение вреда тем людям, интересам которых оно (государство) призвано служить, и нередко дополнительно и тем, через кого осуществляются функции государства, кто является его представителем.¹

Вместе с тем в последних работах, которые специально посвящены уголовно-правовой охране личности, объект преступления не рассматривается как конкретные блага человека и собственно сам человек, но как общественные отношения, обеспечивающие защиту личности от преступных посягательств. Например, Р.Д.Шарапов справедливо отмечает, что в целях разрешения сложившейся дилеммы при определении объекта преступления необходимо четко различать два аспекта проблемы: во-первых, уголовно-правовую охрану самостоятельных общественных отношений, обеспечивающих незыблемость и благополучное существование каждого человека как биологической единицы рода людей и, во-вторых, уголовно-правовую охрану тех общественных отношений, в которые вступает человек в процессе своей жизни, выполняя различные социальные функции и выступая в различных социальных ролях, а его жизнь, здоровье и другие личные блага являются условием выполнения этих ролей.² Еще Б.С.Никифоров обращал внимание на то, что объектом преступлений против личности и, соответственно, объектом уголовно-правовой охраны в этих случаях является не только сам человек как участник общественных отношений, как личность, но и отношения между людьми в обществе – общественные отношения: охраняемые законом блага личности, определенные социальные возможности (возможность жить, пользоваться здоровьем и т.д.), поэтому нельзя отделять интересы личности от неё самой и затем выводить личность за рамки общественных отношений, видя в личности, в «живом человеке», годный объект уголовно-правовой охраны и в то же время упуская

¹ См.: Новоселов Г.П. Указ. соч. – С.59-66.

² См.: Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С.165.

отношения между людьми.¹ Развивая мысль Б.С.Никифорова, следует указать на то, что общественные отношения охраняются нормами уголовного права именно потому, что таким путем охраняется человек. Общественные отношения, таким образом, не могут существовать без людей. Поэтому неверно признавать объектом преступления и общественные отношения, и человека.²

Итак, биологические свойства человека охраняются уголовным правом не абстрактно, не абсолютно, не вне общества, а в системе общественных отношений. Иначе фактически происходит подмена общественного отношения такими категориями, как «блага человека» (в контексте настоящей работы – «интересы правосудия»). Конкретное общественное отношение перестает быть непосредственным объектом преступления. Этим объектом начинает считаться его структурная часть, которая в отрыве от общественных отношений не представляет никакой ценности. Так, «блага», «интересы» и т.п. категории представляют собой те информационные образования, которые лишь только наполняют определенную систему общественных отношений соответствующим содержанием. Поэтому биологическая сущность человека вне общественных отношений не имеет для уголовного закона самостоятельного значения. Собственно человек не может рассматриваться в качестве объекта преступления. Например, поведение в состоянии необходимой обороны или по исполнению приговора суда хотя и наносит фактический вред определенным физическим благам человека, но не является общественно опасным. Поэтому объектом всякого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие определенные блага, интересы, условия и т.д., объектом же преступлений против личности являются общественные отношения по поводу благ человека, а не сами блага, и не сам человек.

Пример анализа теории объекта преступления как правового блага не отвергает научной ценности этой и иных концепций определения объекта уголовно-правовой охраны, но обосновывает позицию о том, что объектом преступления являются охраняемые законом общественные отношения.

С этих позиций представляется важным рассмотреть объект преступления, предусматривающего ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы, тем более, что в юридической литературе отсутствует однозначное понимание содержания входящих в этот объект отношений и, следовательно, определение места

¹ Никифоров Б.С. Указ. соч. – С.93.

² См.: Курс советского уголовного права. В 5 т. Т. 1 / Отв. ред. Н.А.Беляев, М.Д.Шаргородский. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. – С.282.

указанного посягательства в системе Особенной части уголовного права. Так, одни авторы выносят рассматриваемое общественно опасное деяние за рамки системы преступлений против правосудия и относят его к посягательству на порядок управления в исполнительных учреждениях и режим отбывания наказания,¹ другие включают в главу преступлений против правосудия, но определяют его непосредственный объект как нормальную деятельность органов и учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы², третьи, включая данный состав в главу преступлений против правосудия, в качестве непосредственного объекта рассматривают интересы правосудия.³ Основанием для дискуссии выступает вопрос о том, ставит ли ст.314 УК РФ под охрану общественные отношения, обеспечивающие реализацию конституционных принципов отправления правосудия и, таким образом, включается ли деятельность уголовно-исполнительных учреждений в систему правосудия?

Правосудие – это особая функция государственной власти, которая в соответствии со ст.118 Конституции Российской Федерации осуществляется только судом. В специальной литературе выделяют два признака правосудия: а) деятельность, осуществляемая специально уполномоченным государственным органом; б) деятельность, связанная с рассмотрением деяний, влекущих применение (или отказ от применения) существенных мер государственного принуждения, а также с защитой нарушенного либо оспариваемого права или охраняемого законом интереса.⁴ Уточняя и дополняя данные признаки, можно говорить о том, что правосудие представляет собой особый вид юридической деятельности, осуществляемой в специальной процессуальной форме, которая реализуется именем и властью государства при соблюдении ряда

¹ Напр., см.: Голоднюк М.Н. Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия // Вестник Московского ун-та. Серия 11 (Право). – 1996. – №6. – С.17. Думается, что предпосылкой такой позиции послужило развитие учения Н.И.Коржанского о системе Особенной части уголовного законодательства, в котором он предлагал группу преступлений против правосудия включить в главу преступлений против государственного и общественного управления (см.: Коржанский Н.И. Указ. соч. – С.78).

² Напр., см.: Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Отв. ред. Б.В.Здравомыслов. – М., 1996. – С.450; Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. А.И.Рарога. – 3-е изд. – М., 1998. – С.416.

³ Напр., см.: Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. М.П.Журавлева, С.И.Никулина. – М.: Спарк, 1998. – С.405.

⁴ См.: Бойков А.Д. Сущность социалистического правосудия и его виды // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 37. – М.: Юрид. лит., 1982. – С.37.

конституционно закрепленных процессуальных принципов и возлагается обществом и государством на судебную власть. Так, в ст.1 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года №1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» указывается, что судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами и никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия.¹

Вместе с тем использование в уголовном законодательстве и теории уголовного права термина «правосудие» не соответствует его буквальному толкованию в указанном, так называемом «узком (процессуальном) смысле»², однако определяет специфическую сферу государственной деятельности, связанную с реализацией интересов правосудия и поэтому требующую самостоятельной уголовно-правовой защиты. Сущность правосудия в этом случае проявляется в специфических общественных отношениях, заключающих внутренние связи между субъектами правосудия по поводу реализации важнейших социально-политических интересов – охраны законных прав и свобод личности, общества и государства, обеспечения законности и восстановления социальной справедливости, борьбы с преступностью. Следовательно юридическая природа отношений в сфере правосудия проявляется и функционирует только в юридических формах, то есть соответствующих мерах и средствах борьбы с преступностью и правоохранительной деятельности.

Указанное свидетельствует о необходимости понимания правосудия в широком смысле слова.

В результате, уголовное право в понятие «правосудие» вкладывает более широкий смысл³ и понимает его как совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальную, строго регламентированную уголовно- и гражданско-процессуальным, административным и уголовно-исполнительным законодательст-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – №1. – Ст.1. Федеральные конституционные законы от 15.12.2001 г. №5-ФКЗ и от 04.07.2003 г. №3-ФКЗ, частично изменяющие и дополняющие закон «О судебной системе Российской Федерации», не привнесли каких-либо изменений в содержание ст.1 данного Закона.

² См., напр.: Власов И.С., Тяжкова И.М. Ответственность за преступления против правосудия. – М., 1968. – С.31-32; Бунева И.Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск: Академия МВД России, 2000. – С.21.

³ То есть уголовно-правовое понятие «правосудие» в отличие от этого понятия в уголовно-процессуальном праве охватывает более широкий спектр деятельности.

вом деятельность суда и органов, ему в этом содействовавших, по осуществлению задач и целей правосудия.¹ Вынесение судом приговора, а также деятельность суда, направленная на рассмотрение дела или конкретного вопроса и принятие соответствующих решений (также и при процессуальном взаимодействии с иными субъектами: органами дознания, прокуратурой, исправительными учреждениями и др.), – это лишь форма осуществления правосудия. Так, в специальной литературе указывается, что содержанием правосудия «является реализация выраженного в приговоре от имени государства предписания о применении к лицу, признанному виновным в совершении преступления, наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного»². Поэтому правосудие не складывается из одной лишь уголовно-процессуальной деятельности. Исполнение назначенного судом наказания соответствующими органами в полном объеме и в установленном законом порядке – неотъемлемая задача правосудия, выражение связи между назначенным судом приговором и его обязательным исполнением.³ Исследователями данного вопроса отмечается, что «интересы правосудия требуют, чтобы наказание, назначенное приговором суда, было отбыто в полной мере и в той форме, которую указал суд»⁴. Интересы правосудия в таком случае определяются содержанием стоящих перед ним (правосудием) задачами.

¹ См.: Абдрахманова Е.Р. Уголовно-правовое обеспечение реализации лишения свободы: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М.: Московская государственная юридическая академия, 1996. – С.17-18.

² Егоров В.И. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания уголовных наказаний: Учебное пособие. – Рязань: Высшая школа МВД СССР, 1985. – С.14-15.

³ Многие авторы не связывают правосудие с исполнением судебного акта (напр., см.: Судебная система России: Учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Дело, 2001. – С.24-28; Правоохранительные органы: Учебник / Под ред. Н.А.Петухова и Г.И.Загорского. – М.: Дашков и К°, 2003. – С.41-43). Отдельные авторы, специально акцентируя на этом внимание, указывают, что на стадии исполнения приговора (в силу того, что уже имеет место итоговое процессуальное решение, выражаемое в постановлении или определении, отсутствует судебное заседание, принципы процесса, например состязательность, широкий круг его участников и другие его атрибуты) суд не осуществляет правосудие и, следовательно, правосудие на этой стадии вообще отсутствует (напр., см.: Тулянский Д.В. Осуществляет ли суд правосудие в стадии исполнения приговора? // Журнал российского права. – 2001. – №7. – С.118-121).

⁴ Кульберг Я.М. Преступления против правосудия. – М.: Юрид. лит., 1962. – С.55; Носкова Н.А. Ответственность граждан за преступления против правосудия. – М.: Юрид. лит., 1975. – С.10.

Таким образом, реализация выраженного в приговоре предписания о применении к лицу, признанному виновным в совершении преступления, наказания является содержанием правосудия. Исполнение назначенного судом виновному наказания в установленной форме и полном объеме доводит процесс правосудия до его логического завершения. Обязательная совокупность таких процедур, как предварительная работа правоохранительных органов и органов юстиции по конкретному уголовному делу или материалам, судопроизводство с вынесением приговора и исполнение назначенного приговором суда наказания, и образует правосудие.

Изложенное позволяет включить деятельность исправительных учреждений в систему правосудия в качестве ее необходимого элемента.

Согласно такой позиции исправительные учреждения выступают органами правосудия, способствуя суду реализовывать задачи и цели правосудия. Вместе с тем не следует однозначно относиться к мнению тех авторов, которые относят к объекту уклонения от отбывания лишения свободы общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов правосудия (в том числе и исправительных учреждений).¹ Думается, что здесь происходит «подмена понятий». Уместнее говорить об общественных отношениях, обеспечивающих не нормальное функционирование органов правосудия, а достижение стоящих перед правосудием задач и целей (например, такой цели, как восстановление социальной справедливости), в достижении которых участвуют конкретные органы и учреждения. Иначе рассматриваемый состав следовало бы переместить в главу 32 УК РФ «Преступления против порядка управления». Недопустимость такого решения будет отстаиваться и далее.

Отдельные авторы несправедливо, на мой взгляд, указывают, что в главе о преступлениях против правосудия логичнее было бы сосредоточить, исходя из родового объекта, только нормы, охраняющие деятельность по отправлению правосудия.² В соответствии с логикой такого суждения необходимо было бы признать лишним в главе 31 УК РФ значительное количество составов преступлений. Так, побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст.313 УК РФ), уклонение от отбывания лишения свободы (ст.314 УК РФ) не посягают на деятельность по отправлению правосудия и, надо полагать, с учетом указанного вы-

¹ См.: Голоднюк М.Н. Указ. соч. – С.17-18.

² Напр., см.: Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (Объект и квалификация преступлений). – Л., 1979. – С.107-108.

ше подхода они были бы исключены из главы о преступлениях против правосудия и помещены в соседнюю главу 32 УК РФ «Преступления против порядка управления». Представляется, что место составов преступлений, предусмотренных ст.ст.313 и 314 УК РФ, определено законодателем верно. В частности, помещение указанных составов в главу о преступлениях против правосудия говорит о том, что законодатель направленность данных норм видит не в охране порядка управления, а в обеспечении стоящих перед правосудием задач и целей. Аналогичного мнения придерживается и ряд других авторов.¹

Суммируя сказанное, отмечу, что видовым объектом уклонения от отбывания лишения свободы выступают общественные отношения в сфере отправления правосудия как объекта уголовно-правовой охраны – правосудия в так называемом «широком смысле слова». В этом контексте справедливо мнение Л.В.Лобановой, полагающей, что, обособив в главе 31 УК РФ ряд преступлений и дав им название «Преступления против правосудия», законодатель сосредоточил в данной главе общественно опасные деяния, сущностью которых является посягательство на общественные отношения, входящие в систему ценностей, призванных обеспечить (цель правосудия) предпосылки, нормальное осуществление, а также претворение в жизнь результатов охранительной, познавательно-правоприменительной и процессуально-упорядоченной деятельности суда и содействующих ему в этом органов и лиц (задачи правосудия).²

Таким образом, законодатель оправданно включил уклонение от отбывания лишения свободы в главу 31 УК РФ «Преступления против правосудия».

Кроме того, о правильности такого вывода свидетельствуют результаты проведенного анкетирования сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы. Так, 91% опрошенных полагают, что законодатель справедливо поместил рассматриваемую норму в главу о преступлениях против правосудия.

В свете вышеизложенного совсем необязательно менять название главы 31 УК РФ, хотя предложения такого рода встречаются

¹ Напр., см.: Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос-го ун-та, 1999. – С.26; Кулешов Ю.И. Правосудие как объект уголовно-правовой охраны: история и современность // Правоведение. – 1999. – №4. – С.83, 85.

² См.: Лобанова Л.В. Указ. соч. – С.26-27.

ся.¹ Во-первых, вряд ли можно подобрать столь же лаконичное, этимологически точное наименование. И, во-вторых, ни осуществление предварительного расследования, ни исполнение процессуальных решений, в том числе и назначенного в приговоре суда наказания в виде лишения свободы, не происходит во имя самих себя, не является самоцелью. Поэтому общественно опасные деяния, осуществляемые в этой сфере, в итоге наносят вред интересам правосудия.

Представляется спорным определение некоторыми авторами непосредственного объекта уклонения от отбывания лишения свободы как нормальной деятельности органов и учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы,² которая (деятельность) понимается как порядок управления и режим работы указанных мест. Так, во-первых, изложенное определение не раскрывает сущности отношений, входящих в сферу реализации целей правосудия. Смысл правосудия не состоит в нормальном порядке управления и режиме функционирования уголовно-исполнительной системы. Во-вторых, оно не охватывает всего содержания отношений, за нарушение которых установлена уголовная ответственность по ст.314 УК РФ. Из юридического анализа уголовно-исполнительного законодательства (ч.1 ст.97 УИК РФ) следует, что уклонение от отбывания лишения свободы посягает на нормальную деятельность не только исправительных учреждений, перечисленных в ч.1 ст.74 УИК РФ, но и следственных изоляторов. И, в-третьих, по смыслу данное определение раскрывает общественные отношения в сфере государственного управления (порядка управления) и, таким образом, фактически тождественно понятию непосредственного объекта дезорганизации нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст.321 УК РФ). Это вводит недопустимое смешение и подмену указанных понятий, влечет нарушение принципов построения системы Особенной части уголовного закона по объекту преступления. На мой взгляд, понятие объекта уклонения от отбывания лишения свободы должно иметь свойственные и характерные защи-

¹ Напр., см.: Москвитина Т.А. Некоторые предложения по совершенствованию проекта Уголовного кодекса // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации). – Ярославль, 1994. – С. 185.

² Напр., см.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И.Бойко. – Ростов-на-Дону, 1996. – С.635; Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова, Г.П.Новоселов. – М., 1998. – С.654-655; Российское уголовное право. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. А.И.Рарога. – М.: Профобразование, 2001. – С.574.

щаемым им общественным отношениям признаки, отражать сущность охраняемых законом интересов правосудия и обусловленность уголовной ответственности за их нарушение.

Обращаясь к смежным составам преступлений, нельзя говорить о качественной однородности объекта исследуемой нормы и преступлений против военной службы, в частности ст.337 УК РФ «Самовольное оставление части или места службы». Так, согласно ч.2 указанного состава и в соответствии с главой 20 УИК РФ данная норма предусматривает ответственность за неявку в срок без уважительных причин в дисциплинарную воинскую часть военнослужащего, отбывающего данный вид наказания, при увольнении из части, из командировки или лечебного учреждения.

Очевиден тот факт, что дисциплинарные воинские части представляют собой места исполнения такого вида наказания, как содержание в дисциплинарной воинской части (п. «к» ст.44 УК РФ), но их деятельность, находясь в плоскости осуществления установленного порядка прохождения военной службы, в первую очередь направлена на достижение осуществления этого порядка, тогда как деятельность мест лишения свободы направлена на достижение исключительно целей правосудия. Думается, что законодатель верно включил ст.337 УК РФ в главу о преступлениях против военной службы. Это, главным образом, обусловлено спецификой военной службы, которая в указанном выше контексте состоит в том, что генеральный правовой статус определенного круга лиц, совершающих воинские и ряд других преступлений, остается прежним. Отбывая наказание в дисциплинарной воинской части, лицо по-прежнему находится в правовом режиме военнослужащего, то есть оно не выбывает из системы общественных отношений в сфере осуществления установленного порядка прохождения военной службы. Военная служба такого военнослужащего, сохраняя свои установки и цели,¹ продолжает оставаться ядром этой сферы. Кроме того, сам факт выделения содержания в дисциплинарной воинской части в отдельный вид наказания подтвер-

¹ Так, в соответствии со ст. 156 УИК РФ и п. 7 Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими (Приложение к приказу министра обороны Российской Федерации от 29 июля 1997 года № 302 «О правилах отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими» с изменениями, внесенными приказом министра обороны Российской Федерации от 16 января 2001 года № 30) в отношении военнослужащих, отбывающих наказание в дисциплинарной воинской части, сохраняются требования по сознательному отношению к военной службе, исполнению возложенных на них воинских обязанностей и военной подготовке (см.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 1998. – № 1).

ждает мысль об исключительности общественных отношений, охраняемых ст.337 УК РФ.

Действия осужденных военнослужащих в первую очередь нарушают установленный порядок прохождения военной службы (непосредственный объект преступления) и только «попутно» посягают на интересы правосудия и порядок управления в данной сфере (дополнительные объекты).

На основании вышеизложенного можно заключить, что, несмотря на внешнее сходство, указанные объекты отличаются по содержанию, поскольку в качестве обязательного элемента непосредственного объекта исследуемой нормы выступают общественные отношения, возникающие в процессе отправления правосудия.

Таким образом, под непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст.314 УК РФ, необходимо понимать общественные отношения, обеспечивающие нормальные условия достижения интересов правосудия по реализации в рамках исполнения лишения свободы выездов осужденных за пределы мест лишения свободы либо отсрочки исполнения приговора суда или отбывания наказания.

В качестве дополнительного объекта уклонения от отбывания лишения свободы выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальный порядок управления и режим функционирования исправительных учреждений по поводу исполнения наказания в виде лишения свободы в случае невозвращения лица, которому разрешен выезд за пределы места лишения свободы. При отсрочке исполнения приговора либо отсрочке отбывания наказания нарушается и нормальный порядок функционирования суда, так как уклоняется осужденный в этом случае также от явки в суд. Кроме того, дополнительным объектом уклонения может выступать нормальный порядок управления и режим функционирования следственных изоляторов, которые структурно не входят в систему исправительных учреждений. Так, в силу ч.1 ст.97 УИК РФ осужденным, оставленным в установленном порядке в СИЗО для ведения работ по хозяйственному обслуживанию, также могут быть предоставлены выезды (краткосрочные и длительные). Это позволяет утверждать, что преступление, предусмотренное ст.314 УК РФ, нарушает работу также следственных изоляторов.

Для наиболее качественного изучения непосредственного объекта и уяснения механизма причинения вреда интересам правосудия представляется целесообразным обратиться к элементам общественных отношений, поставленных под уголовно-правовую охрану ст.314 УК РФ.

В качестве элементов общественных отношений выступает предмет отношений, участники (субъектный состав) отношений и социальная связь (содержание самих отношений).

Необходимо отметить, что уклонение от отбывания лишения свободы является беспредметным преступлением, так как, во-первых, оно совершается путем бездействия (невыполнения лежащей на субъекте отношения социальной значимой обязанности), при котором не происходит воздействия ни на потерпевшего, ни на объекты материального мира. И, во-вторых, по конструктивному наблюдению Н.И.Коржанского, совершение преступления путем разрыва социальной связи (это будет подробно рассмотрено далее) с наибольшей очевидностью показывает, что преступное посягательство направлено не на вещи, материалы, предметы или людей, а на общественные отношения.¹ Данное обстоятельство влияет на «механизм» причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Выяснение круга участников общественного отношения или, что одно и то же, их субъектного состава, как справедливо полагает В.Я.Таций, позволяет правильно определить саму сущность и объем (границы) тех общественных отношений, которые поставлены под охрану уголовного закона, границы действия уголовно-правовой нормы.² Представляется верным в системе участников общественных отношений выделять государство в лице соответствующих органов, обладающих определенным статусом, и отдельных граждан, то есть юридических и физических лиц, наделенных определенными правами и обязанностями. В рассматриваемых общественных отношениях такими элементами выступают, с одной стороны, определенный круг учреждений уголовно-исполнительной системы (исправительные колонии, воспитательные колонии, лечебные исправительные учреждения, следственные изоляторы и тюрьмы)³ и суды (в случае представления отсрочки отбывания наказания или исполнения приговора суда) и, с другой стороны, осужденные лица, отбывающие наказание в данных и учреждениях уголовно-исполнительной системы, которым предоставляются выезды за пределы места лишения свободы, либо

¹ См.: Коржанский Н.И. Указ. соч. – С.160.

² См.: Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. – Харьков: Выща школа, 1988. – С. 22, 25, 27.

³ Здесь предпринята попытка определения круга исправительных учреждений лишь в целях уяснения субъектного состава общественных отношений, но детальное исследование их признаков, влияющих на установление субъекта уклонения от отбывания лишения свободы, будет осуществлено в третьем параграфе главы.

лица, которым предоставляется отсрочка исполнения приговора суда или отбывания наказания.

Изучение состава участников отношений имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Так, можно установить, из какого вида исправительного учреждения чаще всего происходит уклонение от дальнейшего отбывания лишения свободы. К такому виду относятся колонии-поселения (около 64 % из всего числа лиц, осужденных за уклонение от отбывания лишения свободы, и лиц, продолжающих уклоняться).¹ Кроме того, становится ясным, что лишь около 4% совершающих данное преступление являются лицами женского пола.

Анализ социальной связи, образующей содержание объекта уклонения от отбывания лишения свободы, показывает, что она может проявляться одновременно в двух ее формах: 1) в определенной деятельности субъектов отношений и 2) в определенном состоянии этих субъектов.² Указанную деятельность можно охарактеризовать как необходимое требуемое поведение участников отношения, от которых общество ожидает нужного позитивного результата, то есть надлежащего осуществления и регулирования порядка и условий предоставления выездов за пределы мест лишения свободы либо отсрочки отбывания наказания или исполнения приговора суда. Под определенным состоянием следует понимать необходимость выполнения установленных правил, состоящих в обязанности возвращения в исправительное учреждение либо прибытия в суд. Таким образом, в данном случае социальную связь можно определить как практическую деятельность по поводу осуществления выездов за пределы мест лишения свободы либо отсрочки отбывания наказания или исполнения приговора суда, заключающуюся в должной реализации этих мер.

Вред общественным отношениям, охраняемым ст.314 УК РФ, причиняется именно посягательством на рассмотренную социальную связь. Механизм причинения данного вреда следующий. Посягательство на социальную связь в беспредметном преступлении имеет место в случае, когда субъект отношений (осужденное лицо) нарушает либо разрывает эту связь путем изменения своего социально значимого поведения (социального статуса). Это озна-

¹ Данные приводятся по результатам изучения 159 архивных уголовных дел, возбужденных в период с 1989 по 2000 гг. органами дознания либо следствия г. Красноярска и Красноярского края (86 УД; 54,1%), г.Иркутска, г.Ангарска и Иркутской области (73 УД; 45,9%).

² См.: Коржанский Н.И. Указ. соч. – С.51; Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений: Учебное пособие. – Волгоград: Высшая школа МВД СССР, 1976. – С.13-21.

чает, что действующий субъект не исполняет лежащую на нем обязанность, состоящую в соблюдении порядка выездов за пределы мест лишения свободы либо отсрочки отбывания наказания или исполнения приговора суда, и тем самым исключает себя из данной системы отношений. Обязанность лица соблюдать такой порядок устанавливается ради обеспечения реализации интересов правосудия и составляет содержание этих отношений. Данные отношения закрепляют важные стороны общественной жизни и поэтому общество заинтересовано в их осуществлении и в выполнении субъектом этих обязанностей, невыполнение которых приводит к существенным отрицательным социальным изменениям.¹

Собственно анализ такого вреда невозможен без рассмотрения категории общественной опасности, которая является фактором отнесения деяния к категории преступлений, возведения его законодательной властью в разряд криминального поведения.

Как уже рассматривалось в первой главе монографии, общественная опасность выступает в качестве одного из факторов установления уголовной ответственности и состоит в преступных последствиях, выражающихся, однако, не только в прямом нарушении социальных возможностей, но и последствиях нарушения отношений собственности, безопасности и др.

Таким образом, нетрудно заметить, что вред, причиняемый охраняемым общественным отношениям в результате уклонения от отбывания лишения свободы, характеризуется разнообразием преступных последствий. Кроме угрозы общественным отношениям в сфере реализации таких прогрессивных мер, как выезды, отсрочка исполнения приговора суда и отсрочка отбывания наказания, рассматриваемое преступление несет в себе угрозу таким ценностям, как авторитет и интересы правосудия, широкому кругу общественных отношений, например в сфере общественной безопасности и, как следствие этому, нормальной деятельности органов власти и управления.

Благодаря результатам исследования последствий рассматриваемого преступления можно выделить их особенности:

– преступные последствия представляют угрозу широкому спектру благ и интересов, носят разноплановый характер, что повышает общественную опасность рассматриваемого преступления и определяет его специфику;

– в силу этого сложно предсказать (прогнозировать) развитие последствий данного преступления;

¹ См.: Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении: Монография. – Омск: Юридический институт МВД России, 2000. – С.5-10.

– кроме того, данное преступление порождает значительную латентность его последствий, негативные тенденции в среде осужденных, сопровождающиеся недоверием к администрации мест изоляции от общества и чувством вседозволенности.

До этого момента речь об охраняемых общественных отношениях шла с позиций их структуры. Однако состояние защищенности охраняемого объекта нельзя ограничивать лишь этим. Представляется, что общественные отношения, охраняемые ст.314 УК РФ, имеют определенную форму, так называемую правовую оболочку, существование которой можно предположить у любого уголовно-правового интереса. Так, авторитетный русский ученый Н.С.Таганцев в свое время отмечал, что преступным почитается деяние, посягающее на юридическую норму в ее реальном бытии.¹ Интерпретируя данную мысль, необходимо указать, что полное понимание механизма воздействия преступного посягательства на объект преступления обязательно связано с признанием того факта, что такое посягательство имманентным образом повреждает и правовую оболочку (правовой контур) охраняемых общественных отношений.

Обратившись к конкретному правоотношению, можно констатировать, что оно имеет описание, отражение в системе правовых норм, суть которых – правило поведения людей, которым они должны руководствоваться, или, иными словами, это общеобязательное веление, выраженное в виде государственно-властного предписания и регулирующее общественные отношения.² Поэтому конкретные правоотношения следует рассматривать как урегулированные правом и находящиеся под охраной государства определенные общественные отношения, где управомоченный участник правоотношения имеет право требовать соблюдения другим лицом установленные законом правила поведения, а обязанное лицо должно подчиниться указанному требованию. Если правоотношение представляет собой социально-правовую форму соответствующего общественного отношения, то каждый его элемент, в частности, составляющие его права и обязанности, должен представлять собой юридическое выражение (правовую норму) определенного элемента общественного отношения, выражаемого в правоотношении. Таким образом, возникающие на основе юридической нормы правоотношения представляют собой не что иное,

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – С.36.

² См.: Бабаев В.К., Баранов В.М. Общая теория права: Краткая энциклопедия. – Н.Новгород: Юридический институт МВД России, 1997. – С.92.

как юридическую форму, правовую оболочку общественных отношений.¹

В тех случаях, когда общественное отношение по субъективной воле приобретает форму правового отношения, эта правовая оболочка, по мнению Б.С.Никифорова, хорошо видна и легко поддается анализу.² Исходя из того, что правоотношение представляет собой юридическую форму своего материального содержания – соответствующего общественного отношения, подвергнув эту форму изучению можно получить возможность под юридической оболочкой «нащупать» само общественное отношение и показать, каким образом оно может быть нарушено.³

Более того, уклонение от отбывания лишения свободы следует относить к разряду формальных преступлений, а в таких посягательствах, по замечанию В.Н.Кудрявцева, указывается лишь один признак объекта – его «правовая оболочка», то есть «правовые отношения, которые установлены для охраны общественных интересов»⁴.

На этом основании правовую оболочку объекта рассматриваемого преступления, «сферу жизни» соответствующих уголовно-правовых интересов правосудия, образует совокупность юридических норм, регулирующих должное функционирование и необходимые условия существования охраняемых ст.314 УК РФ общественных отношений. Данная совокупность норм объединена в определенную систему.⁵ В свою очередь, от системы нарушаемых норм зависит конкретное содержание противоправности преступления. Сама противоправность является не менее важной характе-

¹ См.: Никифоров Б.С. Указ. соч. – С.59-60.

² Там же. – С.57.

³ Там же.

⁴ Кудрявцев В.Н. Указ. соч. – С. 132.

⁵ В рамках первой главы монографии не представилось возможным рассмотреть указанную систему нормативных и иных актов (это задача стоит на протяжении всей работы), однако отмечу, что большинство норм закреплено в действующем законодательстве, образующем кодифицированные отрасли права (уголовное, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное, гражданское), и в различных отраслевых законах (напр., Федеральный закон от 9 марта 2001 года №25-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации»). Ряд норм содержится в ведомственных приказах, распоряжениях и инструкциях (напр., Правила внутреннего распорядка ИУ, утвержденные приказом МЮ РФ от 30 июля 2001 года №224 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений»).

ристической преступлению, чем его общественная опасность; она, по мнению В.Н.Кудрявцева, «указывает на нарушение «правовой оболочки», то есть тех правовых отношений и норм, которые установлены для охраны данного объекта посягательства. Таким образом, не только общественная опасность, но и противоправность имеет собственную реальную основу».¹

Выявление правовой оболочки позволяет правильно подойти к оценке некоторых практических ситуаций. Рассмотрим две из них.

Будучи осужденным по приговору Светлогорского городского народного суда Калининградской области за спекуляцию (ст.154 УК РСФСР), Клыков отбывал наказание в колонии-поселении. С целью уклонения от отбывания наказания 15 декабря 1993 года он покинул вахтовый участок, расположенный на территории колонии-поселения, и скрывался в лесу в охотничьей избушке. После оставления охотничьей избушки 25 декабря этого же года осужденный был задержан войсковым нарядом при попытке сесть в проходящий поезд и после осужден Княжепогостским районным народным судом Республики Коми по ст.188¹ УК РСФСР «Уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы» к 10 месяцам лишения свободы. Вместе с тем суд не учел то обстоятельство, что Законом РФ от 1 июля 1993 года №5304-1 «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с упорядочением ответственности за незаконную торговлю»², вступающим в силу 11 августа 1993 года, была устранена уголовная ответственность за спекуляцию, вследствие чего Клыков в соответствии с ч.2 ст.56 УК РСФСР подлежал освобождению от наказания. Таким образом, с момента вступления указанного закона в силу Клыков несколько месяцев содержался в местах лишения свободы без законных оснований и, следовательно, в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный ст.188¹ УК РСФСР. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ по протесту заместителя Генерального прокурора 27 мая 1996 года отменила приговор в отношении Клыкова и дело прекратила за отсутствием состава преступления.³

Осужденный по приговору Канского горсуда Красноярского края от 15 апреля 1996 года по ст.122 УК РСФСР к 1 году лишения

¹ См.: Кудрявцев В.Н. О противоправности преступления // Правоведение. – 1959. – №1. – С.71.

² См.: Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – №32. – Ст.1231.

³ См.: Необоснованный приговор по протесту прокурора отменен (Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Клыкова) // Законность. – 1996. – №6. – С.58-59.

свободы Н.Н.Огурченко отбывал наказание в колонии-поселении УП-288/3 п.Харюзовка Иланского района Красноярского края. С целью уклонения от отбывания лишения свободы в ночь на 25 августа 1997 года он оставил территорию исправительного учреждения, был задержан 28 августа 1997 года в п.Большая Уря Красноярского края. В отношении Н.Н. Огурченко было возбуждено уголовное дело по ст.188¹ УК РСФСР. Однако в ходе предварительного следствия выяснилось, что в связи с вступлением в действие УК РФ 1996 года постановлением судьи Иланского райсуда Красноярского края от 15 апреля 1997 года приговор от 15 апреля 1996 года, по которому осужденный отбывал наказание, был изменен: его действия переквалифицированы со ст.122 УК РСФСР на ч.1 ст.157 УК РФ с определением 4-х месяцев лишения свободы. Поскольку уклонение от отбывания лишения свободы совершено им 25 августа 1997 года, то есть после отбытия срока наказания (по истечении 4-х месяцев), Иланский райсуд прекратил уголовное преследование в отношении Н.Н.Огурченко.¹

Однако, все же причиняя вред общественным отношениям, обеспечивающим нормальную деятельность исправительного учреждения или СИЗО и являясь, по сути, самовольным осуществлением своего действительного права на освобождение с нарушением порядка его реализации, данное деяние, по верному замечанию А.А.Примака, в зависимости от прочих обстоятельств следует квалифицировать по ст.330 УК РФ «Самоуправство» либо по ст.19.1 КоАП РФ², предусматривающей ответственность за административно наказуемое самоуправство.

Таким образом, отнесение уклонения от отбывания лишения свободы к преступлению, посягающему на деятельность, направленную на достижение интересов правосудия, позволяет понять, почему невозвращение в исправительное учреждение лица, содержащегося там без законных оснований, не образует состава преступления. Данной обстоятельство особенно важно для определения общественной опасности соответствующих действий, совершенных лицами, незаконно лишенными свободы. И в силу того, что принудительные меры в подобных случаях применяются не в соответствии с интересами правосудия, а вопреки им, уклонение от осуществления этих мер (определенных тягот и лишений) не следует расценивать как преступное деяние.

¹ Архив Иланского районного суда Красноярского края. Уголовное дело №3099600, возбуждено 28 августа 1996 года.

² См.: Примак А.А. Уголовная ответственность за преступления, посягающие на установленный порядок исполнения наказания в виде лишения свободы: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск: Академия МВД России, 2003. – С.142.

В заключение отметим, что исследование объекта уклонения от отбывания лишения свободы способствует концентрации внимания уголовно-правовой науки на более глубоком изучении проблем борьбы с данным преступлением.

§2. Объективная сторона уклонения от отбывания лишения свободы

В ходе изучения мнения сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы 68% из них указали на то, что наибольшие проблемы при квалификации уклонения от отбывания лишения свободы связаны с установлением именно объективных признаков состава преступления, и лишь 21% и 17% – соответственно субъективных признаков и субъекта преступления, 4% респондентов указали на сложности в разграничении со смежными составами. Это обстоятельство обуславливает необходимость всестороннего и детального исследования объема и содержания признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст.314 УК РФ, особенностей его квалификации.

Деяние, образующее объективную сторону рассматриваемого преступления, представляет собой противоправное уклонение осужденного лица от отбывания наказания в виде лишения свободы. Особенность рассматриваемого преступления заключается в том, что по истечении установленного для пребывания вне исправительного учреждения срока при отсутствии уважительных причин, препятствующих отбыванию наказания, законные действия осужденного перерастают в противоправные.

Представляется необходимым рассмотреть этимологию понятия «уклонение». Так, в словарях русского языка «уклонение» определяется как действие, равное по значению глаголам «уклоняться, уклониться». В свою очередь, «уклоняться» – «стараться избежать чего-либо»¹; «уклониться» – «суметь избежать чего-либо, устранившись от чего-либо»², «не испытывая интереса к чему-либо, желая делать что-либо, суметь избежать чего-либо... употребляется в тех случаях, когда речь идет об уклонении от каких-либо обя-

¹ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 2: П-Я. – М.: Рус. яз., 2000. – С.847.

² Словарь синонимов: Справочное пособие / Ред. А.П.Евгеньева. – Л.: Наука, 1975. – С.601.

занностей, поручений»¹. На основе анализа вышеприведенных определений можно говорить о том, что с точки зрения этимологического толкования уклонение как фактическое поведение соответствует тому объему, который вкладывает законодатель в уголовно-правовое содержание этого термина, – лицо, осужденное к отбыванию наказания в виде лишения свободы, избегает наложенных на него приговором суда тягот и лишений, самоустраивается от процесса применения к нему средств исправления. Поэтому данный термин не остается за рамками содержания объективной стороны уклонения от отбывания лишения свободы и, следовательно, в тексте уголовного закона его использование оправданно.

Важно изучить признаки выездов за пределы исправительных учреждений и отсрочки отбывания наказания или исполнения приговора суда в том объеме, насколько это необходимо для уяснения содержания объективной стороны рассматриваемого деяния.

Уголовно-исполнительный закон Российской Федерации в ст.97 подразделяет выезды осужденных за пределы исправительных учреждений на два вида – краткосрочные и длительные.

Продолжительность краткосрочного выезда может быть до семи суток. Однако это время может быть продлено до пяти суток в случае возникновения непредвиденных обстоятельств, затрудняющих обратный выезд осужденного в установленный срок. Определяя продолжительность выездов, законодатель делает специальную оговорку, в соответствии с которой время, необходимое для преодоления расстояния от места дислокации исправительного учреждения до места проведения выезда и от места проведения выезда – до места дислокации исправительного учреждения (ч.1 ст.97 УИК РФ), не включается в рамки продолжительности пребывания осужденного за пределами учреждения в целом. Важно отметить и то обстоятельство, что законодатель отказался от указания верхнего предела времени, необходимого для проезда к месту проведения выезда.

Краткосрочные выезды, в зависимости от оснований их предоставления, подразделяются законодателем на три подвида. Первый из них представлен краткосрочными выездами, разрешаемыми осужденным «в связи с исключительными личными обстоятельствами» (п. «а» ч.1 ст.97 УИК РФ). В качестве таковых закон называет:

– смерть или тяжелую болезнь близкого родственника, угрожающую жизни больного;

¹ Словарь синонимов русского языка / Гл. ред. А.П. Евгеньева. В 2 т. Т.2. О-Я. – Л.: Наука, 1971. – С.608.

– стихийное бедствие, причинившее значительный материальный ущерб осужденному или его семье.

Второй – это краткосрочные выезды, представляемые осужденным для предварительного решения вопросов их трудового и бытового устройства после освобождения.

Третий подвид краткосрочных выездов может быть разрешен только осужденным женщинам, имеющим: а) детей в домах ребенка исправительных колоний; б) несовершеннолетних детей-инвалидов вне исправительных колоний, соответственно для устройства ребенка у родственников либо в детском доме и для свидания с несовершеннолетними детьми-инвалидами.

Длительные выезды согласно п. «б» ч.1 ст.97 УИК РФ представляются осужденным в зависимости от того, занят ли осужденный общественно полезным трудом и от их отношения к общественно полезному труду, и могут быть классифицированы на два подвида. В соответствии с указанным основанием первый подвид длительных выездов может быть разрешен на время ежегодного оплачиваемого отпуска работающим осужденным. Второй – это длительные выезды, предоставляемые неработающим осужденным на срок, равный времени ежегодного оплачиваемого отпуска.

Необходимо отграничивать выезды от смежного института уголовно-исполнительного законодательства – отпусков, которые нередко уподобляются друг другу. Во-первых, у отпусков и выездов существует различная целевая направленность. Посредством предоставления осужденным отпусков преследуется иная, нежели при выездах, цель – поддержание их физического здоровья, а также более или менее полноценный отдых. Во-вторых, юридический анализ показывает, что трудовые отпуска являются элементом условий труда осужденных, а выезды – элементом режима отбывания наказания.

Все это обуславливает то обстоятельство, что само по себе предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска – еще не основание для его проведения за пределами места лишения свободы. Кроме того, различна и правовая регламентация этих институтов. Предоставление отпусков осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, прямо регламентируется ст.104 УИК РФ, регламентация выездов осуществляется ст.97 УИК РФ.

Отсрочка отбывания наказания в виде лишения свободы, регламентируемая ст.82 УК РФ и ст.177 УИК РФ, может предоставляться осужденным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до 14 лет, отбывающим наказание в исправительной колонии, на срок до достижения ребенком 14-летнего возраста.

Характерной чертой отсрочки отбывания наказания является то, что по истечении ее срока суд подводит итоги и в соответствии с ч.3 ст.82 УК РФ в редакции п.6 ст.1 Федерального закона от 9 марта 2001 года № 25-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации»¹ принимает одно из двух решений:

1) освобождает осужденную от отбывания наказания или оставшейся части наказания;

2) заменяет оставшуюся часть наказания более мягким видом наказания.

Исполнение приговора об осуждении лица к лишению свободы в соответствии со ст. 398 УПК РФ может быть отсрочено:

1) при болезни осужденного, препятствующей отбыванию наказания, – до его выздоровления;

2) при беременности осужденной или наличии у нее малолетних детей – до достижения младшим ребенком четырнадцатилетнего возраста, за исключением осужденных к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности;

3) при наличии тяжких последствий или угрозы их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванных пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами, – на срок, установленный судом, но не более шести месяцев.

Следует отметить, что указанные сроки действия отсрочки отбывания наказания или исполнения приговора суда не являются безусловными и могут изменяться, если суд примет решение об отбывании ранее назначенного наказания. Таким образом, уклоняться от отбывания наказания лицо может не только по истечении срока отсрочки, но и в случае игнорирования соответствующего решения суда² об отмене такой отсрочки. Данный способ будет детально рассмотрен далее.

Изучение особенностей объективной стороны неизбежно приводит к анализу законодательной конструкции состава преступления. В связи с этим актуальными выступают два вопроса, решение которых позволит снять некоторые проблемы при квалификации уклонения от отбывания лишения свободы. Во-первых,

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – №11. – Ст.1002.

² Такие случаи будут подробно рассмотрены в третьей главе монографии.

каков момент окончания рассматриваемого преступления и как его определить, во-вторых, к какому составу по законодательной конструкции относится данное преступление.

Исходными данными при решении первого вопроса выступает правовая регламентация выездов и отсрочки. Так, порядок выездов определяется ст.97 УИК РФ, §18 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом МЮ РФ от 30 июля 2001 года №224 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений»¹, п.5.5 Инструкции о надзоре за осужденными, содержащимися в исправительных колониях, утвержденной приказом МЮ РФ от 7 марта 2000 года №83 «Об утверждении инструкции о надзоре за осужденными, содержащимися в исправительных колониях»², местными инструкциями, в частности Инструкцией о порядке предоставления осужденным отпусков с выездом за пределы исправительных учреждений, утвержденной приказом ГУИН МЮ РФ по Красноярскому краю от 11 марта 2001 года №168 «Об утверждении Инструкции о порядке предоставления осужденным отпусков с выездом за пределы исправительных учреждений». Этот порядок предусматривает разъяснение условий выезда и выдачу осужденному лицу удостоверения установленной формы (приложение 7 Правил), предупреждение об уголовной ответственности по ст.314 УК РФ за уклонение от отбывания лишения свободы, о чем осужденный дает соответствующую подписку (приложение 8 Правил). Осужденный обязан в суточный срок по прибытии к месту назначения явиться в дежурную часть органа внутренних дел, а в сельской местности – к участковому уполномоченному милиции и, сообщив цель приезда, срок и место пребывания, дату убытия, получить в удостоверении отметку о прибытии. По окончании срока выезда осужденный в том же органе внутренних дел (у участкового уполномоченного милиции) должен получить в удостоверении отметку об убытии в исправительное учреждение.

Отсрочка отбывания наказания регламентируется ст.82 УК РФ, ст.177 УИК РФ, главой V Инструкции о порядке исполнения наказаний в виде исправительных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и осуществления контроля за поведением условно осужденных, осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, к которым применена отсрочка отбывания на-

¹ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2001. – №35.

² Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2000. – №28.

казания, утвержденной приказом МВД РФ от 1 июля 1997 года №403 «Об утверждении Инструкции о порядке исполнения наказаний в виде исправительных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и осуществления контроля за поведением условно осужденных, осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, к которым применена отсрочка отбывания наказания»¹, п. «б» ст.4 Положения об уголовно-исполнительных инспекциях, утвержденного постановлением Правительства РФ от 16 июня 1997 года №729 (в ред. постановления Правительства РФ от 20 февраля 1999 года №199) «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности»². Так, процедура отсрочки предусматривает разъяснение условий отсрочки, у осужденной женщины берется подписка о явке в уголовно-исполнительную инспекцию по месту ее жительства в трехдневный срок со дня прибытия (приложение 21 Инструкции о работе...). В соответствии с п. 4.2 главы V Инструкции о порядке... в день явки в инспекцию с осужденной женщиной проводится беседа, в ходе которой ей разъясняются условия отсрочки отбывания наказания, последствия их невыполнения и ответственность за нарушения общественного порядка, трудовой дисциплины, совершение нового преступления, а также за уклонение от воспитания ребенка и ухода за ним, о чем у нее берется соответствующая подписка (форма №36 Инструкции).

Отсрочка исполнения приговора суда регламентируется ст.398 УПК РФ, разъясняется постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1985 года № 8 «О судебной практике по применению отсрочки исполнения приговора»³. Лицу разъясняются условия отсрочки, ему предъявляются правила поведения в период отсрочки исполнения приговора суда и возможные основания отмены данной отсрочки.

Вышеизложенный анализ правовой регламентации выездов за пределы места лишения свободы либо отсрочки отбывания наказания или исполнения приговора суда позволяет говорить о том, что деяние, образующее объективную сторону уклонения от отбы-

¹ См.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 1997. – № 18. Инструкцию смотри в редакции приказа МВД России от 16 сентября 2002 года №900 (последняя редакция приказа от 3 мая 2003 года).

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – №25. – Ст.2947.

³ См.: Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М.: Спарк, 1997. – С.249-254.

вания лишения свободы, состоит в невыполнении установленной обязанности:

1) возвратиться в определенный администрацией исправительного учреждения срок в место лишения свободы из предоставленного осужденному выезда;

2) прибыть в определенный судебным решением срок в суд при отмене отсрочки отбывания наказания или исполнения приговора суда. Так, по истечении срока отсрочки отбывания наказания, то есть по достижении ребенком 14-летнего возраста, осужденная женщина уже не может (в силу законодательных предписаний) отбывать ранее назначенное наказание в виде лишения свободы, поэтому вероятность отбывания этого вида наказания имеет место лишь при отмене судом такой отсрочки;

3) прибыть в определенный судебным решением срок в суд по истечении срока отсрочки исполнения приговора.

В невыполнении указанных обязанностей происходит необходимая для наличия состава преступления объективизация общественной опасности деяния, так как именно проявленное вовне отношение сознания и воли субъекта к своим преступным действиям, как указывает П.А.Фефелов, получает конкретное выражение в преступлении как общественном явлении и становится доступным для оценки другими членами общества.¹

Невыполнение вышеизложенных обязанностей образует основной способ совершения анализируемого преступления. Также возможны частно-альтернативные способы совершения преступления, предусмотренного ст.314 УК РФ, о которых речь пойдет дальше.

Указанная выше обязанность может возникать из факта: 1) истечения срока выезда осужденного лица за пределы места лишения свободы; 2) отмены отсрочки (любой) и решения суда о дальнейшем отбывании осужденным лицом ранее назначенного наказания; 3) истечения срока отсрочки исполнения приговора. Начало неисполнения такой обязанности следует считать моментом окончания рассматриваемого преступления.

Стоит особое внимание обратить на закрепление в материалах дела оснований возникновения указанной выше обязанности, поскольку от этого зависит установление объективной стороны и наличие признаков состава уклонения и, следовательно, аргументированность выводов о виновности лица в совершении преступления, предусмотренного ст.314 УК РФ. К сожалению, судебными органами не всегда учитывается данное обстоя-

¹ См.: Фефелов П.А. Указ. соч. – С. 33.

тельство. Так, Советский районный суд г.Красноярска в приговоре от 25 июня 2001 года признал В.А.Блажко виновным в совершении преступления, предусмотренного ст.314 УК РФ. Суд установил, что В.А.Блажко, отбывающему наказание в виде лишения свободы в колонии-поселении, с 10 часов 29 мая 1999 года до 19 часов 30 мая того же года было предоставлено увольнение, из которого он не прибыл в исправительное учреждение, а уехал в г.Санкт-Петербург. В описательной части приговора понятие «увольнение» указывалось и при аргументации доказательств вины В.А.Блажко.¹ Таким образом, суд установил факт увольнения, а не выезда осужденного из исправительного учреждения. Безусловно, что суд под увольнением подразумевал законно предоставленный осужденному выезд, но ведь это не однозначные термины. Особенно важно соблюдать формальную логику при интерпретации и толковании юридической терминологии в решении вопроса о виновности лица в совершении уголовно-наказуемого деяния. Следовательно, формально говоря, в действиях В.А.Блажко отсутствует состав преступления, предусмотренный ст.314 УК РФ, поскольку рассматриваемая уголовно-правовая норма регламентирует ответственность за невозвращение из предоставленного выезда, а не увольнения. Подобным образом не соблюдены требования к формализации употребления юридической терминологии в обвинительном приговоре, вынесенном 16 октября 2001 года Советским районным судом г.Красноярска в отношении осужденного к лишению свободы А.В.Похабова. Суд признал его виновным в совершении преступления, предусмотренного ст.314 УК РФ, за то, что А.В.Похабов не вернулся в место отбывания наказания по истечении срока предоставленного ему 19 июля 2001 года кратковременного выезда.² Однако очевидно, что законодательно не предусмотрено такого вида выезда осужденных за пределы исправительных учреждений, как «кратковременный».

Вопрос о моменте окончания исследуемого преступления при предоставлении выезда за пределы места отбывания наказания Ш.Рашковской и Т.Воробьевой решается несколько иначе. Авторы полагают, что уголовная ответственность должна наступать с момента неявки осужденного в орган внутренних дел для регистрации своего убытия.³ Думается, что эта позиция ошибочна по ряду

¹ Архив Советского районного суда г. Красноярска. Уголовное дело №6043795, возбуждено 9 июня 1999 года.

² Архив Советского районного суда г. Красноярска. Уголовное дело №8035319, возбуждено 2 августа 2001 года.

³ См.: Рашковская Ш., Воробьева Т. Ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы // Социалистическая законность. –

причин. И здесь согласимся с коллективом авторов (П.Е.Сенькин, А.И.Чучаев, Е.Р.Абдрахманова), которые полагают, что, во-первых, осужденный, реализовавший свое право на выезд за пределы места лишения свободы, остается участником уголовно-исполнительных правоотношений. Совершая уклонение, он в первую очередь нарушает эти, а не какие-либо иные отношения. Не являясь в орган внутренних дел для регистрации своего убытия, осужденный совершает не преступление, а дисциплинарный проступок. И, во-вторых, если решать вопрос так, как предлагалось Ш.Рашковской и Т.Воробьевой, то пришлось бы привлекать к уголовной ответственности лиц, которые по каким-либо причинам не явились на регистрацию своего убытия, но без опоздания прибыли в исправительное учреждение, то есть фактически без признаков состава уклонения от отбывания лишения свободы.¹

Момент же окончания уклонения от отбывания лишения свободы осужденного, которому была предоставлена либо отсрочка отбывания наказания, в случае отмены такой отсрочки, либо отсрочка исполнения приговора суда в случае отмены или истечения срока действия такой отсрочки состоит именно в неисполнении обязанности прибыть в суд. Так, суд, решив вопрос: 1) об отмене отсрочки отбывания наказания; 2) либо об отмене отсрочки исполнения приговора суда; 3) или по истечении срока действия отсрочки исполнения приговора суда об отбывании лицом наказания в виде лишения свободы, направляет осужденного в соответствующее исправительное учреждение. Это решение объявляется ему в зале суда, одновременно осужденный берется под стражу и направляется в соответствующее исправительное учреждение. Согласно ч.1 ст.76 УИК РФ «осужденные к лишению свободы направляются к месту отбывания наказания и перемещаются из одного места отбывания наказания в другое под конвоем». Следовательно, попытка осужденного лица уклониться от отбывания наказания после того, как суд очно в зале судебного заседания примет решение о необходимости его направления в исправительное учреждение, должна расцениваться, на наш взгляд, как побег из-под стражи. Самостоятельно осужденное лицо, которому предоставлена отсрочка отбывания наказания или исполнения приговора суда, следует лишь к месту проведения данной отсрочки (на это обстоя-

1978. – №6. – С.51-52. Данная позиция отстаивается и другими авторами, напр. см.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Отв. ред. В.М.Лебедев. – М.: Юрайт, 2001. – С.640.

¹ См.: Сенькин П.Е. Уклонение от отбывания лишения свободы: проблемы ответственности и суброгации закона / П.Е.Сенькин, А.И.Чучаев, Е.Р.Абдрахманова // Вестник Мордовского университета. – 1996. – № 3 – С.4.

тельство прямо указано, в частности, в ч.5 ст.177 УИК РФ). Закон не предусматривает обязанности или даже возможности самостоятельного возвращения такого осужденного лица в место отбывания наказания в виде лишения свободы, как это он делает по отношению к лицу, которому предоставлено право выезда за пределы исправительного учреждения (ч.11 ст.97 УИК РФ, §18 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений). Поэтому осужденный, которому отменена (или данный вопрос еще находится на рассмотрении суда) отсрочка отбывания наказания или исполнения приговора суда либо в отношении которого срок действия отсрочки исполнения приговора суда истек, фактически может уклоняться – когда поведение виновного свидетельствует о нежелании отбывать наказание – от явки в суд, а не в исправительное учреждение.

Рассматриваемое преступление может считаться окончанным и до момента истечения установленного срока выезда за пределы исправительного учреждения либо до момента объявления судом решения об отмене отсрочки отбывания наказания или исполнения приговора суда, когда действия виновного объективно свидетельствуют об уклонении от отбывания лишения свободы. Здесь показателен пример из судебной практики. Так, И.В.Мищенко, отбывающему наказание в колонии-поселении (ИТК-272/4) п.Плишкино Иркутской области, в связи с обострением язвы желудка 23 марта 1995 года сроком на 30 суток был предоставлен выезд в г.Иркутск для лечения. Однако, пробыв в больнице до 5 апреля 1995 года, И.В.Мищенко, предварительно сообщив администрации лечебного заведения, что он направляется обратно в исправительное учреждение, скрылся в неизвестном направлении. В июне 1995 года он был задержан в г.Ангарске Иркутской области. В ходе предварительного расследования И.В.Мищенко показал, что он намеренно скрывался от правоохранительных органов, не желая подвергаться ограничениям, вытекающим из факта осуждения. Таким образом, действия указанного осужденного объективно свидетельствуют об уклонении от дальнейшего отбывания наказания еще до истечения срока выезда.¹ Рассмотренный пример может быть отнесен к условно выделенному частно-альтернативному способу совершения рассматриваемого преступления.

Неоднозначно решается вопрос о квалификации несвоевременного возвращения (прибытия) осужденного в место лишения свободы либо суд без уважительных причин.

¹ Архив Иркутского районного суда Иркутской области. Уголовное дело №21М-95/55852, возбуждено 2 июля 1995 года.

Проанализирую данную ситуацию на примере несвоевременного прибытия осужденного в место отбывания наказания из предоставленного выезда. С точки зрения одних авторов, данное несвоевременное прибытие осужденного в место лишения свободы исключает уголовную ответственность, так как такое поведение лишь формально содержит признаки уклонения от отбывания лишения свободы, а по существу представляет собой вид нарушений установленного порядка отбывания наказания, ответственность за которые предусмотрена ст.115 УИК РФ.¹ Подобная ситуация, по мнению этой группы авторов, имеет место, «когда осужденный перепутал день явки в орган внутренних дел для убытия в место лишения свободы либо, неправильно рассчитав время на дорогу, явился в место лишения свободы с небольшим опозданием»². В соответствии с другой позицией уголовная ответственность исключается, если имеют место «случаи незначительного опоздания», которые в силу ч.2 ст.14 УК РФ не являются преступлением.³ Согласно третьему подходу невозвращение осужденного в установленный срок в место лишения свободы должно влечь уголовную ответственность по рассматриваемой норме.⁴

Позволю себе ряд замечаний. Во-первых, при анализе изложенной ситуации необходимо помнить, что речь идет о лице, осужденном к одному из самых серьезных наказаний – лишению свободы, поэтому и требования, предъявляемые к его поведению, должны быть соответственно высокими. Во-вторых, практика привлечения опоздавших осужденных к дисциплинарной ответственности может послужить отрицательным примером дозволенности опоздания в исправительное учреждение для осужденных и лояльного отношения администрации мест лишения свободы, прокуратуры и суда к таким случаям. Кроме того, подобное решение дискредитирует с мнением сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы о том, стоит ли ужесточить наказание за уклонение от отбывания лишения свободы. Так, 42% опрошенных настаивают на увеличении срока наказания

¹ Напр., см.: Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.Н.Кудрявцева, А.В.Наумова. – М.: Юристъ, 1997. – С.414; Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. В.Н.Петрашева. – М.: Издательство Приор, 1999. – С.539.

² Рашковская Ш., Воробьева Т. Указ. соч. – С.52.

³ Напр., см.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2 т. Т.2/ Под ред. О.Ф.Шишова. – М.: Издательство Новая Волна, 1998. – С.459.

⁴ Напр., см.: Сауляк В.К. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы (ст. 183¹ УК УССР): Лекция. – Киев: НИ и РИО Киевской высшей школы МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1980. – С.16.

за рассматриваемое преступление.¹ В-третьих, не совсем ясно, какое время следует понимать под незначительным опозданием, каков критерий отнесения опоздания к незначительному? Подобная аморфность дает объективную возможность произвольного толкования срока такой задержки, отнесения опоздания к «значительному» или «незначительному», а соответственно, и трудности при квалификации по ст.314 УК РФ. Эти соображения, как представляется, позволяют говорить о наличии состава уклонения от отбывания лишения свободы в действиях осужденного лица, преднамеренно прибывшего позже назначенного срока без уважительных причин в исправительное учреждение. Рассмотренная ситуация также может быть отнесена к условно выделенному альтернативному способу совершения уклонения от отбывания лишения свободы. Эта позиция далеко не всегда, но находит одобрение и в следственной практике. Так, в отношении К.Н.Тараконовского, отбывающего наказание в колонии-поселении (ИТК-272/4) п. Плишкино Иркутской области, было возбуждено уголовное дело по ст.188¹ УК РСФСР за совершенное им преступление при следующих обстоятельствах. 30 августа 1994 года он убыл в краткосрочный выезд до утра следующего дня (31 августа) к своим родственникам в г. Черемхово Иркутской области, но вовремя не вернулся. 2 сентября 1994 года по пути следования в исправительное учреждение он был задержан. Уважительных причин своей задержки К.Н. Тараконовский не предъявил, однако указал, что вовремя в место отбывания наказания не убыл по причине «личных обстоятельств», пояснить характер которых не смог.²

Все же думается, что полное устранение разногласий в юридической оценке несвоевременного прибытия в исправительное учреждение лежит не только в рамках объективной стороны рассматриваемого состава. В каждом отдельном случае тщательному исследованию следует подвергать и субъективные признаки состава исследуемого преступления.

В связи с вышеизложенным достаточно резонным видится предложение некоторых авторов о целесообразности внести в закон коррективы и предусмотреть за кратковременное уклонение от отбывания лишения свободы либо опоздание дисциплинарную ответственность. В частности, Ю.М.Ткачевский предлагает диффе-

¹ При этом 13% опрошенных полагают необходимым оставить наказание прежним; 3% – смягчить наказание; 42% – затрудняются ответить.

² Архив Иркутской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях. Уголовное дело №54429, возбуждено 1 сентября 1994 года.

ренцировать ответственность в зависимости от срока невозвращения в исправительное учреждение: уклонение осужденного от отбывания лишения свободы на срок до двух суток следует рассматривать как дисциплинарный проступок, свыше этого срока, но до пятнадцати суток – как простое преступление; на срок свыше пятнадцати суток – как квалифицированное преступление.¹ Действительно, подобная дифференциация предусмотрена в ст.337 УК РФ. В зарубежном законодательстве и истории отечественного данная проблема также находит отражение. Так, в §2 ст.242 УК Республики Польша уголовная ответственность за уклонение осужденного от отбывания лишения свободы или от предварительного заключения возможна лишь в том случае, когда оно превышает трехсуточный срок.² В ст.91 ИТК РСФСР 1933 года самовольной отлучкой считалось опоздание осужденного из отпуска или командировки без уважительных причин в течение 24 часов.

Подвергая всестороннему анализу момент окончания рассматриваемого преступления, стоит обратиться и к вопросу о том, в какой именно период противоправное поведение осужденного может быть определено как уклонение от отбывания лишения свободы. Представляется, что случаи: 1) объявления осужденному решения (такое решение оформляется приказом) начальника исправительного учреждения о предоставлении ему права выезда из места лишения свободы с вручением соответствующего удостоверения и корешка удостоверения (Приложение 7 к Правилам внутреннего распорядка исправительных учреждений); 2) объявления осужденной женщине решения суда о предоставлении ей отсрочки отбывания наказания и взятия у нее подписки о явке в уголовно-исполнительную инспекцию; 3) объявления лицу решения суда о предоставлении ему отсрочки исполнения приговора суда; 4) объявления лицу решения суда об отмене отсрочки отбывания наказания или исполнения приговора суда следует считать моментами, после которых противоправное деяние осужденного, выражающееся в невыполнении рассмотренной выше обязанности, можно рассматривать как уклонение от отбывания лишения свободы. Поведение лиц, направленное на уклонение от отбывания лишения свободы, до объявления указанных выше решений не может быть квалифицировано по ст. 314 УК РФ. Заметим, что срок выезда исчисляется со времени, которое указано в удостоверении, выдавае-

¹ Ткачевский Ю.М. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы // Вестник Московского ун-та. Серия 11 (Право). – 2001. – №5. – С.8-9.

² Уголовный кодекс Республики Польша / Под общ. ред. Н.Ф.Кузнецовой. – Мн.: Тесей, 1998. – С.85.

мом осужденному, отсрочки отбывания наказания – со дня объявления соответствующего решения суда, отсрочки исполнения приговора суда – со дня провозглашения приговора¹.

Вплотную к определению момента окончания примыкает вопрос об отнесении рассматриваемого преступления к категории длящихся. Вопрос о том, является ли исследуемое преступление длящимся, имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, так как от его разрешения зависит вопрос об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности, а также амнистией. Здесь необходимо установить так называемый этап пресечения (задержание уклоняющегося лица органами власти) или прекращения преступления (изменение обстановки либо явка с повинной). Поэтому сроки давности привлечения к уголовной ответственности по длящимся преступлениям начинают исчисляться только после того, как это деяние прекращено, амнистия применяется только к тем длящимся преступлениям, этап пресечения либо прекращения которых предшествовал изданию акта об амнистии.

Большинство авторов, позицию которых следует поддержать, указывают именно на длящийся характер рассматриваемого преступления.² Так, согласно последним исследованиям единичных сложных преступлений длящиеся преступления обладают определенными признаками³, на основе анализа которых можно говорить о том, что уклонение от отбывания лишения свободы относится к категории длящихся преступлений. Во-первых, посягательство, предусмотренное ст.314 УК РФ, начинается с акта преступного бездействия и совершается в течение более или менее продолжительного промежутка времени. В связи с этим весьма интересными представляются результаты изучения архивных уголовных дел. Так, в 35,8% из них время, в течение которого осужденный уклонялся от дальнейшего отбывания лишения свободы, составляло от 1 до 4 месяцев, в 28,3% – от 4 до 6 месяцев, в 25,8% – до одного

¹ См.: п. 8 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1985 года №8 «О судебной практике по применению отсрочки исполнения приговора» // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М.: Спарк, 1997. – С.251.

² Напр., см.: Чучаев А.И. Преступления против правосудия: Научно-практический комментарий. – Ульяновск: Дом печати, 1997. – С.72; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2 т. Т. 2 / Под ред. О.Ф.Шишова. – М.: Издательство Новая Волна, 1998. – С. 456-459.

³ Напр., см.: Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву: Дисс. ... докт. юрид. наук. – Кемерово: Государственный ун-т, 2001. – С.26-27.

месяца, в 3,8% – от 1 года до 3-х лет, в 1,3% – от 6 месяцев до 1 года, в одном случае осужденное лицо уклонялось в течение 8 лет и семи месяцев и в семи случаях (4,4 %) – местонахождение таких лиц до сих пор не установлено. Во-вторых, исследуемое преступление выражается в непрерывном осуществлении оконченного состава преступного деяния. Виновное лицо постоянно пребывает в определенном преступном состоянии, в какой бы момент ни было прервано уклонение от отбывания лишения свободы, виновному будет инкриминирован оконченный состав преступления. В-третьих, как уже было отмечено, рассматриваемое преступление сопряжено с невыполнением возложенных на лицо обязанностей. В-четвертых, преступление, предусмотренное ст.314 УК РФ, заканчивается вследствие действий самого виновного или наступления событий, препятствующих дальнейшему осуществлению преступления (в частности, задержания уклоняющегося лица органами власти), и поэтому момент окончания преступления совпадает с моментом его фактического завершения в связи с прекращением либо пресечением преступного поведения соответственно по воле лица или вопреки ей. В-пятых, особенность уклонения проявляется и в том, что общественная опасность лица, его совершающего, сохраняется в течение всего промежутка времени осуществления преступления, а это, по верному суждению Ю.М.Ткачевского, один из специфических признаков любого длящегося преступления.¹

В.И.Егоров полагает, что уклонение от отбывания лишения свободы имея сходство с длящимися преступлениями, таковым не является, а относится к так называемым «переходным». По мнению этого автора, это преступление нельзя отнести к типично длящемуся, так как, имея конкретное время выполнения субъектом объективной стороны состава (неисполнение наложенной на него обязанности), «дальнейшая деятельность субъекта коренным образом изменяется и не носит характера тождественных действий»². Присоединиться к такому мнению трудно по ряду причин. Во-первых, непонятно, о какой дальнейшей деятельности субъекта говорит В.И.Егоров. Думается, что каким бы образом ни менялось поведение лица после осуществления им состава преступления (например, активное избежание его задержания органами власти или, наоборот, явка с повинной), это уже не будет иметь принципиального значения для квалификации. Во-вторых, обращаясь к доктрине уголовного права, можно заметить, что тождественные

¹ См.: Ткачевский Ю.М. Давность в советском уголовном праве. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1978. – С. 78.

² Егоров В.И. Указ. соч. – С. 21-23.

действия, на которые указывает автор, характеризуют не длящиеся, а продолжаемые преступления. Эта позиция отмечена и в судебной практике. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 года «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» говорится, что «весьма сходны с длящимися преступлениями преступления продолжаемые, то есть преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий»¹.

Нельзя не заметить, что признаки длящегося преступления применительно к рассматриваемому посягательству требуют, на наш взгляд, некоторого уточнения. Так, в приведенном постановлении длящееся преступление определяется «как действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования»². Однако при уклонении от отбывания лишения свободы установленная обязанность возвратиться или прибыть в определенный срок в место лишения свободы либо в суд уже не выполнена (нарушена). Последующее невыполнение данной обязанности находится за рамками объективной стороны состава преступления. Поэтому логичнее говорить о поведении, сопряженном с уже невыполненной обязанностью.

Теоретическое осмысление деления составов преступлений на формальные и материальные осложняет решение второго вопроса, обозначенного выше, то есть к какому составу по законодательной конструкции относится данное преступление. Вывод о том, к какому (формальному или материальному) составу преступления относится уклонение от отбывания лишения свободы, следует делать с учетом того, что существование в правовой реальности одного из названных составов ставится в зависимость от стилистического изложения преступного посягательства. Это означает, что законодательное конструирование статьи Особенной части Уголовного кодекса России по типу формального либо материального состава основывается на признании того, что последствия общественно опасного деяния есть в любом преступлении (последствия в «широком смысле»), однако в одном случае они проявляются исключительно в объекте, в другом – в объективной стороне преступного посягательства (последствия в «узком смысле»). Однако на этот счет в теории уголовного права имеется и иная по-

¹ Указанное постановление с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 14 марта 1963 года № 1, см.: Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М.: Спарк, 1997. – С. 5.

² Там же.

зация. Так, С.П.Новосельцев полагает, что «самостоятельного» и «автономного» последствия как элемента объективной стороны состава преступления не существует, так как последствие в объективной стороне посягательства – это конкретное проявление преступного воздействия на объект преступления.¹ Вместе с тем наличие такого элемента объективной стороны состава преступления, как общественно опасные последствия, – момент условный, как и сам состав преступления. По сути, законодатель пошел по пути конструирования преступлений как формальных и материальных в силу невозможности измерения размера вреда общественно опасных деяний, давая обобщенную оценку такого вреда через санкции. Общественно опасные последствия присутствуют в любом посягательстве, и их следует рассматривать в широком смысле слова, а общественно опасные последствия как элемент объективной стороны состава преступления – лишь в преступлениях с материальной законодательной конструкцией, и такие последствия следует понимать в узком смысле слова. В первом случае такие последствия (в рамках объективной стороны состава преступления) не влияют на квалификацию, во втором – являются важнейшим признаком юридической оценки содеянного.

Уклонение от отбывания лишения свободы специалисты относят к преступлениям с формальным составом.² В таких составах описаны только характерные признаки общественно опасного деяния без учета внешних изменений, наступивших после преступного воздействия. Специфика уклонения от отбывания лишения свободы обусловлена природой механизма причинения вреда объекту, когда вред не имеет своего внешнего проявления, и в результате – наступлением нематериальных общественно опасных последствий, входящих исключительно в объект преступления. Наступление каких-либо вредных изменений в реальной действительности (например, нежелательное приостановление работы производственного объекта) вынесено за рамки объективной стороны рассматриваемого состава и значения для квалификации не имеет. Важно нарушение определенной обязанности. Диспозиция данной нормы описывает процесс посягательства на целостность существующей социальной связи в структуре охраняемых уголовным законом

¹ См.: Новосельцев С.П. Особенности уголовно-процессуального доказывания формального состава преступления: Учебно-практическое пособие. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 1999. – С.32, 43-44.

² Напр.: Уголовное право. Особенная часть: Учебник. Т.2 / Под ред. Л.Д.Гаухмана, С.В.Максимова. – М.: Институт МВД России, 1999. – С.366; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. А.И.Марцева. – Омск: Академия МВД России, 2000. – С.555.

общественных отношений путем нарушения определенной обязанности. Преступления с материальным составом таким качеством не обладают. Таким образом, можно говорить о нематериальных последствиях, которые характерны исключительно для формального состава и которые, по убедительному суждению М.И.Ковалева, «следует учитывать уже в самой основе объективной стороны – действию или бездействию»¹. Изложенное позволяет говорить о том, что преступление, предусмотренное ст.314 УК РФ, имеет формальную законодательную конструкцию состава.

Необходимым элементом внешнего проявления преступного поведения и единственным структурным элементом в формальном составе выступает само общественно опасное деяние виновного, которое может выступать в форме действия или бездействия. Вопрос об отнесении уклонения от отбывания лишения свободы к действию или бездействию в юридической литературе решается неоднозначно. Одни исследователи говорят о том, что рассматриваемое преступление выражается только в форме бездействия², другие – как в форме бездействия, так и в форме действия.³ Активное поведение виновного, направленное на уклонение от отбывания лишения свободы, по мнению сторонников второй позиции, может выступать «в изменении маршрутов движения по пути следования, сокрытии своего местонахождения, создании условий, препятствующих возвращению к месту отбывания наказания»⁴. Отношение к рассматриваемому вопросу было выяснено и у сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы. Так, 54% опрошенных допускают возможность совершения исследуемого преступления как в форме действия, так и в форме бездействия, 25% – только в форме действия, 12% – только в форме бездействия, 9% – затруднились ответить.

Думается, что содержание юридической природы поведения, направленного на уклонение от отбывания лишения свободы, представляет собой преступное бездействие. В науке уголовного права явление преступного бездействия состоит в том, что оно, как и действие, представляет собой соединение объективной реальности и юридической модели и традиционно рассматривается

¹ Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1991. – С.83.

² Напр., см.: Чучаев А.И. Указ. соч. – С.72; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.И.Бойко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – С.636.

³ Напр., см.: Сауляк В.К. Указ. соч. – С. 17-20; Тарханов И.А. Замена наказания по советскому уголовному праву. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982. – С.66.

⁴ Сауляк В.К. Указ. соч. – С.19.

как пассивный вариант поведения человека, при котором лицо не выполняет определенные действия, которые оно должно было и могло совершить в силу лежащей на нем обязанности. В таком смысле обязанность – это круг действий, возложенных на человека как в силу прямого указания о том в юридическом предписании, так и в силу служебных, профессиональных, родственных или иных специальных отношений либо в силу предшествующего поведения данного лица (например, специальная обязанность матери действовать и предотвратить смерть новорожденного ребенка возникает в силу факта родов).

Пассивность поведения лица – это не физическая характеристика поведения, а социально-правовая.¹ Достаточно спорно по этому поводу мнение тех авторов, которые полагают, что «бездействие тождественно действию по своим социальным и юридическим свойствам и отличается от него лишь внешней, физической, стороной, – отсутствием телодвижения субъекта преступления»². В таком случае правоприменителю будет сложно (если практически невозможно) провести грань между преступлениями, которые сопровождалась телодвижением и при которых такое телодвижение отсутствовало, но главное то, что подобное разграничение не имеет уголовно-правового значения. Ведь, как справедливо замечает А.В.Наумов, «в физическом смысле лицо может вести себя очень активно, но если оно при этом не выполнило определенной обязанности, нарушив уголовно-правовой запрет, налицо уголовно-правовое бездействие»³. Активное поведение виновного, направленное на избежание дальнейшего отбывания наказания и выражающееся, например, в изменении места жительства, фамилии, в данном случае не имеет самостоятельного уголовно-правового значения. Важен не сам факт активной физической деятельности, а констатация несовершения лицом тех действий, которые оно должно было и могло совершить в силу лежащих на нем обязанностей. В нашем случае это обязанность выполнить предписания администрации исправительного учреждения или суда и вернуться в установленный срок в место лишения свободы или явиться в суд.⁴

¹ См.: Тер-Акопов А.А. Бездействие как форма преступного поведения. – М.: Юрид. лит., 1980. – С. 28-41.

² Курс советского уголовного права. Часть Общая. В 5 т. Т. 1 / Отв. ред. Н.А.Беляев, М.Д. Шаргородский. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. – С.325.

³ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. – М.: Издательство БЕК, 1996. – С.161.

⁴ Так, А.А.Сопову и Н.В.Серякову, отбывающим наказание в колонии-поселении (ИТК-32) Иркутской области, с 14 июля по 17 июля 1994 года был предоставлен выезд в г.Саянск для работы в коммунальном хозяйстве города.

В специальной литературе указывается, что уголовная ответственность по ст. 314 УК РФ исключается, если задержка с прибытием в место отбывания наказания произошла не по вине осужденного.¹ Таким образом, для признания в действиях осужденного лица признаков состава уклонения от отбывания лишения свободы важно установить не только обязанность, но и возможность соответствующего поведения. Для этого необходимо выяснить, уважительны ли причины неприбытия лица к установленному сроку в место лишения свободы или суд. Проблема такого поиска заключается в том, что ни закон, ни разъясняющие постановления Пленума Верховного Суда не дают перечня этих причин, поскольку они, видимо, могут быть самыми разнообразными. Анализ практики и теории позволяет выделить наиболее типичные уважительные причины: тяжелая болезнь осужденного, метеорологические условия, препятствующие своевременному его возвращению в место отбывания наказания, срыв графика движения транспорта. Разумеется, такие обстоятельства должны подтверждаться официально удостоверенными документами. В то же время, как справедливо указывает Е.Н.Иванова, проблематично относить к уважительной причине неприбытие осужденного лица к месту отбывания наказания в связи с немотивированным разрешением местного органа власти остаться в месте пребывания осужденного еще на неопре-

Поставленную перед ними задачу они выполнять не стали и на рабочем месте употребляли спиртные напитки в кругу случайных знакомых. Далее по предложению Н.В.Серякова выбыли в п. Куйтун Иркутской области, чтобы навестить его мать. После чего Н.В. Серяков 17 июля 1994 года вернулся в исправительное учреждение, а А.А.Сопов, зная, что срок его нахождения за пределами места отбывания наказания истек, все же уехал в г.Братск к своей матери. Там он 19 июля 1994 года был задержан и впоследствии привлечен к уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы. Осужденный А.А.Сопов во время выезда за короткий период времени достаточно активно перемещался по Иркутской области, проживал вне территории, определенной на время выезда, но такие поступки находились за рамками юридически значимого поведения, преступное же бездействие состояло именно в невыполнении обязанности прибыть к 17 июля 1994 года в колонию-поселение (Архив Саянского городского суда Иркутской области. Уголовное дело №64766, возбуждено 17 июля 1994 года).

¹ Напр.: Советское уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. П.И.Гришаева, Б.В.Здравомыслова. – М.: Юрид. лит., 1988. – С.422; Преступления и наказания в Российской Федерации: Популярный комментарий к Уголовному кодексу РФ / Отв. ред. А.Л.Цветинович, А.С.Горелик. – М.: Издательство БЕК, 1997. – С.614; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2 т. Т. 2 / Под ред. О.Ф.Шишова. – М.: Издательство Новая Волна, 1998. – С.459; Уголовное право России: Учебник для вузов. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А.Красикова. – М.: НОРМА-ИНФРА·М, 1998. – С.708.

деленный срок либо участием в ликвидации последствий стихийного бедствия. Оправдательным это обстоятельство может быть, если само стихийное бедствие (например, наводнение) создало препятствие осужденному лицу явиться в назначенный срок в место лишения свободы.¹

Для более глубокого понимания природы таких уважительных причин представляется возможным подразделить их в зависимости от источника возникновения на две группы, используя при этом понятийный аппарат гражданского законодательства. Первую группу образуют уважительные причины, носящие объективный характер, источником которых выступает непреодолимая сила – внешнее чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях обстоятельство (ч.1 ст.202 и ч.3 ст.401 ГК РФ). Кроме того, к таковым можно отнести так называемые «форс-мажорные» обстоятельства (*vis major*), под которыми рассматриваются:

а) природные стихийные явления (наводнения, пожары и т.п.);
б) некоторые обстоятельства общественной жизни (военные действия, национальные и отраслевые забастовки и т.п.);

в) запретительные акты государственных органов (например, объявление карантина)², также образующие эту группу уважительных причин, к которой следует, на мой взгляд, отнести и задержание органами власти по подозрению в совершении преступления или иного правонарушения осужденного в период его нахождения в выезде или по пути следования в исправительное учреждение или суд. На это обстоятельство указывается и в судебной практике. Так, С., получив в период отбывания наказания в местах лишения свободы разрешение на выезд продолжительностью 12 суток на период с 9 по 21 июня 1994 г., не явился в исправительное учреждение по окончании отпуска. Однако из материалов дела видно, что С. был задержан утром 21 июня 1994 г. по подозрению в совершении преступления, т.е. до истечения срока отпуска. Поэтому действия указанного лица не были квалифицированы как уклонение от отбывания лишения свободы.³

¹ См.: Иванова Е.Н. Вопросы профилактики уклонений от отбывания лишения свободы // Актуальные проблемы современной юридической науки (теоретический и практический аспекты): Материалы Уральской региональной научно-теоретической конференции (21 апреля 1998 г.). – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 1998. – С. 169-170.

² См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Отв. ред. О.Н.Садиков. – М.: ЮРИНФОРМЦЕНТР, 1997. – С.394.

³ Судебная коллегия признала, что в действиях осужденного отсутствует состав преступления, предусмотренный ст.188¹ УК РСФСР (Определение №46-096-59 по делу Серова) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 4. – С.14.

Вторую группу образуют субъективные обстоятельства, связанные с личностью, а именно: тяжелая болезнь, беспомощное состояние и т.п. (ст.205 ГК РФ). Здесь следует отметить, что болезнь, безусловно, – уважительный фактор, однако она может продлиться столь долго, что за это время возможны злоупотребления со стороны осужденных, изменения условий отбывания наказания в виде лишения свободы, время же лечения засчитывается в срок отбывания наказания. Например, администрация учреждения ПЛ-350/13-17 и руководство Печорского УЛИТУ с ноября 1993 года почти в течение трех лет вела безуспешную переписку с правоохранительными органами Вологодской области по поводу установления места нахождения и возврата в исправительное учреждение осужденного Матвеева, отпущенного в ежегодный краткосрочный выезд в связи с предоставлением отпуска. Матвеев под предлогом различных заболеваний провел у своей знакомой практически половину назначенного срока наказания и лишь за несколько месяцев до его окончания был возвращен в место лишения свободы.¹ В подобных случаях представляется единственно верным проводить комплексное медицинское обследование здоровья осужденного и специальную проверку его поведения в период нахождения в выезде с целью установления в действиях лица обстоятельств, объективно свидетельствующих об уклонении от отбывания наказания в виде лишения свободы.

Важен вопрос о разграничении по объективной стороне рассматриваемой нормы и смежных составов. Так, в результате проведенного опроса сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы выяснилось следующее – большинство из них (57%) указали, что правоприменителю приходится испытывать затруднения при разграничении уклонения от отбывания лишения свободы и смежных составов (в частности, от побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи), 39% респондентов не видят в этом никаких трудностей, 4% – затруднились ответить.

В юридической литературе данная проблема также поднимается.² Например, существует мнение, что необходимым признаком

¹ См.: Пяткевич И.Н., Старков В.И. Указ. соч. – С. 49-50.

² Также на необходимость более детального рассмотрения и обоснованности выводов органов предварительного следствия по вопросам разграничения таких смежных составов (ст.ст.313 и 314 УК РФ) указывает и постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 марта 1975 г. №1 «О судебной практике рассмотрения материалов о переводе осужденных в исправительно-трудовые колонии-поселения и уголовных дел о побегах из этих колоний» (с изм. и доп., внесенными постановлением от 28 марта 1979 г. № 1) // Сборник действующих постанов-

побега является пересечение реальной или воображаемой линии охраны.¹ И, например, случаи, когда конвой (охрана) допустит небрежность и оставит без охраны конвоируемых заключенных, а они, воспользовавшись этим, покинут место, в котором их оставили, следует квалифицировать как уклонение от отбывания лишения свободы. Авторы аргументируют такую позицию тем, что «в подобных случаях нет преодоления средств охраны, а следовательно, нет и побега»². Считаем подобную квалификацию не совсем правильной. Во-первых, побег из мест лишения свободы состоит в оставлении (самовольном и незаконном) осужденными мест лишения свободы, ареста или содержания под стражей, а это может выражаться и в подкупе охраны, и в использовании подложных документов, и в простом оставлении колонии-поселения и др.³ Преодоление линии охраны с использованием таких приемов, как подкоп, повреждение решеток, физическое уничтожение часового и т. п., на наш взгляд, являются характерными, но не существенными признаками побега. И, во-вторых, уклонение от отбывания лишения свободы может инкриминироваться только тем осужденным, которым разрешен выезд на условиях и в порядке, предусмотренных законодательством (ст. 97 УИК РФ). Показательно, что этой позиции придерживается и правоприменитель. Так, 64% респондентов указали, что побег – это самовольное и незаконное оставление места лишения свободы, уклонение же возможно только в случае оставления исправительного учреждения на условиях и в порядке, предусмотренных законодательством, 31% опрошенных отметили, что побег – это пересечение реальной или воображаемой линии охраны, при уклонении такого преодоления средств (линии) охраны нет, 5% – затруднились ответить.

лений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и постановлениями / Отв. ред. В.И.Радченко. – М.: БЕК, 1999. – С.459.

¹ Напр., см.: Симахин А.В., Шеслер А.В. Понятие побега из мест лишения свободы, совершенного по предварительному сговору группой лиц // Преступления против правосудия: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты: Материалы теоретического семинара (30 ноября 1994 г.). – Омск: Юридический институт МВД России, 1996. – С.53.

² Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н.Борзенкова и В.С.Комиссарова. – М.: Олимп; Издательство АСТ, 1997. – С.642.

³ На данные способы указывается и в юридической литературе, напр.: Чучаев А.И. Указ. соч. – С.67; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Под ред. Ю.Д.Северина. – М.: Юрид. лит., 1985. – С.386; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – С.633.

Следует поддержать позицию Ю.М.Ткачевского о том, что убытие из места отбывания лишения свободы с использованием обмана (например, на основании поддельной справки врача о тяжелой болезни близкого родственника) либо по разрешению лица, не уполномоченного на предоставление выездов, будет являться побегом.¹

Трудно согласиться с мнением В.В. Смышляева, полагающего, что в случае когда место нахождения за границами исправительного учреждения и маршрут передвижения не устанавливаются, а определяется лишь срок пребывания за его пределами (например, проведение за пределами колонии-поселения, согласно ч. 2 ст.113 УИК РФ, выходных и праздничных дней), содеянное в виде невозвращения в исправительное учреждение состава побега не образует, а должно квалифицироваться как уклонение от отбывания лишения свободы.² В подобным указанным выше примерам, а также при оставлении места лишения свободы лицом, пользовавшимся правом передвижения без конвоя или без сопровождения, проживающим вне колонии, но которому не разрешен выезд, осужденный незаконно пересекает правовое пространство исправительного учреждения, и его нахождение вне этой территории будет являться противоправным и наказуемым по ст. 313 УК РФ.

Анализ объективной стороны уклонения от отбывания лишения свободы призван проиллюстрировать мысль о необходимости отдельного изучения перспектив совершенствования и конкретизации признаков диспозиции ст.314 УК РФ путем ее дальнейших теоретических и практических проработок.

§ 3. Субъект уклонения от отбывания лишения свободы

Анализ диспозиции указанной нормы показывает, что субъектом данного преступления могут быть лишь те лица, которые наряду с общими обладают определенными (дополнительными) признаками. Как справедливо указывает А.В.Наумов, специфика этих признаков заключается в том, что они могут выступать конструктивными свойствами субъекта преступления, без которых от-

¹ Ткачевский Ю.М. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы // Вестник Московского ун-та. Серия 11 (Право). – 2001. – № 5. – С. 14-15.

² См.: Смышляев В.В. Некоторые вопросы квалификации по ст. 313 УК РФ // Следователь. – 1999. – № 3. – С. 17-18.

сутствует весь состав преступления.¹ Кроме того, содержание общественных отношений, охраняемых рассматриваемой нормой, изначально предполагает в ней наличие специального субъекта, на присутствие которого в ст.314 УК РФ указывается также в юридической литературе.²

Субъектов уклонения от отбывания лишения свободы можно классифицировать на две основные группы. Первую группу образуют лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, которым разрешены выезды за пределы исправительных учреждений. При этом соответствующий анализ мест лишения свободы характеризует субъекта данного преступления, а не место совершения преступления, поэтому такое исследование проводится в рамках субъекта, а не объективной стороны уклонения от отбывания лишения свободы. Ко второй группе следует относить лиц, в отношении которых исполнение приговора суда или отбывание наказания отсрочено на более поздний срок.

Раскрывая содержание первой группы, следует отметить, что исправительные учреждения на основании ч.1 ст.73 УИК РФ являются теми местами, где осужденные отбывают наказание в виде лишения свободы. Уголовно-исполнительное законодательство не определяет виды исправительных учреждений, из которых возможны выезды за пределы исправительного учреждения, однако согласно ст.97 УИК РФ выезды (краткосрочные и длительные) предоставляются осужденным к лишению свободы, содержащимся в следующих исправительных учреждениях:

- 1) в исправительных колониях, предназначенных для отбывания лишения свободы осужденными, достигшими 18-летнего возраста. Исправительные колонии, в свою очередь, подразделяют на:
 - а) колонии – поселения;
 - б) исправительные колонии общего режима;
 - в) исправительные колонии строгого режима (ч.2 ст.74 УИК РФ).³

Исправительные колонии особого режима не могут входить в данный список в силу того, что, согласно ч.6 ст.74 УИК РФ, в них отбывают наказание осужденные лица при особо опасном рецидиве преступлений, осужденные к пожизненному лишению свободы,

¹ См.: Наумов А. В. Указ. соч. – С. 199.

² Напр., см.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2 т. Т. 2 / Под ред. О.Ф.Шишова. – М.: Издательство Новая Волна, 1998. – С.460; Уголовное право. Особенная часть: Учебник. Т. 2 / Под ред. Л.Д.Гаухмана и С.В.Максимова. – М.: Московский институт МВД России, 1999. – С.367.

³ Категории осужденных, отбывающих наказание в данных исправительных колониях, перечислены в ст.58 УК РФ, ч.ч. 3-6 ст. 74 и ст. 78 УИК РФ.

а также осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы на определенный срок или пожизненным лишением свободы. В соответствии же с ч.3 ст.97 УИК РФ данной категории лиц, а также ВИЧ-инфицированным осужденным и осужденным, больным открытой формой туберкулеза, не прошедшим полного курса лечения венерического заболевания, алкоголизма, токсикомании и наркомании, выезды за пределы исправительного учреждения (и длительные и краткосрочные) не разрешаются;

2) в воспитательных колониях, в которых в соответствии с ч.3 ст.58 УК РФ отбывают наказание осужденные лица, не достигшие к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, а также осужденные, оставленные в воспитательных колониях до достижения ими возраста 21 года (ч.9 ст.74 УИК РФ). Однако ст.314 УК РФ не входит в перечень составов, имеющих в ч.2 ст.20 УК РФ, за нарушение которых к уголовной ответственности могут привлекаться лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста. Значит, субъектами преступления, предусмотренного ст. 314 УК РФ, могут быть не все несовершеннолетние, а лишь те, которым к моменту уклонения от отбывания лишения свободы исполнилось 16 лет;

3) в следственных изоляторах и тюрьмах, в которых осужденные оставлены в установленном порядке для ведения работ по хозяйственному обслуживанию (ст.77 УИК РФ). В данном случае следственные изоляторы и тюрьмы в силу ч.1 ст.74 УИК РФ выполняют функции исправительных учреждений.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что осужденные к лишению свободы, содержащиеся в перечисленных выше учреждениях уголовно-исполнительной системы, которым предоставлены краткосрочные и длительные выезды за пределы этих учреждений, являются субъектами рассматриваемого преступления.

При этом такие выезды предоставляются осужденным как мужского, так и женского пола постановлением начальника исправительного учреждения (ч.6 ст.97 УИК РФ), во-первых, в связи с исключительными личными обстоятельствами¹ или для предварительного решения вопросов трудового и бытового устройства после освобождения последних. Во-вторых, работающим осужденным на время ежегодного оплачиваемого отпуска либо не рабо-

¹ Исчерпывающий список таких обстоятельств приведен в п. «а» ч.1 ст.97 УИК РФ: смерть или тяжелая болезнь близкого родственника, угрожающая жизни больного; стихийное бедствие, причинившее значительный материальный ущерб осужденному или его семье.

тающим осужденным на срок, равный времени ежегодного оплачиваемого отпуска. Категория «не работающих» осужденных представлена в данном случае двумя группами осужденных: 1) лицами, перечисленными в ч.2 ст.103 УИК РФ (к ним относятся осужденные мужчины старше 60 лет и осужденные женщины старше 55 лет, а также инвалиды первой или второй групп); 2) осужденными, не обеспеченными работой по независящим от них причинам.

Субъектом исследуемого преступления могут быть осужденные женщины, имеющие детей в домах ребенка исправительных колоний, которым разрешены краткосрочные выезды. Данные выезды предоставляются постановлением начальника исправительного учреждения сроком до семи суток с целью устройства детей у родственников либо в детском доме.

Также к субъекту уклонения от отбывания лишения свободы должны быть причислены осужденные женщины, имеющие несовершеннолетних детей-инвалидов вне исправительной колонии. Данной категории женщин разрешаются краткосрочные выезды сроком до семи суток один раз в год для свидания с детьми-инвалидами (ч.2 ст.97 УИК РФ).

Следует иметь в виду, что дома ребенка могут организовываться во всех исправительных учреждениях, в которых отбывают наказание осужденные женщины (ч.1 ст.100 УИК РФ), а именно: колониях – поселениях, исправительных колониях общего режима, исправительных колониях строгого режима, воспитательных колониях, тюрьмах, лечебных исправительных учреждениях. Однако по смыслу ч.2 ст.97 УИК РФ краткосрочные выезды предоставляются только тем осужденным женщинам, которые содержатся в колониях-поселениях, исправительных колониях общего и строгого режимов.

Рассматривая проблему установления обозначенного выше субъекта первой группы, необходимо отметить, что уголовно-исполнительное законодательство, во-первых, не устанавливает срок отбытого наказания, после которого осужденному лицу может быть разрешен выезд за пределы исправительного учреждения, и, во-вторых, предоставление таких выездов не ставится в зависимость от условий и режимов, в которых находится осужденное лицо, не зависит от того, сколько закон отпускает времени на изучение его личности (представляется, что этот срок составляет, согласно ч.2 ст.120, ч.2 ст.122 и ч.ч.3 и 4 ст.132 УИК РФ, шесть и девять месяцев – соответственно в исправительных колониях общего и строгого режимов; в воспитательных колониях – три месяца для осужденных мужчин, впервые отбывающих лишение свободы, а также для всех категорий осужденных женщин и шесть месяцев для осужденных мужчин, ранее отбывавших лишение свободы). В силу этого осужденное лицо может использовать рассматриваемые вы-

езды, а следовательно, и быть субъектом уклонения от отбывания лишения свободы, независимо от того, на каких условиях – обычных, облегченных либо строгих оно находится в исправительной колонии; обычных, облегченных, льготных или строгих – в воспитательной колонии; на общем или строгом режимах – в тюрьме.

Вторую группу субъектов составляют лица, осужденные к лишению свободы, но которым в силу наличия одного из указанных в законе оснований отсрочено на более поздний срок отбывание наказания или исполнение приговора суда.¹ Для удобства анализа данной группы субъектов разделим ее на три подгруппы.

Первую подгруппу составляют лица – как мужского, так и женского пола, страдающие болезнью, препятствующей отбыванию наказания (п.1 ст.398 УПК РФ). Закон не раскрывает понятия заболевания, не определяет природу характера препятствия для отбывания наказания, создаваемого таким заболеванием. Поэтому решение данных вопросов, как верно указывают ряд авторов, находится в полной компетенции суда.² Однако суд, решая вопрос об отсрочке исполнения приговора, «прогнозирует» правомерность поведения и отсутствие устремлений этого лица на совершение нового преступления в период действия отсрочки. Поддерживаем мысль авторов, считающих, что поскольку отсрочка исполнения приговора направлена на достижение целей наказания без изоляции осужденного от общества, постольку в обоснование ее применения должны приводиться доводы, позволяющие предполагать достижение ожидаемых результатов.³ Одна болезнь, каким бы об-

¹ В литературе обосновывается необходимость вместо понятия «отсрочка исполнения приговора» применять другое – «отсрочка исполнения наказания», что отражало бы содержание и сущность этого института (см.: Минязева Т.Ф. Проблемы уголовно-исполнительного законодательства // Правоведение. – 1988. – №3. – С.62). Поднимается вопрос о включении в Уголовный кодекс положений уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих отсрочку исполнения приговора (см.: Коняхин В.П. Источники уголовно-правовых норм Общей части // Правоведение. – 1988. – №1. – С.41), что сделано только в отношении беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до четырнадцати лет. Думается, что в реализации данных соображений есть определенная целесообразность. Такие решения облегчили бы задачи единообразного толкования закона, нивелирования лиц, подпадающих под действие рассматриваемых норм об отсрочке, детализирования субъекта уклонения от отбывания лишения свободы.

² Напр., см.: Перлов И.Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе. – М.: Юридическая литература, 1963. – С.60; Николук В.В. Исполнение приговора: Лекция. – Омск: Юридический институт МВД России, 1998. – С.14.

³ См.: Зайцева Т.П. Некоторые процессуальные вопросы применения отсрочки исполнения приговора // Проблемы применения наказаний, не связанных с

разом она ни препятствовала отбыванию наказания, без данных о невысокой степени общественной опасности лица не является основанием для назначения судом отсрочки исполнения приговора.¹ Больной может отбывать наказание с прохождением необходимого лечения. Следовательно, отсрочка исполнения приговора применяется для тех заболевших лиц, в отношении которых суд установил относительно невысокую общественную опасность.² Кроме того, если такая болезнь препятствует реальному отбыванию наказания (достижению целей наказания, указанных в ч.2 ст.43 УК РФ), то степень ее тяжести (от указания на которую отказался УПК РФ 2002 года; отсутствовали такие указания и в УПК РСФСР 1922 и 1923 гг.) уже не будет иметь значения. Правоприменителю будет нецелесообразно определять лицу реальное отбывание наказания, эффективность такого решения будет сводиться к нулю.

Вместе с тем список болезней, препятствующих отбыванию наказания, который может быть использован в качестве основания для предоставления к освобождению от отбывания наказания осужденных к лишению свободы, имеется в Перечне заболеваний, утвержденном в совместных приказах Министерства здравоохранения Российской Федерации №311 и Министерства юстиции Российской Федерации от 9 августа 2001 года №242 «Об освобождении от отбывания наказания осужденных к лишению свободы в связи с тяжелой болезнью» (в редакции совместного приказа Минздрава Российской Федерации №329 и Министерства юстиции Российской Федерации от 1 ноября 2002 года №297),³ а также в Инструкции об организации взаимодействия органов здравоохранения и органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами, утвержденной приказом Минздрава России и МВД России от 30 апреля 1997 года №133/269 «О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, стра-

лишением свободы: Сборник научных трудов / Отв. ред. В.Е.Квашис. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1988. – С. 90.

¹ См.: Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм об освобождении от наказания // Государство и право. – 2000. – № 2. – С. 60.

² В свое время А.С.Михлин отмечал, что институт отсрочки исполнения приговора применяется судом с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и иных обстоятельств дела, а также возможности исправления лица без изоляции от общества (см.: Михлин А.С. Конкуренция норм и институтов в уголовном и уголовно-трудовом праве // Правоведение. – 1988. – № 3. – С. 57).

³ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2001. – № 44.

дающих психическими расстройствами»¹. К числу подобных болезней относятся хронические психические расстройства, туберкулез, злокачественные новообразования IV стадии по международной классификации TNM, болезни эндокринной системы, болезни органов дыхания, нервной системы, органов чувств, кровообращения, пищеварения, почек и иные заболевания.

Рассматриваемое основание отсрочки исполнения приговора суда должно быть подкреплено соответствующими фактами, изложенными в медицинских документах. При этом обязательно выясняется возможность наступления сопутствующих тяжких последствий для заболевшего осужденного либо его семьи или других лиц (например, находящихся у него на иждивении) вследствие немедленного отбывания наказания в виде лишения свободы последним.²

Таким образом, субъектом преступления, предусмотренного ст.314 УК РФ, выступает лицо, которое уклоняется от решения суда об отбывании наказания в виде лишения свободы, во-первых, после его выздоровления или, во-вторых, при отмене такой отсрочки по иным основаниям (например, совершение преступления либо отрицательное поведение лица в период отсрочки).

Вторую подгруппу образуют осужденные беременные женщины и осужденные женщины, имеющие детей в возрасте до четырнадцати лет, которым согласно ст.82 УК РФ, ст.177 УИК РФ и п.2 ст.398 УПК РФ может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания либо исполнения приговора суда. К женщинам, осужденным к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, ни один вид отсрочки не применяется (ч.1 ст.82 УК РФ и ч.2 ст.177 УИК РФ, п.2 ст.398 УПК РФ). По смыслу закона в данном случае имеются в виду не только те преступления, которые находятся в разделе VII Уголовного закона «Преступления против личности», но и те (тяжкие и особо тяжкие), в которых личность выступает в качестве дополнительного или факультативного объектов преступного посягательства, например захват заложника, хулиганство, посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие. Вместе с тем не являются препятствием к применению такой отсрочки действия женщин, посягающих на личность, если суд оценил их мерой менее строгой, чем пять лет лишения свободы. Анализ соот-

¹ См.: О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами: Приказ Минздрава России и МВД России от 30 апреля 1997 года №133/269. – М., 1997.

² Отчасти указание на данное обстоятельство см.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1982. – №6. – С.8-9.

ветствующего законодательства (ч.ч.2-6 ст.74 и ч.1 ст.177 УИК РФ, ст.57 УК РФ) показывает, что отсрочка отбывания наказания применяется только к тем женщинам, которые отбывают наказание в колониях-поселениях, исправительных колониях общего и строгого режимов. При этом не имеет значения на каких условиях – обычных, облегченных либо строгих она находится в исправительной колонии. Закон не связывает напрямую принятие решения об отсрочке со степенью исправления осужденной, соблюдением ею порядка отбывания наказания, не имеет значения и количество судимостей, которые имеет женщина. Вместе с тем данная отсрочка может быть применена как при рассмотрении уголовного дела в суде по существу при вынесении приговора, так и во время отбывания (реального отбывания) осужденной женщиной уголовного наказания.

По смыслу закона отсрочка отбывания наказания и исполнения приговора суда назначается тем женщинам, в отношении которых суд предполагает добросовестное выполнение ими материнских обязанностей, выражающихся в обеспечении будущего или имеющегося ребенка необходимой заботой и вниманием. Отсрочка предоставляется независимо от того, находится ли ребенок с матерью в доме ребенка при колонии или у родственников, либо в детском доме, есть ли у ребенка отец или другие родственники, способные обеспечить за ним уход. Однако отсрочка не может быть предоставлена женщинам, лишенным родительских прав. Обязательным является письменное согласие родственников на совместное проживание с ней и ребенком либо наличие возможности самостоятельного проживания женщины с ребенком (наличие жилья и источников дохода).¹ Для применения отсрочки отбывания наказания и исполнения приговора срок беременности значения не имеет, важно состояние беременности.

Рассматриваемая отсрочка исполнения приговора суда отменяется в случае достижения ребенком восьмилетнего возраста. В этом случае суд может принять решение об отбывании женщиной ранее назначенного наказания. Поэтому уклоняться от отбывания

¹ Указанные и ряд других оснований, учитываемых при применении отсрочки, детально изложены в соответствующей литературе, напр.: Словарь по уголовному праву / Отв. ред. А.В.Наумов. – М.: БЕК, 1997. – С.352-353; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. А.И.Марцева. – Омск: Юридический институт МВД России, 1998. – С.331-332; Российское уголовное право: Курс лекций. Т.2. Наказание / Под ред. А.И.Коробеева. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – С.347-350; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. В.Т.Томина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 1999. – С.533-535.

лишения свободы и, следовательно, быть субъектом этого преступления может лишь та женщина, в отношении которой суд примет решение об отбывании ранее назначенного наказания в виде лишения свободы.

Характерной чертой отсрочки отбывания наказания является то, что по истечении срока отсрочки суд в соответствии с ч.3 ст.82 УК РФ принимает одно из двух решений:

1) освобождает осужденную от отбывания наказания или оставшейся части наказания;

2) заменяет оставшуюся часть наказания более мягким видом наказания.

Таким образом, уклоняться от отбывания лишения свободы и, следовательно, быть субъектом этого преступления может лишь та женщина, в отношении которой суд примет решение о досрочной отмене отсрочки отбывания наказания, а не та, ребенок которой достиг четырнадцатилетнего возраста. Кроме того, такое решение может быть принято в отношении женщины, к которой суд применил отсрочку исполнения приговора. Можно выделить следующие категории женщин, в отношении которых отсрочка отбывания наказания или исполнения приговора суда может быть досрочно отменена:

1) осужденные женщины, потерявшие ребенка в связи с его смертью;

2) осужденные женщины, отказавшиеся от ребенка;

3) осужденные женщины, продолжающие уклоняться от воспитания ребенка после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденной в период отсрочки, каковой в соответствии с п. «б» ст. 4 Положения «Об уголовно-исполнительных инспекциях», утвержденного постановлением Правительства РФ от 16 июня 1997 года №729, находится в компетенции уголовно-исполнительных инспекций.¹ При этом согласно ч.4 ст.178 УИК РФ осужденная считается уклоняющейся от воспитания ребенка, если она, официально отказавшись от него, оставила его в родильном доме или передала в детский дом, либо ведет антиобщественный образ жизни и не занимается воспитанием ребенка и уходом за ним, либо оставила ребенка родственникам, либо скрылась, либо совершает иные действия, свидетельствующие об уклонении от воспитания ребенка. Разъясняя содержание таких действий, следует иметь в виду следующее: а) оставление ребенка в родильном доме или его передача в детский дом

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – №25. – Ст.2947.

могут быть как временными, так и на постоянный срок; б) на антиобщественный образ жизни в данном случае может указывать доставление в вытрезвитель, наличие административных взысканий и т.п.; в) иные действия, свидетельствующие об уклонении от воспитания ребенка, могут выражаться, например, в том, что мать пропивает вещи ребенка, избивает его, причиняет ему иной вред.¹ Опрос же сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы показал следующее: 60% опрошенных под «иными действиями» понимают ситуацию, когда мать избивает ребенка или причиняет ему иной вред, 33% – мать пропивает вещи ребенка, 10% – мать своими действиями наносит ребенку психическую травму, не следит за его питанием и гигиеной и т.п., 6% – затруднялись ответить;

4) осужденные женщины, совершившие преступление в период отсрочки отбывания наказания или исполнения приговора (по смыслу ст.82 УК РФ, ст.ст.177 и 178 УИК РФ и ст.398 УПК РФ).

По моим данным, отмена отсрочки отбывания наказания в большинстве случаев происходит именно в силу совершения женщиной нового преступления. Так, изучение практики реализации отсрочки отбывания наказания в женской исправительной колонии общего режима УП-288/22 (г.Красноярск) за 1997-2000 гг. и 7 месяцев 2001 г. показало, что 80 % осужденных женщин были возвращены в данное исправительное учреждение в связи с совершением ими нового преступления; по 10% – в связи со смертью ребенка и отказом от него.

Исходя из сути отсрочки, ее нельзя применять к женщинам, не прошедшим курс принудительного лечения либо страдающим алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией или иными тяжелыми заболеваниями (например, туберкулезом, сифилисом и т.д.).² По аналогии с таким решением полагаю, что отсрочка отбывания наказания или исполнения приговора может быть отменена и вследствие заболевания женщины этими недугами в период действия отсрочки.

¹ Также см.: Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. С.В.Степашина... – С. 555-556.

² См.: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2: Учение о наказании: Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М.Тяжковой. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 1999. – С.240; Папанкина М.Ю. Применение отсрочки отбывания наказания к осужденным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей // Перспективы деятельности органов внутренних дел и государственной противопожарной службы: Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2000. – С.62.

Однако последнее из перечисленных оснований отмены отсрочки с направлением осужденной женщины в место лишения свободы, как и некоторые другие (например, вследствие совершения женщиной в период отсрочки нового преступления), признается не всеми авторами.¹ В данной ситуации считаю необходимым исходить из содержания принципа гуманизма, целей наказания, общего толкования закона и желания законодателя создать женщине и ее ребенку максимально благоприятные условия для жизни.

Наконец, третью подгруппу лиц, уклоняющихся от отбывания лишения свободы, составляют осужденные как мужского, так и женского пола, которым в соответствии с п.3 ст.398 УПК РФ предоставлена отсрочка исполнения приговора об осуждении к данному виду наказания в случае выявления тяжких последствий или угрозы их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванных пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами. При этом «другие исключительные обстоятельства» не имеют своего четкого определения, применяются они в качестве основания отсрочки исполнения приговора по судебному усмотрению.

По субъекту уклонение от отбывания лишения свободы также отличается от побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи. Так, побег имеет более широкий перечень мест, из которых он может быть совершен. В перечень таких мест, кроме исправительных учреждений и следственных изоляторов, четко обозначенных в ч.1 ст.74, ч.1 ст.77 и ч.1 ст.97 УИК РФ, входят арестные дома, являющиеся местом отбывания наказания в виде ареста (ст.68 УИК РФ), и места содержания под стражей, определенные ст.7 Федерального закона от 15 июля 1995 года №103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления»², не являющиеся следственными изоляторами: изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых Пограничных войск Российской Федерации, гауптвахты, помещения морских судов, находящихся в дальнем плавании, или зимовок в период отсутствия транспортных связей с зимовками.

¹ Напр., см.: Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная: Учебник / Под ред. Л.Д.Гаухмана, Л.М.Колодкина, С.В.Максимова. – М.: Юриспруденция, 1999. – С.247-249.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – №29. – Ст.2759.

В рамках субъекта преступления следует проводить разграничение между ст.314 УК РФ и ч.2 ст.337 УК РФ, в которой уголовная ответственность предусмотрена в отношении военнослужащего, отбывающего наказание в дисциплинарной воинской части, за неявку из увольнения в срок без уважительных причин в указанное место отбывания наказания. Наказание в дисциплинарной воинской части отбывается согласно ч.1 ст.155 УИК РФ в отдельных дисциплинарных батальонах или отдельных дисциплинарных ротах.

В заключение отметим, что без четкого понимания содержания субъекта ст.314 УК РФ обеспечить верную квалификацию по рассматриваемой норме и конструктивную борьбу с уклонениями от отбывания лишения свободы вряд ли представляется реальным.

§ 4. Субъективная сторона уклонения от отбывания лишения свободы

Важное значение для признания деяния общественно опасным, квалификации преступления, отграничения друг от друга смежных составов, назначения наказания имеет субъективная сторона преступления.

Субъективная сторона уклонения от отбывания лишения свободы, как мне представляется, не имеет четко определенного содержания. Данное обстоятельство вызывает соответствующие трудности при применении анализируемой нормы на практике, а также разногласия в научной литературе. В частности, большинство ученых сходятся во мнении, что данное преступление характеризуется виной в форме только прямого умысла.¹ Но существует и точка зрения о возможности совершения этого преступления в форме неосторожности.² Опрос же мнения сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы показал, что большинство практиков (61%) указывают на возможность совершения уклонения от отбывания лишения свободы как с прямым, так и с косвенным умыслом; 30% – только с прямым умыслом; 9% затруднились ответить. Думается, что рассматриваемое преступление совершается только с прямым умыслом.

¹ Напр.: Рашковская Ш., Воробьева Т. Указ. соч. – С.51-52; Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И.Ветрова, Ю.И.Ляпунова. – М.: Новый Юрист, 1998. – С.666.

² См.: Сауляк В.К. Указ. соч. – С.26-27.

Так, законодатель определил ст.314 УК РФ как преступление с формальным составом, в котором материальные последствия не входят в число обязательных признаков состава и поэтому субъективное отношение к ним в решении вопроса о юридической оценке (квалификации), об ответственности не играет никакой роли. В силу указанного обстоятельства к таким последствиям не требуется установление психического отношения.¹ В уклонении от отбывания лишения свободы не имеет значения факт наступления или не наступления последствий преступного деяния. Реализация преступного умысла проявляется через осознанное совершение деяния, нарушающего установленный порядок функционирования объекта уголовно-правовой охраны.² Важен сам факт противоправного поведения, нарушения соответствующей нормы.

Справедливости ради отметим, что характеристика субъективной стороны уклонения от отбывания лишения свободы осложняется и самой формулировкой умысла, которая дает основания считать, что законодатель предусмотрел содержание умысла только для преступлений с материальным составом.³ Вместе с тем нельзя не согласиться с существенным замечанием по этому поводу А.И.Марцева: «Формулировка умысла, даваемая в ч.2 ст.25 УК РФ, полностью охватывает структуру психического отношения как при материальном составе преступления, так и при формальном»⁴.

Уклонение от отбывания лишения свободы невозможно совершить с эвентуальным умыслом, суть которого определяется безразличным отношением к последствиям. В преступлениях же с формальным составом само деяние образует окончанный состав преступления. В таких нормах психическое отношение виновного устанавливается лишь по отношению к факту его общественно опасного поведения. Волевое же отношение виновного к самому

¹ См.: Хорнабуджели Б.В. Психологическая сторона вины. – Тбилиси: Ганатлеба, 1981. – С.25-40; Уголовное право. Общая часть. Особенная часть: Курс лекций. Лекция 7. Субъективная сторона преступления / Под ред. А.Н.Игнатова, Ю.А.Красикова. – М.: Издательская группа ИНФРА•М-НОРМА, 1996. – С. 22.

² См.: Новосельцев С.П. Указ. соч. – С.76.

³ Указание на данное обстоятельство можно найти и в специальной литературе. Напр., см.: Мальков С.М. Уголовно-правовые аспекты борьбы с хищениями оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: Учебное пособие. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2001. – С.49.

⁴ Марцев А.И. Виновность как признак преступления // Актуальные проблемы борьбы с преступностью и правоприменительной практики: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. В.И. Горобцов. Вып. 2. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 1999. – С.42.

деянию в рассматриваемых преступлениях может быть только в виде прямого умысла.

Что касается позиции о возможности совершения исследуемого преступления в форме неосторожности, то она представляется мне также несостоятельной. Во-первых, ч.2 ст.24 УК РФ¹ прямо закрепляет, что «деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса». Во-вторых, в диспозиции ст.314 УК РФ отсутствует указание на умышленную форму вины, которое (указание) содержится в формулировках составов преступлений, совершаемых и по неосторожности. Кроме того, когда умышленный характер преступления является само собой разумеющимся, законодатель опускает указание на вину. И, в-третьих, гипотетическая возможность фигурирования в данной норме неосторожной формы вины также не выдерживает критики. Так, В.К. Сауляк указывает на то, что неосторожность может выразиться, например, в том, что виновный, вопреки погодным условиям (метель, туман), отказывается от возможности прибыть в место лишения свободы железнодорожным транспортом и решает лететь самолетом, легкомысленно рассчитывая на перемену погоды. По мнению приведенного автора, здесь усматривается факт преступного несвоевременного возвращения.² Вместе с тем смысл уклонения от отбывания лишения свободы состоит в наличии у лица негативных взглядов и установок, проявляющихся в этом посягательстве, противоположных взглядам общества и установлениям государства, а поэтому и общественно опасных; смысл уклонения заключается исключительно в осознании и совершении лицом действий, направленных на избежание дальнейшего отбывания наказания. Неумышленное несвоевременное возвращение, в отличие от невозвращения (неявки), не является внешней формой проявления таких действий, следовательно, к этим действиям вообще не требуется установление психического отношения. У лица, которое с опозданием явилось в исправительное учреждение, отсутствует вина, то есть указанные взгляды и установки. При этом такое опоздание должно быть не умышленным, в частности, лицо должно в срок выехать из места своего пребывания, во время следования к месту назначения не делать каких-либо непредусмотренных маршрутом либо объектив-

¹ Данная норма дана в редакции п.2 ст.1 Федерального закона от 25 июня 1998 года №92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – №26. – Ст.3012.

² См.: Сауляк В.К. Указ. соч. – С.27.

ными обстоятельствами остановок. Осужденный не может осознавать существа своего преступного поведения, так как отсутствует сам факт последнего (преступного поведения) – избежания наказания. Таким образом, невиновное опоздание не охватывается признаками рассматриваемого состава и, по существу, представляет собой вид нарушений требований режима, ответственность за которые предусмотрена ст.115 УИК РФ.

На основании изложенного полагаю, что с позиции особенностей, заложенных в законодательное закрепление умысла, субъективная сторона уклонения от отбывания лишения свободы характеризуется только прямым умыслом. Лицо осознает общественную опасность своего поведения, направленного на уклонение без уважительных причин от отбывания лишения свободы, предвидит в этом нарушение своей обязанности вовремя вернуться или прибыть в исправительное учреждение либо суд и желает поступить именно таким образом. При этом на уголовную ответственность не влияет уверенность лица в своей невинности в совершении деяния, за которое ему назначено наказание.¹

Важен вопрос об определении момента возникновения умысла на уклонение от отбывания лишения свободы. Представляется спорной точка зрения, согласно которой при умысле, возникшем на избежание дальнейшего отбывания лишения свободы до выезда из исправительного учреждения и в последующем реализованном посредством получения права на такой выезд, действия лица, его реализовавшего, следует квалифицировать как побег.² Так, общественно опасные посягательства, предусмотренные ст.313 и ст.314 УК РФ, направлены на избежание дальнейшего отбывания наказания. Законодатель доминирующее разграничение между этими составами провел по объективным признакам. Суть побега состоит в самовольном (без надлежащего на то разрешения) и незаконном (при отсутствии предусмотренных законом оснований) оставлении осужденным или заключенным под стражу соответствующих уч-

¹ Указание на данное обстоятельство встречается и в специальной литературе, напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1998. – С.712.

² См.: Елеонский В. Ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы // Советская юстиция. – 1979. – № 7. – С.10; Советское уголовное право. Особенная часть / Под ред. Г.А.Кригера, Б.А.Куринова, Ю.М.Ткачевского. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. – С.313; Мазур О.В. Вопросы соотношения побега из места лишения свободы и уклонения от отбывания лишения свободы // Подходы к решению проблем законотворчества и правоприменения: Межвуз. сб. науч. тр. адъюнктов, соискателей, слушателей. – Омск: Юридический институт МВД России, 1997. – С.54.

реждений. Уклонение же в силу специфики охраняемых общественных отношений, существующих в сфере реализации выездов и отсрочки исполнения приговора суда или отбывания наказания, было выделено в отдельную норму. Здесь осужденный оставляет место лишения свободы не самовольно, а на основании законного распоряжения начальника исправительного учреждения. Такое логическое разделение норм акцентуализирует внимание законодателя на охране отдельных групп общественных отношений, способствует квалификации, простоте обращения правоприменителя с уголовным законом, дифференциации наказания. Виновность лица, которому предоставлен выезд за пределы места лишения свободы, ставится в зависимость от нарушения условий такого выезда. Осужденный реализует поставленную цель уклонения от отбывания наказания независимо от того, когда у него возник на это умысел – до, во время или после выезда за пределы места лишения свободы, но именно этим путем.¹ Законодатель криминализировал рассматриваемую норму именно с целью достижения соответствующего уровня законности и должного порядка при реализации таких выездов из исправительных учреждений, которые хотя sporadически, но используются осужденными как средство уклонения от отбывания лишения свободы. Представленная точка зрения не расходится и с мнением сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы, которые в большинстве своем (57%) полагают, что указанные выше действия осужденного лица следует квалифицировать как уклонение от отбывания лишения свободы.²

В исследовании субъективной стороны уклонения от отбывания лишения свободы представляется необходимым рассмотреть роль подписки, даваемой осужденным, которому предоставляется выезд за пределы места лишения свободы, о том, что он предупрежден об ответственности по ст.314 УК РФ. Некоторые авторы, например В.Елеонский, полагают, что если указанная подписка по

¹ При этом в случае обнаружения у лица, в отношении которого стоит или может быть поставлен вопрос о предоставлении выезда за пределы места лишения свободы, действий, направленных на избежание дальнейшего отбывания наказания, следует обратиться к институту неоконченной преступной деятельности.

² Полагают, что такое поведение осужденного следует квалифицировать по ст.313 УК РФ, 19 % опрошенных, затрудняются ответить 24 % респондентов. Среди последних исследований данного вопроса полагаю необходимым отметить позицию А.А. Примака, который также считает, что момент возникновения умысла на уклонение от отбывания лишения свободы может быть как заранее обдуманый, так и внезапно возникший, но для квалификации он не имеет значения (см.: Примак А.А. Указ. соч. – С.130-131).

каким-либо причинам не была взята у осужденного, то в случае его невозвращения без уважительных причин в установленный срок он не может быть привлечен к уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы.¹ Сложно согласиться с таким выводом. Преступный характер действий лица, которому предоставлен выезд за пределы исправительного учреждения, направленных на избежание дальнейшего отбывания наказания, очевиден. Такое лицо понимает, что приговор, назначенный судом, не будет исполнен в полной мере и в установленном законом порядке. Психическое отношение субъекта уклонения к данному обстоятельству обнаруживается вследствие претерпевания последним карательного воздействия со стороны государства, определенных тягот и лишений, вытекающих из сути наказания в виде лишения свободы. В силу этого лицо четко осознает разницу между отбыванием наказания и фактическим отсутствием данного заключения, предвидит неизбежное преследование со стороны государственных органов и все же желает избежать дальнейшего отбывания наказания.

В связи с этим интересны результаты опроса сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы. Так, утвердительные ответы респондентов на вопрос: «Можно ли освободить от уголовной ответственности осужденного, которому предоставлена возможность выезда, в случае его невозвращения без уважительных причин в необходимый срок в исправительное учреждение, если не были соблюдены следующие формальные требования?», распределились следующим образом:

- у лица не была взята подписка, предупреждающая об ответственности по ст. 314 УК РФ, – 26%;
- с лицом не был проведен инструктаж относительно порядка и временной продолжительности такого выезда – 22%;
- лицу не был выдан документ, удостоверяющий личность осужденного, в котором указывается срок такого выезда, – 26%;
- затруднились ответить 25% опрошенных.

Думается, что обязательным условием выезда осужденного лица необходимо считать доведение до него информации относительно временной продолжительности такого выезда. Указанная информация содержится в инструктаже (разъяснении порядка выезда), который проводится с осужденным перед его выездом за пределы места лишения свободы, и в удостоверении, выдаваемом

¹ См.: Елеонский В. Ответственность за уклонение от отбывания... – С.10.

этому лицу на период отсутствия в исправительном учреждении.¹ Причем если информация, касающаяся времени выезда, будет отсутствовать в таком инструктаже либо если подобный инструктаж вообще не будет иметь места, то это, на мой взгляд, однозначно не исключает ответственности осужденного. Так, в удостоверении, выдаваемом осужденному лицу на период выезда, четко указано время, в течение которого он может отсутствовать. Как мне представляется, в содержание подписки, даваемой осужденным, которому предоставлен выезд за пределы исправительного учреждения, а также отсрочка отбывания наказания, необходимо включить разъяснение обстоятельств, освобождающих от ответственности по рассматриваемой норме. Такое введение будет способствовать верной квалификации, повышению законопослушного поведения со стороны осужденных лиц.

Анализ субъективной стороны преступления невозможен без изучения его мотива и цели – необходимых компонентов проявления сущности вины, то есть психического отношения субъекта к окружающей его социальной действительности.²

Результаты опроса сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы объективно показывают необходимость исследования мотивов и цели. Так, доминирующее количество опрошенных считают, что правоприменителю приходится испытывать затруднения при установлении целей и мотивов уклонения от отбывания лишения свободы (68%), отрицают вероятность таких затруднений лишь 17% респондентов, 15% затруднились ответить.

Мотивы рассматриваемого преступления не относятся к обязательным признакам его субъективной стороны, так как не указаны в уголовно-правовой норме и, следовательно, не влияют на

¹ Информация, касающаяся такого инструктажа, форма и содержание удостоверения и иных необходимых оформляемых документов, а также другие сведения, имеющие отношение к выездам осужденных лиц за пределы мест лишения свободы, содержатся в нормативных и иных ведомственных актах, указанных в тексте анализа объективной стороны уклонения от отбывания лишения свободы.

² См.: Дагель П.С. Содержание, форма и сущность вины в советском уголовном праве // Правоведение. – 1969. – №1. – С.86. Также см.: Тарарухин С.А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. – М.: Юрид. лит., 1974. – С.60-74; Волков Б.С. Мотивы преступления (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982. – С.6-26; Джекебаев У.С. Мотивация преступления и уголовная ответственность / У.С.Джекебаев, Т.Г.Рахимов, Р.Н.Судакова. – Алма-Ата: Наука, 1987. – С.6-17, 39-62.

квалификацию. Однако мотивы преступления в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством входят в перечень обстоятельств, подлежащих обязательному доказыванию, учитываются при индивидуализации наказания в качестве смягчающих либо отягчающих ответственность обстоятельств, поэтому необходимость их установления очевидна.

В литературе указывается, что мотивами уклонения от отбывания лишения свободы могут быть личные и другие побуждения.¹ Обычно они бывают общественно вредными, но в некоторых случаях могут выступать в качестве нейтральных и даже социально полезных. Примером общественно вредных мотивов В.И.Егоров приводит стремление лица, уклоняющегося от наказания, продолжать заниматься преступной деятельностью, нежелание подвергаться ограничениям, вытекающим из факта осуждения и применения наказания. К общественно нейтральным мотивам автор относит, например, желание лица повидаться с семьей, родными, близкими. В качестве общественно полезных мотивов он называет стремление осужденного оказать помощь семье в ремонте жилья, уборке урожая, заготовке кормов, топлива на зиму и т.д.²

В контексте сказанного замечу, что вышеизложенная положительная мотивация не влияет на квалификацию деяния и, следовательно, на виновность лица. Согласно диспозиции ст.314 УК РФ вред интересам правосудия как объекту уголовно-правовой охраны причиняется в равной степени как тогда, когда, например, осужденный стремится ухаживать за больным родственником, так и тогда, когда в основе его мотива лежит желание вести прежний асоциальный образ жизни, заниматься преступной деятельностью. Однако вина находится в полной и непосредственной зависимости от способа удовлетворения мотива. Ведь вина есть пренебрежение субъектом установленными в обществе нормами поведения. Вместе с тем в основе мотива лежит потребность, которая ориентирована на получение человеком удовлетворения (например, полученного в результате оказания помощи близким). Следовательно, вина не зависит от мотива, поскольку, как справедливо пишет Н.Г. Иванов, и в случае правомерного, и в случае неправомерного поведения субъект руководствуется единым побуждением – получение удовлетворения от соответствующего по-

¹ Напр., см.: Уголовное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. В.П.Кашепов. – М.: Былина, 1999. – С.505; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – 3-е изд., изм. и доп. / Под общ. ред. Ю.И.Скуратова и В.М.Лебедева. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА•М, 2000. – С.786.

² См.: Егоров В.И. Указ. соч. – С.24-25.

веденческого акта.¹ Вина осужденного лица, которое уклоняется от отбывания лишения свободы, очевидна – пренебрежение установленными правилами поведения, поскольку социально-правовое положение такого лица неизбежным образом предопределяет способ достижения потребности (удовлетворения).

Результаты изучения правоприменительной практики показывают, что, во-первых, мотивы были установлены во всех рассмотренных уголовных делах, во-вторых, мотивация рассматриваемого преступления имеет достаточно широкий спектр и, в-третьих, преступник руководствовался, как правило, несколькими мотивами (так называемая полимотивация). У более чем трети привлеченных к уголовной ответственности (40,2%) в основе совершения уклонения от отбывания лишения свободы лежало нежелание подвергаться ограничениям, вытекающим из факта осуждения и применения наказания. В основном этот мотив наблюдался у мужчин в возрасте от 21 до 30 лет (77% от общего количества осужденных этой группы) и от 30 до 40 лет (69% соответственно).

Значительное место среди мотивов анализируемого преступления занимает желание повидаться (остаться) с семьей, родными, близкими. Под влиянием этого мотива совершили преступление 19,5% всех виновных. Причем данный мотив свойственен уже более молодым осужденным, лицам мужского пола в возрасте от 18 до 21 года (65%) и от 21 до 30 лет (59%).

Достаточно большое количество преступлений были совершены из страха перед возвращением в исправительное учреждение (16,4 %).

Сравнительно небольшое число преступлений были совершены в силу стремления осужденного оказать помощь семье в ремонте жилья, уборке урожая, заготовке кормов, топлива на зиму и т.п. (2,5%); желания лица заниматься преступной деятельностью (1,3%). Примечательно то обстоятельство, что под влиянием указанных мотивов, а также из страха перед возвращением в исправительное учреждение главным образом совершили преступление лица мужского пола в возрасте от 30 до 40 лет (38%).

Также при анализе уголовных дел можно выделить группу иных мотивов преступления (20,1%), к которым относятся:

- желание «погулять», употребить спиртные напитки;
- взять у родственников или близких денег для жизни либо набрать у них продуктов питания;

¹ См.: Иванов Н.Г. Мотив преступного деяния: Учебное пособие. – М.: МЦ при ГУК МВД России, 1997. – С. 26-27, 36, 47-48.

– стремление ухаживать за больными родственниками или самому «подлечить» какое-либо заболевание;

В отдельных случаях мотивом выступало предположение о грядущей амнистии и т.п.

На основе анализа мотивов уклонения от отбывания лишения свободы можно констатировать: 1) мотивы имеют различное предметное содержание; 2) играют различные роли в правоприменительной практике; 3) не носят исчерпывающего характера.

Неоднозначен вопрос о наличии в рассматриваемом преступлении цели как существенного признака состава преступления. Сторонники данного подхода аргументируют свое мнение указанием на смысловое содержание ст.314 УК РФ, исходя из которого субъект избегает уголовного наказания, уклоняясь от него, а значит, в наличии и цель виновного – уклонение от отбывания лишения свободы.¹ Невозвращение осужденного в срок в место лишения свободы без уважительных причин, но без цели уклонения от отбывания наказания, по их мнению, не может рассматриваться как преступление, а должно приравниваться к дисциплинарному проступку.² Другая группа авторов также указывают на цель уклонения от отбывания лишения свободы, однако не расшифровывают, является ли она конструктивным признаком состава преступления или лишь учитывается судом при назначении наказания.³ Вместе с тем никто из авторов не указывает типичный перечень или пример цели данного преступления, что осложняет исследование ее содержания и уголовно-правового значения. Наконец, третья группа ученых считают, что цель исследуемого преступления лежит за пределами его состава и значения для квалификации не имеет.⁴ Однако мне не представилось возможным найти хотя бы одного автора, аргументирующего свою позицию по данному вопросу.

Признавая «право на жизнь» каждой из указанных позиций, все же думаем, что судебная практика имеет на этот счет принципиальное и поэтому руководящее решение, принятое еще в 1965

¹ Напр., см.: Сауляк В.К. Указ. соч. – С.27-28; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1998. – С.711.

² См.: Курс советского уголовного права. В 5 т. Т.5 / Отв. ред. Н.А.Беляев. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1981. – С.445-446.

³ Напр., см.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.В.Наумов. – М.: Юристъ, 1997. – С.734; Демин Ю.М. Преступления против правосудия: Лекция. – М.: ЦИиНМОКП МВД России, 1999. – С.19

⁴ Напр., см.: Уголовное право России. Часть Особенная: Учебник для вузов / Отв. ред. Л.Л.Кругликов. – М.: Издательство БЕК, 1999. – С.729.

году Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Распогова. Так, Распогов, отбывая наказание в виде лишения свободы в колонии-поселении, 30 июня 1965 года покинул исправительное учреждение и в 15 км от него распивал спиртные напитки в будке путевого обходчика, где и был вскоре задержан. Народный суд г.Кемерово осудил Распогова за побег по ч.1 ст.188 УК РСФСР (ч.1 ст.313 УК РФ). Однако прокурор Тюменской области этот приговор опротестовал, указав, что Распогов совершил не уголовно наказуемый побег, а дисциплинарно наказуемую отлучку из места лишения свободы. В ответ на протест Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР приговор оставила без изменения, указав, что поскольку в законе не определены мотивы (и цель) преступления, следовательно, совершение побега вне зависимости от мотива (и цели) содеянного является окончанным преступлением с момента оставления места лишения свободы.¹ Рассмотренный пример рассмотрен в рамках уголовно наказуемого побега, однако может быть вполне приемлем и для описания элементов субъективной стороны состава уклонения.

Современная судебнo-следственнaя практика в целом придерживается подобной квалификации, которую, исходя из буквального толкования признаков рассматриваемой уголовно-правовой нормы, следует считать единственно верной. Представляется показательным следующий пример. Отбывающий наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии строгого режима (ИК-7) при п.Арийское Емельяновского района Красноярского края М.Б.Харитонов, пользуясь правом бесконвойного передвижения, работал трактористом в ЛЗУ-1 (лесозаготовительный участок), расположенном около д.Михайловка Емельяновского района. Находясь в очередном выезде на ЛЗУ-1, М.Б.Харитонов около 6 часов утра 24 июля 2003 года, употребив спиртные напитки, самовольно оставил участок и направился в д.Михайловка. В дальнейшем он жил на временно заброшенном ЛЗУ. Организованными розыскными мероприятиями его обнаружить не удалось. Спустя несколько дней – 1 августа 2003 года – М.Б.Харитонов решил добровольно вернуться в исправительное учреждение и ночью самостоятельно прибыл в ИК-7, где был задержан сотрудниками исправительного учреждения. Несмотря на то, что М.Б.Харитонов свое отсутствие объяснял тем, что заблудился и умысла на уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы не имел,

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1965. – №10. – С.11.

Емельяновский районный суд признал его виновным в совершении преступления, предусмотренного ст.314 УК РФ.¹

Так, анализ диспозиции исследуемой нормы приводит к констатации того факта, что по смыслу действующего законодательства в уклонении от отбывания лишения свободы отсутствует такой признак состава преступления, как цель. В указанных выше точках зрения цель как элемент конструкции состава преступления подменяется целью как элементом мотивационной сферы, требующей, как правило, обязательного установления в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства. Так, в литературе справедливо отмечается, что при совершении преступлений, в которых цель не является признаком субъективной стороны, она также должна исследоваться. Цель преступления, так же как и мотив, характеризует субъективные процессы, протекающие в сознании лица в связи с совершением им общественно опасного деяния. Без выяснения мотива и цели преступного поведения, как точно замечает Г.А.Кригер, психическое отношение к содеянному, то есть вина, оказалось бы лишенным своего социального содержания, было бы невозможно выявить социальную сущность вины и установить ее степень.² Следовательно, цель показывает меру общественной опасности преступника (преступления), что необходимо учитывать при определении вида и размера наказания.³

Исходя из того, что цель преступления показывает, для чего действует и чего стремится достичь виновный, а мотив – это то, что обуславливает преступное поведение⁴, при уклонении от отбывания лишения свободы такая цель может представлять из себя конкретизированную социально вредную потребность, например месть кому-либо, совершение нового преступления, желание уйти от наказания, заниматься антисоциальным поведением (бродяжничество, проституция и др.) и т.п., что может иметь значение для назначения наказания судом.

¹ Архив Красноярской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях. Уголовное дело №13090792, возбуждено 4 августа 2003 года.

² См.: Кригер Г.А. Понятие и содержание вины в советском уголовном праве // Вестник Московского ун-та. Серия 11 (Право). – 1983. – №5. – С.8.

³ См.: Курс советского уголовного права. В 5 т. Т. 1 / Отв. ред. Н.А.Беляев, М.Д.Шаргородский. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. – С.447; Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. – М.: Юристъ, 1998. – С.316-321.

⁴ См.: Елисеев С.А. Вопросы теории и практики предупреждения корыстных преступлений. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989. – С.24.

Кроме того, уклонение от отбывания лишения свободы относится к общественно опасному посягательству с формальной законодательной конструкцией, а, как верно заметил А.П.Козлов, формулирование законодателем преступлений с формальной диспозицией состава, как правило, приводит к использованию цели как обязательного признака состава преступления.¹ Цель отсутствует в тех немногих деяниях с формальной законодательной конструкцией состава, в которых зачастую нет четкого представления виновного лица о реальных действиях своего преступного поведения и когда имеет место вероятное объективное изменение внешних обстоятельств, что крайне затрудняет формулировку цели (например, при организации массовых беспорядков).

Зарубежное законодательство также пытается решить проблему цели рассматриваемого деяния. В частности, в уголовном законе Казахстана в ст.359 «Уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы» указана специальная цель – уклонение от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы. Аналогичное мнение, относительно юридических свойств цели уклонения от отбывания лишения свободы, предлагается и на страницах отечественной юридической печати.²

Отношение к рассматриваемому вопросу было выяснено и у сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы. Так, 64% опрошенных склонны считать, что цель уклонения от отбывания лишения свободы входит в число обязательных признаков субъективной стороны этого преступления; 17% – выносят цель за рамки состава преступления; 19% – затруднились ответить.

Таким образом, позиция относительно того, что фактически цель в анализируемом преступлении есть и она является обязательной для юридического установления, дает один из поводов для ее законодательного закрепления в диспозиции нормы. Но это предложение относится к сфере исследования вопросов совершенствования уголовно-правовых мер об ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы, которые будут рассматриваться в третьей главе монографии.

¹ См.: Козлов А.П. *Фундаментальные науки и уголовное право (вопросы понятия и соотношения): Учебное пособие.* – Красноярск: Государственный ун-т, 2001. – С.76.

² Напр., см.: Мазур О.В. *Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с побегами из мест лишения свободы (по материалам Западно-Сибирского региона): Дисс. ... канд. юрид. наук.* – Омск: Юридический институт МВД России, 1997. – С.82-83.

В рамках субъективной стороны состава преступления рассматриваемое общественно опасное посягательство следует отличать от побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи. Сложно согласиться с позицией тех авторов, которые полагают, что такое различие следует проводить только лишь по объективной стороне состава преступления.¹ Суть разграничения этих составов по субъективной стороне верно отобразил М.Ф.Костюк: «При побеге умысел осужденного направлен на самовольное незаконное оставление места лишения свободы. При уклонении от отбывания лишения свободы направленность умысла осужденного иная – на то, чтобы не возвращаться в исправительное учреждение, откуда он временно отпущен на законном основании»². Таким образом, эти преступления различаются и по направленности умысла виновного.

В заключение данной главы отмечу, что разрешение имеющихся разногласий в литературе и принятие официальных разъяснений посредством анализа судебной практики позволит, на мой взгляд, более верно квалифицировать рассматриваемое преступление и более эффективно применять уголовную ответственность за его совершение. Поэтому исследование уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы невозможно без анализа правоприменительной практики, а анализ состава уклонения от отбывания лишения свободы показывает, что его признаки нуждаются в совершенствовании. Научные суждения о перспективах совершенствования уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст.314 УК РФ, представлены в следующей главе монографии.

¹ Так, см.: Елеонский В. Ответственность за уклонение от отбывания... – С.10.

² Костюк М.Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в исправительных учреждениях. – М.: Академия Управления МВД России, 2000. – С.76. Также см.: Рашковская Ш., Воробьева Т. Указ. соч. – С.52.

ГЛАВА 3. ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

§ 1. Применение уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы

Правоприменительная практика выступает важнейшим показателем жизнеспособности и эффективности нормы. От того, как реализуется ответственность, не только и не столько зависит вывод о целесообразности применения той или иной нормы, но и происходит формирование определенного вида социальной практики, которая в итоге формирует новую ценностную ориентацию, необходимую и полезную для общества. Поэтому меры, ориентированные на уголовно-правовую охрану общественных отношений, обеспечивающих нормальные условия достижения интересов правосудия, по реализации выездов осужденных за пределы мест лишения свободы либо отсрочки исполнения приговора суда или отбывания наказания должны быть направлены не только на исследование природы, юридических признаков и проблем квалификации рассматриваемого преступления, но и на совершенствование практики применения и законодательной регламентации этой нормы.

В целях исследования проблем реализации уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы мной в первую очередь были изучены основания отказа в возбуждении уголовных дел по ст.314 УК РФ (ст.188¹ УК РСФСР). Так, изучение 18 отказных материалов по фактам невозвращения либо несвоевременного возвращения из очередного отпуска с выездом или краткосрочного выезда за пределы исправительного учреждения, по которым было отказано в возбуждении уголовных дел по указанным статьям в период с 1993 по 1999 гг. Красноярской прокуратурой по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, показало, что, во-первых, во всех случаях предварительной юридической оценки обстоятельств случившегося правоприменителем был осуществлен правильный выбор уголовно-правовой нормы, подлежащей применению, поэтому случаи пере квалификации отсутствуют. Во-вторых, практически во всех случаях причиной невозвращения являлось поведение самого осужденного, которому был предоставлен выезд за пределы места ли-

шения свободы, и только в одном случае такой причиной явилось, как указано в заключении материала, формальное отношение сотрудников исправительного учреждения к предоставляемому выезду, выразившееся в том, что они не разъяснили осужденному его обязанность прибыть в место отбывания наказания в тот день, который указан в удостоверении, выдаваемом осужденному лицу на период выезда, а не в последующий.

В тех 17 случаях, когда причиной невозвращения или несвоевременного запоздалого возвращения являлось поведение самого осужденного, необходимо выделить поводы субъективного и объективного характера.

Субъективного характера:

2 случая – страх дисциплинарной ответственности за употребление спиртных напитков и появление в состоянии алкогольного опьянения в исправительном учреждении (в этом случае осужденное лицо было задержано через 1 час 30 мин. и 2 часа соответственно после истечения законного срока нахождения вне места отбывания наказания);

объективного характера:

13 случаев – отсутствие денежных средств на возвращение в исправительное учреждение;

1 случай – осужденное лицо, уже фактически вернувшись из предоставленного выезда, находилось в непосредственной близости от исправительного учреждения в состоянии алкогольного опьянения;

1 случай – телеграмма, которая предупреждала о непредвиденном обстоятельстве, затрудняющем обратный выезд осужденного в установленный срок, вовремя не пришла в исправительное учреждение.

В 10 отказных материалах имеется указание на то, что намерений на уклонение от отбывание лишения свободы осужденное лицо не имело, что также можно отнести к поводу субъективного характера. В остальных материалах такое указание отсутствует.

Наличие указанных поводов субъективного и объективного характера следует воспринимать как отсутствие соответственно субъективных и объективных признаков состава уклонения от отбывания лишения свободы, но однако не учтенных правоприменителем как таковые. Так, основанием отказа в возбуждении уголовного дела во всех изученных материалах было указание на отсутствие состава преступления, однако ни в одном из них нет указания на отсутствие тех признаков, наличие которых позволило бы квалифицировать поведение осужденных лиц как уклонение от отбывания лишения свободы. Это обстоятельство, на мой взгляд,

показывает отсутствие юридически обоснованной позиции правоприменителя относительно отказа в возбуждении уголовного дела и, следовательно, занижает значение постулата об основании уголовной ответственности (ст.8 УК РФ).

В этом плане показательно извлечение из постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении осужденной Т.И.Стриженюк, которая отбывала наказание в виде лишения свободы в колонии-поселении УП-288/22 г.Красноярска. С 12 по 24 июля 1993 года Т.И.Стриженюк был предоставлен краткосрочный выезд в г.Омск по адресу: ул. Красный пахарь, 22, по истечении которого осужденная в исправительное учреждение не вернулась. Принятыми мерами 30 июля 1993 года она была обнаружена в г.Омске по своему адресу и доставлена в колонию-поселение. В возбуждении уголовного дела по данному факту было отказано за отсутствием в действиях осужденной Т.И.Стриженюк состава преступления. Такое решение было аргументировано тем, что, во-первых, со слов Т.И.Стриженюк, осужденная не смогла вовремя приобрести билеты в г.Красноярск и, во-вторых, осужденная все время находилась по адресу, куда она убыла.¹ Не вдаваясь в квалификацию, лишь отмечу, что позиция правоприменителя в этом примере слабая, так как его решение недостаточно мотивировано: нет разъяснений о том, пыталась ли осужденная приобрести билет, есть ли другие обстоятельства, свидетельствующие о ее преступных устремлениях, имела ли она намерение уклониться от отбывания лишения свободы. Более того, указание на то, что осужденная все время находилась по своему адресу говорит о неверном уяснении правоприменителем уголовно-правовой нормы об уклонении, особенность которой состоит в невозвращении осужденного лица по истечении установленного для пребывания вне исправительного учреждения срока без уважительных причин обратно в место отбывания наказания. Ведь фактически указание на то, что осужденная все время находилась по своему адресу как раз и свидетельствует о ее преступном бездействии.

По этому поводу в специальной литературе говорится о том, что в ходе предварительной юридической квалификации обстоятельств дела случаи нарушения законности выражаются именно

¹ См.: Архив Красноярской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях. Отказной материал и постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ст.188¹ УК РСФСР в отношении осужденной Т.И.Стриженюк от 16 августа 1993 года.

тогда, когда правоприменитель допускает ненадлежащий анализ правовой нормы и ее неверное толкование.¹

Таким образом, в отказах о применении к осужденным лицам уголовно-правовой нормы об уклонении от отбывания лишения свободы наряду с изложением фактических обстоятельств случившегося необходимо указывать и обстоятельства юридического свойства, на основе которых делается вывод об отсутствии либо наличии в поведении тех или иных осужденных состава преступления, а следовательно, и общественной опасности содеянного.

Вместе с тем предварительная юридическая оценка обстоятельств случившегося не исключает прекращения уже возбужденных уголовных дел по признакам уклонения от отбывания лишения свободы за отсутствием состава преступления. Так, из 159 архивных уголовных дел, возбужденных по признакам ст.314 УК РФ (ст.188¹ УК РСФСР) в период с 1989 по 2000 гг. на территориях Красноярского края и Иркутской области, 7 прекращены за отсутствием состава преступления (еще 7 приостановлены за розыском лица, в отношении одного обвиняемого лица вынесен оправдательный приговор, в отношении оставшихся 144 вынесены обвинительные приговоры). В одном случае было установлено, что обвиняемое лицо не отвечает признакам субъекта преступления, в шести случаях решение о прекращении уголовного дела было аргументировано правоприменителем тем, что осужденное лицо уже либо собиралось возвращаться в исправительное учреждение, либо было задержано по дороге к месту лишения свободы, либо у него не было денег на обратную дорогу и, следовательно, у таких лиц не было умысла на уклонение от отбывания лишения свободы, а уголовное дело было возбуждено преждевременно. Вместе с тем правоприменитель мог бы усилить свою позицию по данному решению, указав на то, что у осужденного лица отсутствуют признаки преднамеренного прибытия в исправительное учреждение позже назначенного срока либо на это есть определенные уважительные причины. В целом же такая практика свидетельствует об отсутствии необходимого анализа фактических обстоятельств и квалификации содеянного на стадии, предшествующей возбуждению уголовного дела.

Одним из методов уголовно-правовой охраны общественных отношений выступает применение к виновному лицу меры наказания, границы которого определены нормами Общей и Особенной

¹ См.: Сауляк О.П. Нарушение законности в правоприменительной деятельности: понятие, причины и условия возникновения, методы устранения // Следователь. – 2001. – № 1. – С. 37.

частей уголовного закона. Практика применения наказания за уклонение от отбывания лишения свободы имеет свои особенности и заключается в его назначении.

Назначение наказания неотъемлемым образом связано с общими началами назначения наказания, сформулированными в законе в соответствии с основными принципами уголовного права, – законности (ст.3 УК РФ), справедливости (ст.6 УК РФ) и гуманизма (ст.7 УК РФ), которые наиболее полно отражают руководящие идеи, касающиеся оснований назначения уголовного наказания. Поэтому данные принципы имеют прямое и непосредственное отношение к общим началам назначения наказания, которые, в свою очередь, регламентируются ст.60 УК РФ. Законодатель, перечисляя в данной норме определенные правила, тем самым велит судам руководствоваться ими в каждом конкретном случае при назначении наказания подсудимым. Вместе с тем Пленумом Верховного Суда России указывается на то, что в последние годы количество судебных ошибок при назначении наказания увеличивается, особенно это заметно в связи с принятием нового Уголовного кодекса.¹ Согласно выборочным данным, от 37,5 до 47,5% всех судебных ошибок приходится на назначение наказания.²

Анализ судебной практики по исследуемой уголовно-правовой норме также говорит о том, что суды, в основном придерживаясь общих начал назначения наказания, все же допускают определенные отклонения и просчеты. Кроме того, в п.1 ст.382 УПК РФ указывается на то, что нарушение требований Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации представляет собой вариант неправильного применения уголовного закона. А это, в свою очередь, согласно п.3 ст.369 УПК РФ, является основанием отмены или изменения приговора суда первой инстанции и постановления нового приговора суда в порядке апелляции.

С учетом этого анализ карательной практики необходимо построить в разрезе общих начал назначения наказания.

Обязанность суда назначать наказание в пределах санкции нормы Особенной части уголовного закона является первым общим правилом или началом назначения наказания. Исследование 144 приговоров, вынесенных судами Красноярского края и Иркут-

¹ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению уголовных дел в порядке надзора // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1997. – №11. – С.15-17; Пленум Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – №8. – С.1.

² См.: Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 2. Наказание / Под ред. А.И.Коробеева. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1999. – С.135.

ской области по делам об уклонении от отбывания лишения свободы в период с 1989 по 2000 гг., показало, что нарушений таких пределов нет.

Второе общее начало назначения наказания указывает на то, что при назначении наказания должны соблюдаться положения Общей части Уголовного кодекса. Законодатель не раскрывает этого правила, поэтому очевидно, что в теории уголовного права происходит поиск оптимального круга и видов таких положений. Так, одни ученые, например М.И.Бажанов, И.М.Васильев, считают, что суды при назначении наказания должны учитывать широкий и при этом строго неопределенный круг уголовно-правовых норм, в частности нормы, относящиеся к понятию преступления, регулирующие освобождение от ответственности и наказания, и т.д.¹ Другая группа исследователей, например Н.А.Беляев, А.А.Толкаченко, Е.В.Благов, дают определенный перечень таких норм.² В частности, Е.В.Благов исключает из этого перечня необходимость учета характера общественной опасности преступления, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, аргументируя это тем, что при назначении наказания практически невозможно учесть характер общественной опасности преступления, но лишь степень такой опасности, учет влияния назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, по мнению указанного автора, вообще «абсурден», так как учитывать можно лишь то, что уже существует на момент выбора меры уголовно-правового характера.³ На мой взгляд, оптимальный круг рассматриваемых норм предложил А.С.Горелик.⁴ Согласно положениям УК РФ, указанный этим ученым перечень норм Общей части уголовного закона, которые следует учитывать судами при назначе-

¹ См.: Бажанов М.И. Назначение наказания по советскому уголовному праву. – Киев: Вища школа, 1980. – С.30-31; Васильев И.М. Наказание по советскому уголовному праву: Учебное пособие / Под ред. В.А. Владимирова. – М.: Управление учебных заведений МВД СССР, 1970. – С.32-33.

² См.: Курс советского уголовного права. В 5 т. Т. 2 / Отв. ред. Н.А.Беляев, М.Д.Шаргородский. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1970. – С.324-325; Российское уголовное право. В 2 т. Т.1: Общая часть / Под ред. А.И.Рарога. – М.: Профобразование, 2001. – С.443; Благов Е.В. Назначение наказания (теория и практика). – Ярославль: Гос. ун-т, 2002. – С.18-19.

³ См.: Благов Е.В. Указ. соч. – С.10-14.

⁴ См.: Горелик А.С. Положения Общей части уголовного права о назначении наказания (понятие, классификация, соотношение) // Совершенствование уголовного законодательства и практика его применения: Межвузовский сборник. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1989. – С.79-80.

нии наказания, может быть изложен в следующем виде: 1) общие положения о задачах уголовного закона и о целях наказания (ст.2, ч.2 ст.43 УК РФ); 2) собственно нормы, посвященные общим началам назначения наказания (ст.60 УК РФ); 3) нормы, определяющие смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства (ст. ст.61 и 63 УК РФ); 4) правила назначения отдельных видов наказаний (ст.ст.46-58 УК РФ); 5) нормы, регулирующие особый порядок назначения наказания (ст.ст.62, 64-65, 73-74 УК РФ); 6) нормы, регламентирующие особенности назначения наказания за неоконченное преступление, за преступление, совершенное в соучастии, и при рецидиве преступлений (ст.ст.66-68 УК РФ); 7) правила назначения наказания при совокупности преступлений и приговоров (ст.ст.69-70 УК РФ); 8) нормы, устанавливающие порядок определения сроков наказания при сложении наказаний, исчисление сроков наказаний и зачет наказания (ст.ст.71-72 УК РФ).

Анализ практики назначения наказания за уклонение от отбывания лишения свободы позволяет обратить внимание на следующие особенности учета судами положений Общей части Уголовного кодекса. Так, из 144 обвинительных приговоров 133 было вынесено с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима, 11 – в исправительной колонии общего режима. В связи с этим справедливость судебных решений относительно назначения вида исправительного решения вызывает сомнение. Во-первых, подобная практика расходится с требованиями закона. Так, ст.58 УК РФ устанавливает строго определенные требования к назначению того или иного вида исправительной колонии (ст.24 УК РСФСР 1960 года). Кроме того, в п.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 ноября 2001 года №14 «О практике назначения судами видов исправительных учреждений» прямо указывается на то, что судам следует обратить внимание на неукоснительное соблюдение требований уголовного закона об исключении возможности назначения того или иного вида исправительной или воспитательной колонии по усмотрению суда.¹ Подобные позиции содержали и постановления Пленума Верховного Суда, в настоящее время отмененные, например п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 апреля 2000 года № 14 «О практике назначения судами видов исправительных учреждений».² Во-вторых, такая практика серьезно снижает карательный и предупредительный потенциал наказания. Эти обстоятельства, в свою очередь, негативно влияют и на цели наказания, предусмотренные в ч.2 ст.43

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2002. – №1. – С.2.

² См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2000. – №6. – С.1.

УК РФ. Например, осужденный С.В.Щерба, отбывающий наказание в колонии-поселении УП 288/3 п.Харюзовка Иланского района Красноярского края, в назначенный срок не вернулся из предоставленного ему 19 февраля 1997 года краткосрочного выезда за пределы места лишения свободы в районную больницу г.Иланска Красноярского края. Задержан он был 7 мая 1997 года в г.Красноярске. В судебном заседании подсудимый С.В.Щерба свою вину в том, что он уклонялся от отбывания лишения свободы не признал и показал, что возвращаться в исправительное учреждение он не желал, так как, во-первых, был болен и, во-вторых, из-за плохих отношений с начальником УП-288/3. Суд, признав С.В.Щерба виновным в совершении им преступления, предусмотренного ст.314 УК РФ, назначил ему наказание по данной статье в виде одного года лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.¹ Однако опасность совершенного деяния подтверждается тем, что в период уклонения от отбывания лишения свободы С.В.Щерба не дал соответствующей телеграммы, предупреждающей о его болезни, изменил свое местонахождение, самовольно уехав в г.Красноярск, не желал признать свою вину на судебном заседании. Это, на мой взгляд, дает основание для назначения в данном случае лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Из всей совокупности изученных приговоров нет ни одного, в котором бы было назначено наказание ниже низшего предела, предусмотренного санкцией ст.314 УК РФ (ст.188¹ УК РСФСР), то есть согласно ст.64 УК РФ. Данное обстоятельство обусловлено отсутствием нижнего предела лишения свободы как единственного наказания, закрепленного в санкции анализируемого преступления.

Важно рассмотреть карательную практику в плане соблюдения особенностей назначения наказания, обусловленных рецидивом преступлений. Норма, устанавливающая общие принципы назначения наказания при рецидиве преступлений (ст.68 УК РФ), введена в действующее уголовное законодательство впервые. Поэтому будет справедливым оценивать реализацию и роль ст.68 УК РФ в практике назначения наказания за исследуемое преступление только лишь с учетом приговоров по ст.314 УК РФ (14 приговоров), то есть в период действия нового уголовного законодательства. Анализ указанных приговоров показывает, что из 14 приговоров в 13 усматривается рецидив преступлений, а в одном случае

¹ Архив Иланского районного суда Красноярского края. Уголовное дело №4099151, возбуждено 6 марта 1997 года.

– опасный рецидив. Вместе с тем отношение судов к соблюдению правил назначения наказания при рецидиве преступлений оставляет желать лучшего. Так, в одном из них (7,7%) – при простом рецидиве наказание назначено в 6 месяцев лишения свободы, то есть в нарушение ч.2 ст.68 УК РФ, указывающей на то, что срок наказания при рецидиве преступлений не может быть ниже половины максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (в редакции данной уголовно-правовой нормы до вступления в силу Федерального закона РФ от 8 декабря 2003 года №162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹). При этом какие-либо аргументы в пользу такого решения в приговоре отсутствуют. Санкция ст.314 УК РФ предусматривает наказание до двух лет лишения свободы, поэтому при рецидиве преступлений наказание за данное преступление не могло быть меньше одного года лишения свободы. Такая практика показывает пренебрежительное отношение судебных органов к учету требований закона, в силу чего карательные и предупредительные возможности наказания остаются не использованными. Это обстоятельство следует учитывать судами и более не допускать подобных ошибок.

Третьим общим правилом назначения наказания является учет судами при назначении наказания характера и степени общественной опасности деяния. При этом характер общественной опасности преступления есть его качественная сторона, отражающая, согласно п.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 года №40 «О практике назначения судами уголовного наказания», объект посягательства, форму вины посягающего и, в зависимости от этого, влияющая на отнесение преступных деяний к категории менее или более тяжких преступлений.² Анализ описательной части приговоров показал, что в 56,9% приговоров вообще не упоминается о том, что при назначении наказания суд учел характер общественной опасности преступления, в 29,2% приговорах суды ограничились лишь формальной ссылкой такого характера, как, например, «суд учитывает характер общественной опасности совершенного преступления», на то, что суд учитывает

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – №50. – Ст.4848. В соответствии с п.18 ст.1 указанного закона срок наказания при любом виде рецидива преступлений не может быть уже менее 1/3 (ранее – 1/2) части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

² См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – № 8. – С.2-3. Также см.: Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. – М.: Юрид. лит., 1975. – С.73-76.

«тяжесть содеянного» либо «общественную опасность совершенного преступления» указано в 7% приговоров.

Степень общественной опасности, то есть сравнительная опасность конкретного преступления по отношению к другим преступлениям того же характера и вида, представляет собой количественную сторону, определяющую конкретное преступное деяние и обстоятельства его совершения. Так, в п.1 указанного выше постановления отмечается, что «степень общественной опасности преступления определяется обстоятельствами содеянного (например, степенью осуществления преступного намерения, способом совершения преступления, размером вреда или тяжестью наступивших последствий, ролью подсудимого при совершении преступления в соучастии)»¹. Как видно, перечень критериев, характеризующих степень общественной опасности преступного посягательства, в постановлении не является исчерпывающим, поэтому, как указывает Т.Непомнящая, его следует дополнить такими обязательными критериями, как форма вины и мотивы преступления,² а согласно позиции М.Н.Становского, конкретизировать формой участия лица в преступлении, особенностями места, времени и способа совершения преступления и др.³ Изучение приговоров говорит о том, что в 63,8% из них вообще не упоминается о том, что при назначении наказания суд учел степень общественной опасности преступления, в 36,2% приговоров суды ограничились лишь формальной ссылкой на то, что «суд учитывает степень общественной опасности содеянного» либо «...совершенного преступления».

Таким образом, нет ни одного приговора, в котором судом были бы названы критерии, определяющие характер и степень общественной опасности уклонения от отбывания лишения свободы. От этого закон отчасти теряет свою эффективность, потому как применяется не в том объеме, который заложен в его содержание. Думается, что в целях назначения справедливой меры наказания судам в описательной части приговоров необходимо не только указывать на это общее начало назначения наказания, но также и отражать критерии, определяющие характер и степень общественной опасности исследуемого преступления. Только тогда можно будет констатировать, что суд в каждом конкретном случае действительно учел это общее начало назначения наказания, а не ограничился на него только лишь формальной ссылкой.

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – № 8. – С. 3.

² См.: Непомнящая Т. Учет судами общих начал назначения наказания // Уголовное право. – 2001. – №3. – С.30.

³ См.: Становский М.Н. Назначение наказания. – СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. – С.153-154.

Подобная негативная практика отражения в приговорах характера и степени общественной опасности уклонения от отбывания лишения свободы приводит, на мой взгляд, к слишком лояльному подходу судов при выборе размера наказания (см. таблицу 2).

Таблица 2

СРЕДНИЕ СРОКИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ПО УК РФ 1996
ГОДА (УК РСФСР 1960 ГОДА)

УК	Медиана санкций	Средний срок наказания
Ст. 188 ¹ УК РСФСР 1960 года (анализ с 1989 по 18.02.1993 гг.) ¹	7,5 мес.	10,5 мес.
Ст. 188 ¹ УК РСФСР 1960 года (анализ с 1993 г.)	13,5 мес.	12 мес.
Ст. 314 УК РФ 1996 года	15 мес.	13 мес.

Результаты сравнительного анализа среднего срока назначенного наказания с медианами санкций, учет которых особенно популярен в последнее время², показывают их несоответствие. Среднее наказание, назначенное за уклонение от отбывания лишения свободы, «скачет» от превышения над медианой санкций (анализ наказания с 1989 по 1993 гг.) до, наоборот, уменьшения над медианой санкций. Тенденция указывает на увеличение подобного несоответствия. При этом в 2-х (14,3 %) приговорах из 14 по УК РФ 1996 года наказание назначено по максимуму – два года лишения свободы. В остальных 130 приговорах таких случаях также два (но это составляет лишь 1,5%). Кроме того, увеличен фактический средний срок назначенного наказания по УК РФ 1996 года. К таким показателям следует отнестись с некоторым удовлетворением. В частности, если в 1997 году по Красноярскому краю были зарегистрированы 31 уклонение от отбывания лишения свободы, то в 1998 году – уже 10, в 1999 году – 3, в 2000-2001 гг. только лишь

¹ Имеется ввиду до вступления в силу Закона РФ от 18 февраля 1993 года №4512-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР», согласно которому санкция ст.188¹ УК РСФСР возросла с одного года до двух лет лишения свободы (см.: Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. – №7. – Ст.118).

² Напр., см.: Мальков С.М. Карательная практика за специальные виды хищений (на примере ст.226 УК РФ) // Уголовное право и современность: Межвузовский сборник научных трудов. Вып.5 / Отв. ред. В.И.Горобцов. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2001. – С.119.

по одному, в 2002-2003 гг. преступлений, предусмотренных ст.314 УК РФ, зарегистрировано не было (в 2003 году одно переквалифицировано со ст.313 УК РФ на ст.314 УК РФ). Но такая картина, по моему мнению, еще не говорит о том, что суды в полной мере адекватно учитывают общественную опасность исследуемого преступления и используют весь потенциал карательного и предупредительного воздействия наказания. Сами же санкции в виде лишения свободы, согласно специальным исследованиям, с точки зрения строгости для осуществления предупредительной задачи наказания можно считать в нынешнем уголовном законе вполне оправданными и достаточными.¹ Более того, уклонение от отбывания лишения свободы относится к преступлению небольшой тяжести, за совершение которых в литературе справедливо рекомендуется к отбытию определять весь срок лишения свободы до двух лет² (безусловно, с учетом общих начал назначения наказания).

Следующим – четвертым – общим началом назначения наказания является учет личности виновного. Изучение правоприменительной практики показывает, что не по всем уголовным делам (15,1% от всей совокупности изученных уголовных дел – 159) органами предварительного следствия и суда проводились исчерпывающие мероприятия, направленные на установление данных о личности виновного. По моему мнению, необходим полный анализ личности преступника, признаки которой следует рассматривать в структуре общественной опасности преступного деяния. Так, «учитывая образ жизни и прошлое поведение преступника, его характеристику, суд получает данные для того, чтобы выяснить, что привело данное лицо на путь исправлений, как оно проявило себя в нем, каковы мотивы преступления и т.д., и получает таким образом возможность более правильно определить меру наказания, соответствующую степени виновности и тяжести совершенного преступления»³, то есть глубже раскрыть степень общественной опасности преступного деяния и индивидуализировать наказание.⁴

Исследование образовательного уровня осужденных показывает, что из общего количества лиц, которым предъявлено обвинение, подавляющее число (52,2%) имели среднее образование; 27,7% – неполное среднее; 17% – среднее специальное; 2,5% – незаконченное высшее; 0,6% – высшее. Очевиден тот факт, что обра-

¹ Напр., см.: Маликов Б.З. Лишение свободы: проблемы назначения и исполнения // Следователь. – 2001. – №3. – С. 5.

² Там же.

³ Фефелов П.А. Указ. соч. – С.37.

⁴ Так же, см.: Карпец И.И. Указ. соч. – С. 182-188, 191-208; Становский М.Н. Указ. соч. – С. 155-167.

зование влияет на причины и условия формирования преступных взглядов, однако объяснить совершение преступного факта только образовательным уровнем нельзя.

Анализ возрастных характеристик и семейного положения лиц показал, что наибольшее число привлеченных к уголовной ответственности (44%) являются лицами в возрасте от 21 до 30 лет; 41,5% составляют лица в возрасте от 30 до 40 лет; 6,3% – от 18 лет до 21 года; 5,7% – от 40 до 50 лет; на последнем месте находятся лица старше 50 лет (2,5%).

Наибольшее число лиц (61 %) ранее не состояли в браке, 7,6% ранее состояли в браке, но на момент совершения преступления находились в разводе. Состояли в законном браке 26,4%, в гражданском браке (сожительство) – 5%. Имели детей на момент привлечения к уголовной ответственности 29,6% лиц.

Особый интерес вызывает уголовно-правовая характеристика рассматриваемых лиц. В изученных мной уголовных делах 53,5% приходится на лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности (не включая наказание от отбывания которого лицо уклонилось), судимость которых не снята и не погашена. При этом более трети из них (36,5 %) имели две и более судимости.

Анализ предыдущих судимостей показывает, что за тяжкие и особо тяжкие преступления имели судимость 39% осужденных, за иные умышленные преступления – 43,4%, за неосторожные преступления – 17,6%.

Срок неотбытой части наказания, от отбывания которого уклоняется лицо при выезде за пределы исправительного учреждения составляет менее 6 месяцев у 23,9% осужденных; от 6 месяцев до 1 года – 18,2% осужденных; от 1 года до 2 лет – 21,4%; от 2 до 3 лет – 27,7%; более 3 лет – 8,8%. При этом осужденные были отпущены в выезд из исправительной колонии: находясь на обычных условиях отбывания наказания – 25 %; находясь на облегченных условиях отбывания наказания – 75 %.

Также нельзя обойти вопрос о том, как характеризовался осужденный администрацией исправительного учреждения. Так, 3,1% осужденных характеризовались как лица, вставшие на путь исправления; положительно характеризовались 28,3% осужденных; удовлетворительно (нейтрально) 59,1%; отрицательно – 9,5%. Имели на момент нахождения в выезде за пределами исправительного учреждения дисциплинарное взыскание 19,5% осужденных.

Думается, что учет социально-демографических и уголовно-правовых характеристик лиц важен для индивидуализации наказания и должен иметь место при назначении наказания судами. Здесь стоит прислушаться к мнению Т.Непомнящей, полагающей,

что для всестороннего учета личности виновного при назначении наказания судам следует обращать внимание и на психофизиологические данные личности (состояние психического и физического здоровья, совершение преступления в состоянии опьянения, особенности характера, темперамент), которые во многом содействуют выяснению обстоятельств совершенного преступления и условия, способствующих ему, а следовательно, назначению справедливой меры наказания виновному.¹ Также следует поддержать ее мнение и в части, касающейся включения в одно из постановлений Пленума Верховного Суда РФ, например, «О практике назначения судами уголовного наказания», три упомянутые классификационные группы данных, которые следует иметь в виду судам при учете личности виновного: 1) группа социально-демографических характеристик; 2) группа уголовно-правовых характеристик; 3) группа психофизиологических характеристик.² Безусловно, эти группы данных должны учитываться как в случае отрицательной характеристики личности виновного, так и положительной, а также и в том случае, если эти данные не оказывают непосредственного влияния на степень общественной опасности виновного, но учитываются при назначении наказания из соображений гуманности (например, состояние здоровья, престарелый возраст).

Вместе с тем объективная оценка личности виновного в приговорах суда отсутствует. Так, анализ описательной части приговоров показал, что в 36,2% из них суды ограничились лишь формальной ссылкой на то, что «при определении наказания суд учитывает личность подсудимого» либо «...данные, характеризующие личность подсудимого», в 22,9% приговорах вообще не упоминается о том, что при назначении наказания суд учел личность подсудимого. В отдельных приговорах (21,5%) имеются указания на несколько обстоятельств, характеризующих личность, – на характеристику личности – «личность подсудимого характеризуется положительно» и на то, что «подсудимый признает свою вину и в содеянном раскаивается». В 13,9% приговорах содержится указание лишь на то, что «подсудимый признает свою вину и в содеянном раскаивается». Указание на наличие у подсудимого малолетних детей содержится в 5,5% приговоров. Вместе с тем последнее указание не характеризует личность виновного, оно является обстоятельством, смягчающим наказание (п. «г» ч.1 ст.61 УК РФ), и его можно отнести к влияющим на назначенного наказания на условия жизни его семьи (ч.3 ст.60 УК РФ). Кроме того, указание на

¹ См.: Непомнящая Т. Указ. соч. – С. 31.

² Там же. – С. 32.

раскаяние в содеянном также является обстоятельством, смягчающим наказание, представляющим самостоятельное общее начало назначения наказания.

Таким образом, перечень данных, характеризующих личность виновного лица, которые указывают суды в приговорах, нельзя назвать обширным и глубоким по своему анализу. Безусловно, такая практика учета личности виновного негативно сказывается на назначении справедливого и гуманного наказания. В частности, вызывает сомнение справедливость решения Иланского районного суда Красноярского края, вынесшего 2 апреля 1998 года обвинительный приговор в отношении В.Г.Мезина по ст.314 УК РФ и назначившего ему наказание по данной статье 1 год 6 месяцев лишения свободы. Окончательное наказание по совокупности приговоров (частично присоединено неотбытое наказание в виде 2-х лет лишения свободы) определено в 3 года 6 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. В описательной части приговора отсутствуют какие-либо ссылки на учет судом личности виновного лица – самостоятельно общего начала назначения наказания.¹ Однако в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 года №1 «О судебном приговоре» указано, что «наказание в приговоре во всех случаях должно быть обозначено таким образом, чтобы при его исполнении не возникало никаких сомнений относительно вида и размера наказания, назначенного судом».²

Пятым общим началом назначения наказания является учет судами обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. Анализ таких обстоятельств позволяет говорить об определенных недостатках, допущенных органами предварительного следствия и суда при расследовании и рассмотрении уголовных дел. В этом плане, на мой взгляд, представляется достаточным изучить 14 приговоров, в которых наказание назначено по ст.314 УК РФ 1996 года (по остальным 130 приговорам наказание назначено по ст.188¹ УК РСФСР). В качестве смягчающего наказание лишь в 1 приговоре (7,1%) судом названо обстоятельство, прямо предусмотренное п. «г» ч.1 ст.61 УК РФ – наличие малолетних детей у виновного. В то же время в качестве смягчающих наказание в 10 приговорах (71,6%) указываются и иные обстоятельства, не предусмотренные общим перечнем в ч.1 ст.61 УК РФ:

¹ Архив Иланского районного суда Красноярского края. Уголовное дело №4099626, возбуждено 20 августа 1997 года.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 7. – С. 6.

- чистосердечное раскаяние – 30% (от общего количества таких дополнительных обстоятельств); признание вины – 10%;
- чистосердечное раскаяние, а также положительная характеристика – 30%;
- чистосердечное раскаяние, а также наличие несовершеннолетних детей на иждивении – 20%;
- чистосердечное раскаяние, а также положительная характеристика и наличие несовершеннолетних детей на иждивении – 10%.

В двух приговорах (14,2%) вообще ничего не говорится об учете судом таких обстоятельств. И только в одном случае указано, что обстоятельства, смягчающие наказание, не установлены (7,1%).

Необходимо отметить особенность учета судами таких обстоятельств, смягчающих наказание, как чистосердечное раскаяние и признание подсудимым своей вины. При анализе судебной практики видно, что суды наряду с чистосердечным раскаянием учитывают и признание подсудимым одной лишь только вины в совершении уклонения от отбывания лишения свободы. Относительно правомерности учета данного обстоятельства в литературе высказаны различные суждения. Так, согласно одной, более ранней позиции, возможность учета судом признания вины подсудимым допускается, поскольку такое признание свидетельствует о начавшемся раскаянии виновным, осуждении им своего поведения.¹ Данная позиция обоснованно, на мой взгляд, опровергается другой группой авторов.² Ведь признание вины и чистосердечное раскаяние – понятия далеко не равнозначные, потому как признание вины может иметь место не по причине «раскаяния» преступника, а под тяжестью собранных доказательств, и поэтому далеко не всегда может свидетельствовать о раскаянии виновного. При этом чистосердечное раскаяние представляет собой внутреннее моральное осуждение обвиняемым своего поступка, поэтому одного заявления о том, что он «раскаивается», недостаточно, чтобы признать такое раскаяние чистосердечным. В связи с этим о рас-

¹ Напр., см.: Бердический Л. Признание вины как смягчающее обстоятельство // Социалистическая законность. – 1956. – № 7. – С. 57-58; Мишнаевский Л. Осознание обвиняемым своей вины – основания для смягчения наказания // Социалистическая законность. – 1958. – №12. – С. 55.

² Напр., см.: Крахмальник Л. К вопросу о значении сознания обвиняемого / Л.Крахмальник, И.Ной, Г.Воробьев // Советская юстиция. – 1968. – №3. – С.52-53; Татарников В.Г. Индивидуализация наказания по отдельным категориям дел о тяжких и особо тяжких преступлениях против личности: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Иркутск: Иркутская государственная экономическая академия, 1998. – С.93.

каянии виновного, по справедливому замечанию В.Г.Татарникова, должно свидетельствовать все его поведение после совершения преступления. И поэтому о том, что признание вины является следствием чистосердечного раскаяния, может говорить, например, признание вины на раннем этапе производства по делу, а не тогда, когда против обвиняемого собраны достаточные доказательства по делу, последовательность и стабильность даваемых им показаний, их характер, обстоятельность и правдивость, а также осуждение своего поведения перед следователем и судом, твердое обещание исправиться.¹

Относительно обстоятельств, отягчающих наказание, следует указать на то, что судами в 6 приговорах (43%) было учтено лишь одно такое обстоятельство – рецидив преступлений (п. «а» ч.1 ст.63 УК РФ). В 4 приговорах (28,5%) вообще нет информации о том, учитывал суд такие обстоятельства или нет. В связи с этим становится непонятным отношение органов предварительного следствия и суда к таким обстоятельствам, неизвестно, принимались ли этими органами меры, направленные на установление отягчающих наказание обстоятельств. В 4 случаях (28,5%) имеется информация о том, что такие обстоятельства не обнаружены.

Необходимо обратить внимание на существенные недостатки, допущенные органами следствия и суда при установлении и учете обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание.

Во-первых, анализ нормы, посвященной общим началам назначения наказания, позволяет утверждать, что учет смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств является обязанностью, а не правом суда. Поэтому если в каком-то конкретном случае такие обстоятельства отсутствуют, то суд должен отметить это в приговоре. Однако рассмотренная практика назначения наказания говорит о том, что делается это не всегда.

Во-вторых, в некоторых случаях не был установлен и, соответственно, учтен рецидив преступлений как обстоятельство, отягчающее наказание, хотя из материалов уголовных дел следует, что наличие такого обстоятельства очевидно. Примером может послужить уголовное дело по обвинению В.С.Бондаренко в совершении преступления, предусмотренного ст.314 УК РФ. При назначении наказания 27 января 1998 года этому лицу суд не учел рецидив преступления в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Вместе с тем из материалов уголовного дела видно, что ранее В.С.Бондаренко 17 июня 1993 года был осужден по совокупности за умышленные преступления, предусмотренные ч.3 ст.93,

¹ См.: Татарников В.Г. Указ. соч. – С. 92, 94-95.

ч.2 ст.144 и ст.147 УК РСФСР, за которые судимости на 27 января 1998 года были не сняты и не погашены. Отбывая наказание в виде лишения свободы за указанные преступления, он уклонился от отбывания данного наказания, то есть также совершил умышленное преступление.¹ Поэтому рецидив преступлений, предусмотренный ст.18 УК РФ, здесь есть, так как имеются все признаки рецидива: в наличие два умышленных преступления, судимость за прежнее преступление не снята, лицо отбывало назначенное судом наказание за предыдущее преступление.

В-третьих, в соответствии с п.4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 года №40 «О практике назначения судами уголовного наказания» признание судом в качестве смягчающего наказание иного обстоятельства, не предусмотренного ч.1 ст.61 УК РФ, должно быть мотивировано в приговоре.² Однако ни в одном из изученных мной приговоров, где были указаны такие обстоятельства, не было соответствующей мотивировки. Думается, что оправданием может служить более позднее принятие указанного постановления, но все же акцентирование внимания на данном вопросе Пленумом Верховного Суда РФ говорит о такой практике как негативной и требующей исправления.

Таким образом, указанные недостатки, связанные с установлением обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, свидетельствуют о необходимости судов должным образом обращать внимание на их устранение. Это позволит совершенствовать практику назначения наказания за уклонение от отбывания лишения свободы, ведь всесторонний учет таких обстоятельств – это важное начало назначения наказания, неотъемлемое соблюдение условий индивидуализации наказания и реализации принципов законности, справедливости и гуманизма.

И последнее общее начало назначения наказания – это учет при назначении наказания судом влияния, которое окажет назначенное наказание на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. В силу того, что данное общее правило назначения наказания введено в уголовное законодательство Уголовным кодексом России впервые – ч.3 ст.60 УК РФ, его анализ необходим только в тех 14 приговорах, в которых наказание назначено по ст.314 УК РФ 1996 года.

Разъяснения по вопросу о том, что именно судам следует учитывать в данном случае, даны в п.3 постановления Пленума

¹ Архив Иланского районного суда Красноярского края. Уголовное дело №4099353, возбуждено 19 декабря 1997 года.

² См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – №8. – С.3.

Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 года №40 «О практике назначения судами уголовного наказания»¹.

Среди изученных приговоров лишь в одном (7,1%) из них было указано, что суд учитывает влияние назначенного наказания на условия жизни семьи осужденного. Вместе с тем эта общая фраза не позволяет судить о том, что суд на самом деле учел данное общее начало назначения наказания. В 13 приговорах (92,9%) – абсолютном большинстве – суды вообще не делают ссылок на рассматриваемое общее начало назначения наказания. Однако учет рассматриваемого общего начала назначения наказания также является обязанностью, а не правом суда, поэтому если в каком-то конкретном случае такие обстоятельства, при которых назначенное наказание может оказать влияние на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, отсутствуют, суд должен отметить это в приговоре. Это окажет позитивное воздействие на справедливость наказания и правильный выбор судом вида и размера наказания, особенностей его исполнения.

В рамках рассмотрения проблем учета судами общих начал назначения наказания остановлюсь еще на одном вопросе. Нередко различные обстоятельства, учитываемые судами при назначении наказания, в приговорах излагаются бессистемно, «кучей», без разнесения их по определенным группам. В частности, в описательной части одного из приговоров – по обвинению М.И.Какаулина в совершении преступления, предусмотренного ст.188¹ УК РСФСР, – отмечается следующее: «При определении вида и меры наказания суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, обстоятельства дела, личность подсудимого и принимает во внимание, что подсудимый полностью признал свою вину, раскаялся в содеянном, что суд признает обстоятельствами, смягчающими вину»². Здесь изложены далеко не все критерии, отражающие учет общих правил назначения наказания, и не в полной мере, а главное, не ясна логика последовательности их изложения и отнесение к тем или иным общим началам назначения наказания, о чем можно лишь догадываться. Подобные формулировки далеко не единичны.

Таким образом, в целях совершенствования назначения наказания за уклонение от отбывания лишения свободы необходимо полностью раскрывать и анализировать в описательной части приговоров общие начала назначения наказания, причем в той после-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – №8. – С.3.

² Архив Свердловского районного суда г.Красноярска. Уголовное дело №2044238, возбуждено 28 ноября 1995 года.

довательности, в которой они обозначены в ст.60 УК РФ. Только такой подход может адекватнее отразить общественную опасность содеянного и свидетельствовать о полной индивидуализации наказания в соответствии со строгим соблюдением принципов законности, справедливости и гуманизма. Однако приходится констатировать, что в исследованных приговорах этого, к сожалению, не происходит.

Рассматривая назначение наказания за уклонение от отбывания лишения свободы необходимо отразить и особенности его назначения по совокупности с другими преступлениями и приговорами (неотбытой частью приговора). На актуальность поднятого вопроса указывают результаты судебной практики, где в 100% приговоров наказание было назначено по совокупности приговоров. Такой показатель объясняется спецификой исследуемого преступления, которое совершается в период исполнения наказания в виде лишения свободы, от отбывания которого и уклоняется лицо.

Уголовному праву известны три правила назначения наказания по совокупности приговоров: частичное либо полное присоединение наказаний, назначенных по отдельным приговорам, поглощение неотбытого наказания по ранее вынесенному приговору более строгим (когда за последнее преступление суд назначает максимальный срок, установленный законом для данного вида наказания).

Изучение карательной практики показало, что при определении окончательного наказания суды в основном указывают на использование правила частичного присоединения наказаний, назначенных по отдельным приговорам. Однако данная тенденция судебной карательной практики видится неверной. Ведь очевидно, что, с одной стороны, карательных притязаний государства и исправительного эффекта наказания, от отбывания которого уклонилось осужденное лицо, в своей первоначальной дозировке оказалось недостаточно, с другой – виновное лицо при назначении ему наказания по совокупности приговоров серьезно воспринимает именно окончательное наказание, определенное по совокупности приговоров, а не наказание, назначенное за вновь совершенное преступление, в частности за уклонение от отбывания лишения свободы. Следовательно, наиболее адекватным будет предложение о расширении практики применения правила полного присоединения наказаний, назначенных по совокупности приговоров. Поддержка законодателем данного предложения, в частности посредством дополнения ст.70 УК РФ указанием на невозможность применения правила частичного присоединения наказаний в случае, если имеется возможность использовать правило полного присое-

динения наказаний, способствовала бы его общеобязательному и широкому применению.

Вместе с этим, применяя правила назначения наказания по совокупности приговоров, судами допускаются некоторые ошибки.

Так, в отдельных случаях суды указывают на применение правила частичного присоединения наказаний, однако фактически наблюдается применение правила полного присоединения наказаний, назначенных по отдельным приговорам. Так, И.В.Захаренко суд признал виновным в совершении преступления, предусмотренного ст.314 УК РФ, и назначил ему за данное преступление наказание в виде 1 года лишения свободы. Затем суд частично присоединил В.И.Захаренко наказание, неотбытое по прежнему приговору суда, в виде 6 месяцев лишения свободы и к окончательному наказанию определил 1 год и 6 месяцев лишения свободы.¹ Однако очевидно, что в этом случае суд применил правило не частичного, а полного присоединения наказаний, назначенных по отдельным приговорам.

Подобные ошибки можно встретить и при использовании правил назначения наказания по совокупности преступлений. В частности, Нижне-Ингашский районный суд Красноярского края 6 марта 1997 года осудил К.К.Шулындина по совокупности преступлений – п.п. «а», «б», «в», «г» ч.2 ст.158 УК РФ 1996 года и ст.188¹ УК РСФСР 1960 года соответственно к 1 и 4 годам лишения свободы, назначив путем поглощения менее строго наказания более строгим 4 года лишения свободы. Окончательно к отбытию было назначено по совокупности приговоров 4 года 3 месяца лишения свободы.² Вместе с тем правило поглощения наказаний по совокупности преступлений целесообразно применять в тех случаях, когда образующие совокупность деяния существенно отличаются друг от друга общественной опасностью. На мой взгляд, уклонение от отбывания лишения свободы и квалифицированная кража не настолько разнородны по своей общественной опасности, чтобы в силу этого при назначении наказания можно было применить указанное правило. Ведь если поставить возможность и вероятность совершения хищения чужого имущества в зависимость от чего-либо, то в данном случае такая зависимость находится в прямой и необходимой связи с уклонением лица от отбывания лишения свободы. Поэтому более приемлемым считаю использование в

¹ Архив Иланского районного суда Красноярского края. Уголовное дело №639428, возбуждено 31 октября 1990 года.

² Архив Нижне-Ингашского районного суда Красноярского края. Уголовное дело № 3136293, возбуждено 30 апреля 1996 года.

подобных случаях правило частичного сложения наказаний, вынесенных за отдельные преступления.

Данный пример говорит о достаточно лояльном подходе судов к назначению наказания по совокупности, порождающем низкое использование карательного потенциала наказания. В связи с этим при назначении наказания за уклонение от отбывания лишения свободы по совокупности с другими преступлениями целесообразно отдавать предпочтение правилу полного либо частичного сложения, поскольку это в полной мере соответствует принципу неотвратимости наказания и эффективности предупредительного воздействия наказания. Низкие карательные и частнопредупредительные возможности поглощенных наказаний подтверждаются и мнениями ученых, занимающихся общими вопросами данной проблематики.¹

Решение вышеобозначенных вопросов, по моему мнению, также требует своего рассмотрения и Пленумом Верховного Суда Российской Федерации.

На основании вышеизложенного полагаю, что практика назначения наказания за уклонение от отбывания лишения свободы должна адекватно отражать общественную опасность содеянного и личность виновного. Полный и всесторонний анализ всех обстоятельств дела, юридических признаков уклонения от отбывания лишения свободы и общих начал назначения наказания позволит совершенствовать практику применения ст.314 УК РФ. Вместе с тем одним из препятствий, затрудняющих применение исследуемой нормы, является проблема несовершенства действующего законодательства, анализу и рекомендациям разрешения которого посвящен второй параграф настоящей главы.

§ 2. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы

Изучение правоприменительной практики показывает, что несовершенство действующего законодательства остается одной из главных причин низкой результативности деятельности правоохранительных органов и суда по привлечению к уголовной ответственности и наказанию виновных лиц. Поиск возможных путей повышения потенциала норм, регламентирующих уголовную ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы, со-

¹ См.: Бажанов М.И. Указ. соч. – С. 102.

пряжен с обоснованием целесообразности такого исследования и необходимостью высокого уровня законодательной техники при конструировании соответствующих норм. На необходимость совершенствования уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы, в связи с тем, что ее содержание не в полной мере отвечает требованиям обеспечения реализации лишения свободы и недостаточно адекватно корреспондирует положениям уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, указывалось учеными как до¹, так и после принятия действующего уголовного закона.² Таким образом, посредством практики применения уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст.314 УК РФ, и таких указаний становится видимой её реальная эффективность. Ведь, как отмечается исследователями эффективности норм права, именно в процессе реализации соответствующей нормы становится ясной ее действительная эффективность.³

Особо хочется отметить целесообразность взаимосвязанной проработки проблемы совершенствования законодательной регламентации уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы с позиций всех трех отраслей уголовно-правового комплекса. «В противном случае, – справедливо отмечает П.Г.Пономарев, – отдельные уголовно-правовые нормы могут остаться без должного уголовно-процессуального либо уголовно-исполнительного обеспечения»⁴. Говоря иначе, система противодействия социально негативным явлениям будет иметь успех, как отмечает В.И. Горобцов, лишь при условии обеспечения субъектов надлежащим арсеналом средств воздействия, а это достигается именно нормативно-правовым регулированием борьбы с общест-

¹ Напр., см.: Абдрахманова Е.Р. Указ. соч. – С.23.

² Напр., см.: Чучаев А., Смышляев В. Проблемы совершенствования уголовно-правового механизма реализации лишения свободы // Уголовное право. – 2000. – №2. – С.70; Друзин А.И. Уголовно-правовое обеспечение реализации судебного акта: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань: Юридический институт МВД России, 2001. – С.24-25.

³ Напр., см.: Жинкин С.А. Некоторые проблемы видов эффективности норм права // Журнал российского права. – 2004. – №2. – С.32.

⁴ Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории (Конференция В ИГП РАН) // Государство и право. – 1994. – №6. – С. 47.

венно опасными проявлениями блоком уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.¹

В этом контексте представляет интерес мнение сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы по поводу причин, вызывающих проблемы применения нормы об ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы. Так, основная масса опрошенных (33 %) считает такой причиной слабо наработанную судебную практику применения ст.314 УК РФ. Далее ответы распределились следующим образом:

– 25% – отсутствие четких критериев разграничения данного преступления и дисциплинарных проступков осужденных (например, опоздания);

– 19% – несовершенство уголовного законодательства;

– 11% – несовершенство уголовно-исполнительного законодательства;

– 6% – отсутствие соответствующих разъяснений Верховного Суда РФ;

– 4% – несовершенство уголовно-процессуального законодательства;

– 2% – затруднились ответить.

Изложенное свидетельствует о наличии широкого спектра причин, вызывающих проблемы применения данной нормы, в том числе о несовершенстве всех трех отраслей уголовно-правового комплекса. Данная ситуация обуславливает социальный заказ на поиск новых правовых мер борьбы с уклонениями от отбывания лишения свободы. Становится очевидным тот факт, что первоочередной задачей здесь является анализ и обобщение практики применения нормы (проблема решения этой задачи стояла на протяжении всего монографического исследования) и, соответственно, относительно простой способ – принятие необходимого постановления Пленума Верховного Суда РФ. В дальнейшем, на мой взгляд, требуется серьезное изучение теоретических аспектов проблемы. При этом такое исследование и логично идущие вслед ему предложения должны вывести из-под спуда средства и методы преодоления существующих коллизий и недостатков уголовного закона. Безусловно, что данные предложения должны основываться на тщательном предварительном изучении общественных отношений, подлежащих правовому регулированию и охране, определении наиболее оптимальных средств и методов криминализа-

¹ См.: Горобцов В.И. Теоретические проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия: Монография. – Орел: Высшая школа МВД России, 1995. – С. 126-127.

ции, проведении сравнительно-правовых исследований для определения возможных вариантов законодательных новелл и их гармоничном сочетании с предметом и методом уголовно-правового регулирования.¹

Теоретической основой совершенствования уголовно-правовых мер об ответственности за преступление, предусмотренное ст.314 УК РФ, выступает положение о том, что с позиций регламентации каждой отрасли права своего круга общественных отношений и урегулирования различными отраслями права присущих только им граней сходных общественных отношений² возникает вопрос о вторжении в сферу регулирования уголовного права норм других отраслей права, обнаруживается дилемма соотношения норм Общей и Особенной частей одной отрасли права. Теоретической предпосылкой тому может послужить также распространённое мнение о том, что нормы Общей части создают юридическую базу для дальнейшего совершенствования всей отрасли законодательства. В.И.Горобцов отмечал, что в уголовно-исполнительном законодательстве такой нормой выступает ст.2 УИК РФ.³ На мой взгляд, аналогичным образом ст.ст.1 и 2 УК РФ можно положить в основу совершенствования законодательного регулирования охраняемых уголовным законом общественных отношений. На этой основе в целях отражения сути и решения задач уголовного закона усматривается ряд проблем, нуждающихся в теоретическом осмыслении и, что более важно, законодательном урегулировании.

Так, считаю необходимым правильно определить границы поставленного под охрану общественного отношения, а следовательно, и границы действия уголовно-правовой нормы путем расширения круга субъектов рассматриваемого преступления. Это, кроме того, позволит установить соответствие между уголовными и уголовно-исполнительными нормами.

¹ В целом можно говорить о наличии особой системы требования, предъявляемых к законодательной технике (в частности, см.: Архипцев Н.И. Уголовно-правовое законодательство: проблемы и перспективы совершенствования // Журнал российского права. – 2004. – № 2. – С. 57-58).

² В рассматриваемом контексте подробнее об общественных отношениях как объекте уголовно-правового регулирования см.: Горелик А.С., Фундаментальное исследование / А.С.Горелик, В.И.Горобцов, А.Н.Тарбагаев, А.В.Усс: Рец. на кн.: Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. – СПб., 1999. // Правоведение. – 2000. – № 1. – С. 284-286.

³ См.: Горобцов В.И. Предмет уголовно-исполнительного права: эволюция, современное состояние, перспективы развития... – С. 16.

Субъектом уклонения от отбывания лишения свободы могут выступать осужденные лица, в отношении которых установлена обязанность возвратиться в определенный администрацией исправительного учреждения срок в место лишения свободы из предоставленного на основании ст.97 УИК РФ выезда за пределы места лишения свободы. Вместе с тем данная норма не учитывает той категории осужденных лиц, которым уголовно-исполнительное законодательство предоставляет возможность убытия за пределы места исполнения наказания не только посредством указанных выездов, но и по другим основаниям. В свое время В.Я.Таций указывал на то, что законодательное сужение круга субъектов преступления зачастую способствует необоснованному ограничению действия уголовно-правовой нормы.¹ В силу этого полагаю необходимым включить в круг субъектов уклонения от отбывания лишения свободы:

1) осужденных лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, которым согласно ст.89 УИК РФ предоставляются длительные свидания с родными и иными лицами продолжительностью до пяти суток вне территории исправительного учреждения;

2) осужденных лиц, отбывающих наказание в колониях-поселениях, к которым в силу ч.2 ст.113 УИК РФ может применяться мера поощрения в виде разрешения на проведение за пределами колонии-поселения выходных и праздничных дней;

3) осужденных лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях в облегченных условиях, которые в порядке п. «б» ч.2 ст.133 УИК РФ имеют право на длительные свидания за пределами воспитательной колонии, а также осужденных лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях в льготных условиях, которые в силу п. «г» ч.3 ст.133 УИК РФ имеют право на длительные свидания с проживанием за пределами воспитательной колонии;

4) осужденных к лишению свободы с отбыванием наказания в воспитательных колониях, которым, исходя из п.п. «а» и «б» ст.134 УИК РФ, в качестве меры поощрения предоставляется право посещения культурно-зрелищных и спортивных мероприятий за пределами воспитательной колонии, а также обычное право выхода за пределы воспитательной колонии.

Перечисленные выходы за пределы исправительных учреждений легальны, в этом отношении они с юридической позиции однородны с выездами осужденных по различным основаниям в отпуска.

¹ См.: Таций В.Я. Указ. соч. – С. 27.

Определенный интерес по рассматриваемой проблеме представляет мнение сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы. Так, большинство из них (34%) указали на то, что уголовно-правовая норма, предусмотренная ст.314 УК РФ, не имеет исчерпывающего содержания, поэтому она должна охватывать и случаи неприбытия в исправительное учреждение из длительного свидания за пределами воспитательной колонии, 25% опрошенных в этом качестве отметили невозвращение в исправительное учреждение из предоставляемого в качестве меры поощрения посещения культурно-зрелищных и спортивных мероприятий за пределами воспитательной колонии.

Некоторые авторы, например Н.Барабанов и А.Фещук, выходы несовершеннолетних осужденных за пределы исправительного учреждения относят к разновидностям краткосрочного выезда.¹ Согласно такой логике невозвращение несовершеннолетних лиц из рассматриваемых выходов за пределы места лишения свободы надлежит квалифицировать по ст.314 УК РФ. Однако это обстоятельство не может служить основанием для квалификации действий лица, уклоняющегося от дальнейшего отбывания наказания по истечению срока посещения культурно-зрелищных и спортивных мероприятий за пределами воспитательной колонии, а также выхода, по ст.314 УК РФ, так как в диспозиции данной уголовно-правовой нормы говорится исключительно о выездах, регламентируемых ст.97 УИК РФ. Думаю, что данные выходы на культурно-зрелищные и спортивные мероприятия нельзя интерпретировать как краткосрочные выезды и тем самым давать этим понятиям однозначную юридическую оценку. Полагаю, что указанные выходы и краткосрочные выезды имеют разное смысловое и содержательное значение. В случае их юридического отождествления нарушается ряд правил (требований), предъявляемых к тексту закона, а именно: а) «один и тот же термин в том или ином нормативно-правовом акте должен употребляться однозначно»²; б) термины должны сохранять и нести свой особый смысл в каждом новом правовом акте; в) определение термина должно строго соответствовать объему и отражать действительное содержание выражено-

¹ См.: Барабанов Н., Фещук А. Правовые основания предоставления отпусков осужденным к лишению свободы в Российской Федерации // Человек: преступление и наказание (Вестник Рязанского института права и экономики Минюста России). – 1999. – № 2. – С.40.

² Милославская Д. Трудности семантической интерпретации юридического текста // Российская юстиция. – 2000. – № 3. – С.45.

го им понятия (социально-правового явления).¹ Несоблюдение изложенных выше элементарных условий формирования юридической терминологии, на мой взгляд, не позволит осуществлять четкую и правильную квалификацию преступных деяний.

Действия указанных лиц, направленные на избежание дальнейшего отбывания наказания путем невозвращения в воспитательную колонию по истечении срока предоставленных свидания или выхода за пределы места лишения свободы, по моему мнению, нельзя квалифицировать по ст.313 УК РФ. Так, суть побега состоит в самовольном и незаконном оставлении места лишения свободы и именно в этом заключается ядро общественной опасности побега. Уклонение же возможно только в случае оставления места отбывания наказания на условиях и в порядке, предусмотренных законодательством. Кроме того, в некоторых случаях законодатель специально подчеркивает «высокую» легитимность таких выходов, в частности, указывая в ст.135 УИК РФ на то, что осужденным, которым в порядке поощрения предоставлено право посещения культурно-зрелищных и спортивных мероприятий за пределами воспитательной колонии или право выхода за пределы колонии, выдается принадлежащая им гражданская одежда.

В качестве дополнительного аргумента в пользу предложения о необходимости включить рассматриваемый круг осужденных лиц в перечень субъектов уклонения от отбывания лишения свободы следует рассматривать и то обстоятельство, что судебная практика, в принципе, уже идет по такому пути. Поэтому данное предложение, на мой взгляд, не является искусственным, по сути, оно направлено на нормативное закрепление уже реально сложившейся практики привлечения к уголовной ответственности, то есть речь идет о переводе существующей «де-факто» ситуации на уровень «де-юре». Так, отбывающему наказание в колонии-поселении при ИТК-272/14 г.Ангарска Иркутской области А.Н.Трапезаеву администрацией исправительного учреждения в 1995 году с 17 часов 11 февраля до 8 часов 13 числа того же месяца был предоставлен выезд за пределы колонии-поселения с обоснованием: «на выходные дни». По истечении срока предоставленного выезда осужденный А.Н.Трапезаев в место отбывания нака-

¹ Более подробно о требованиях к юридической терминологии см.: Кузнецова Н. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона // Социалистическая законность. – 1973. – № 9. – С.29-33; Панов Н.И. О точности норм уголовного права и совершенствовании законодательной техники // Правоведение. – 1987. – № 4. – С.79-82; Милославская Д. Указ. соч. – С.45-47; Кострова М. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона // Уголовное право. – 2001. – №4. – С.41-44.

зания не вернулся.¹ В результате было возбуждено уголовное дело по ст.188¹ УК РСФСР 1960 года (уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы). Другой пример. Г.Ю.Грекову, отбывающему наказание в воспитательной колонии г. Канска Красноярского края, с 10 часов 22 июня 1994 года до 14 часов этого же дня согласно ст.26 ИТК РСФСР было предоставлено свидание за пределами исправительного учреждения с его матерью. По истечении срока предоставленного свидания осужденный в воспитательную колонию не вернулся. В связи с этим было возбуждено уголовное дело по ст.188¹ УК РСФСР 1960 года (уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы).²

Показателен опыт законодательства отдельных государств. Например, уголовное законодательство Польши в §2 ст.242 регламентирует, что уголовной ответственности за невозвращение в пенитенциарное учреждение или место предварительного заключения подлежат лица, которым было разрешено временно покинуть эти места без надзора.³ Расширение круга субъектов преступления согласно этой формулировке не вызывает сомнения.

Таким образом, указанный круг осужденных лиц, как мне представляется, следует на законодательном уровне включить в перечень субъектов уклонения от отбывания лишения свободы.

В контексте вышеизложенного отмечу, что не совсем верным будет предложение Ю.М.Ткачевского⁴ о включении в круг субъектов исследуемого преступления группы осужденных лиц, которые имеют право: а) передвижения без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения (ст.96 УИК РФ); б) проживания и работы за пределами исправительной колонии (ч.3 ст.121 УИК РФ); в) передвижения без надзора вне территории колонии-поселения (п. «а» ч.1 ст.129 УИК РФ). Во-первых, эта группа лиц, находясь за пределами исправительного учреждения, обязана соблюдать ряд режимных требований: соблюдать маршрут и время передвижения, проживать и работать под надзором администрации исправительной колонии, находиться в пределах террито-

¹ Архив Ангарского городского суда Иркутской области. Уголовное дело №21303, возбуждено 15 февраля 1995 года.

² Архив Красноярской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях. Уголовное дело №1097424, возбуждено 4 июля 1994 года.

³ Уголовный кодекс Республики Польша / Под общ. ред. Н.Ф.Кузнецовой. – Минск: Тесей, 1998. – С. 85.

⁴ См.: Ткачевский Ю.М. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы // Вестник Московского ун-та. Серия 11 (Право). – 2001. – №5. – С.12.

рии соответствующего административно-территориального образования. Во-вторых, эти меры не носят кратковременного характера, их состояние может длиться неопределенное время (естественно, в рамках срока наказания). И, в-третьих, они не обладают свойством «исключительности», не носят вынужденного характера, как, например, выезды за пределы исправительного учреждения в порядке ст.97 УИК РФ, которые направлены на организованно упорядоченные возможности удовлетворения конкретных социально значимых и, как правило, первоочередных потребностей осужденными и их близкими родственниками.

В предмет правового регулирования ст.314 УК РФ не следует, на мой взгляд, включать и порядок реализации краткосрочных выездов в порядке ч.3 ст.48 УИК РФ осужденным, которым неотбытая часть лишения свободы заменена ограничением свободы. Так, согласно указанной уголовно-исполнительной норме, данной категории осужденных администрацией исправительного учреждения может быть разрешен краткосрочный выезд на срок до пяти суток без учета времени нахождения в пути с последующим самостоятельным прибытием в исправительный центр. Последующее уклонение осужденного лица от прибытия в исправительный центр не будет юридически расцениваться как уклонение от отбывания лишения свободы, поскольку с момента выезда он фактически находится в сфере общественных отношений по исполнению иного, нежели лишение свободы, наказания – ограничения свободы. Об этом свидетельствует, в частности, то, что с момента выезда время отбывания наказания засчитывается в срок ограничения свободы, сам выезд регулируется в рамках главы 8 УИК РФ «Исполнение наказания в виде ограничения свободы», на осужденное лицо уже не распространяются режимные требования лишения свободы. Поэтому следование осужденного лица в исправительный центр будет регулироваться в рамках общественных отношений, регламентирующих исполнение наказания в виде ограничения свободы. Соответственно, последующее неприбытие этого лица в исправительный центр является уклонением от отбывания ограничения свободы, но не лишения свободы.

Вполне понятно, что высказанные суждения ни в коей мере не претендуют на категоричность и не могут рассматриваться в качестве «истины в последней инстанции». Однако считаю возможным конструирование отдельных норм, предусматривающих уголовную ответственность за уклонение от дальнейшего отбывания наказания в виде: 1) лишения свободы лиц, находящихся в условиях, создаваемых и регламентируемых ст.96, ч.3 ст.121, п. «а» ч.1 ст.129 УИК РФ (ведь общественная опасность такого деяния

ниже, чем побега, сопряженного с преодолением границ исправительного учреждения); 2) ограничения свободы лиц, направленных в исправительные центры в порядке ч.3 ст.48 УИК РФ.¹ Но данные соображения не относятся к предмету настоящего исследования, поэтому нет оснований подробно на них останавливаться.

Определенный интерес представляет и выяснение вопроса о законодательном расширении субъекта уклонения от отбывания лишения свободы при исследовании института отсрочки отбывания наказания. Так, законодатель в ст.82 УК РФ предусмотрел отсрочку отбывания наказания осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет. Развивая это положение, уголовно-исполнительное законодательство регламентирует предоставление отсрочки отбывания наказания указанной категории лиц, содержащихся, однако, только в исправительной колонии (ч.1 ст.177 УИК РФ), упуская из виду тех женщин, которые отбывают наказание в воспитательной колонии.

Исходя из этого можно предположить, что женщины, осужденные к отбыванию наказания в виде лишения свободы, имеющие, согласно ст.82 УК РФ, право на отсрочку, не могут его реализовать, если отбывают это наказание в воспитательной колонии. Не совсем ясно, какие мотивы способствовали исключению законодателем возможности отсрочки отбывания наказания женщинам, содержащимся в воспитательных колониях. Думается, что подобный подход не оправдан. Так, администрация исправительного учреждения при принятии решения о применении отсрочки отбывания наказания отмеченной категории женщин исходит из конкретной жизненной ситуации и интересов матери и будущего либо малолетнего ребенка (жилищно-бытовые условия, согласие родственников принять мать с ребенком, обстановка в семье и т.п.).² При этом подобная ситуация может быть более благоприятной у женщины, которая содержится в воспитательной колонии, нежели у женщины, находящейся в исправительной колонии и в силу этого формально имеющей такое право. В пользу данного решения говорит и то, что уголовное законодательство не указывает, в каком именно исправительном учреждении и на каких условиях

¹ Представляется, что это далеко не единственное подобного рода предложение, так как перспективное создание и введение в действие исправительных центров, вероятно, приведет к массе правовых новелл, направленных на создание системы правового регулирования охраны сферы исполнения наказания в виде ограничения свободы.

² Подр. см.: Ефремов А., Хохлова В. Ребенок в колонии // Законность. – 1997. – № 7. – С. 6-8.

должна содержаться женщина, которой может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания (ст.82 УК РФ).¹

Поэтому для того, чтобы обеспечить принцип равенства осужденных перед законом, считаю необходимым дополнить уголовно-исполнительное законодательство положением, предоставляющим отсрочку отбывания наказания осужденным беременным женщинам и осужденным женщинам, имеющим малолетних детей, отбывающим наказание не только в исправительных, но и в воспитательных колониях. Для этого ч.1 ст.177 УИК РФ представляется верным изложить в следующей редакции: «Осужденным беременным женщинам и осужденным женщинам, имеющим малолетних детей, отбывающим наказание в исправительной и воспитательной колониях, судом может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста».

В таком случае обеспечение реализации лишения свободы в воспитательных колониях, в которых отбывают лишение свободы несовершеннолетние лица женского пола, будет охраняться ст.314 УК РФ и в части предоставления осужденным отсрочки отбывания наказания.

По моему мнению, проблема совершенствования уголовно-правовых мер об ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы в равной степени касается и законодательной техники конструирования диспозиции ст.314 УК РФ. Представляется, что исследуемая уголовно-правовая норма в силу погрешностей в законодательной формулировке диспозиции не имеет четкого содержания. Многосмысленность же любого юридического текста, как верно отмечает В.В.Суслов, зачастую приводит к неадекватному восприятию содержания закона, к неосновательной интерпретации законодательной нормы, что влечет вынесение неправосудных решений по уголовным делам.² Следует помнить, что одним из оснований отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке является, согласно п.3 ст.379 УПК РФ, неправильное применение уголовного закона. Неправильное же истолкование закона, противоречащее его точному смыслу, доктрина уголовного права рассматривает как вариант неправильного применения закона.

Так, одним из пробелов законодательной формулировки диспозиции анализируемой нормы является указание на «невозвраще-

¹ Замечу, что за последнее время вырос удельный вес лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях, который, например, к ноябрю 1999 года составил 5,4%, от общего числа лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

² См.: Суслов В.В. Указ. соч. – С.115.

ние лица, осужденного к лишению свободы». Как верно отмечает Л.Лобанова, такой признак состава уклонения от отбывания лишения свободы, как «невозвращение» предполагает, что субъектом этого преступления может быть лишь лицо, которое уже содержалось в местах лишения свободы, а лицо, которому предоставлена отсрочка исполнения приговора, таким качеством не обладает.¹ Основываясь на необходимости буквального толкования закона, можно предположить, что такая формулировка, как «невозвращение лица... по истечении срока... отсрочки» является нелогичной, неприменимой при квалификации содеянного.

Приведенный пример иллюстрирует наличие в диспозиции ст.314 УК РФ определенной терминологической неточности. Размышляя о причинах такого положения, приведу высказывание Н.И. Панова, который справедливо отмечал, что «главное назначение терминов, используемых законодателем для описания отдельных преступлений, – отражение их действительного содержания. Это означает, что слова или словесные комплексы, включенные в нормы УК, должны отличаться высокой информативностью, однозначностью, семантической жесткостью»². Термины, употребляемые в нормах уголовного права, должны выступать особыми знаковыми единицами, четко концентрирующими соответствующую ступень знаний об уголовно-правовых категориях, однозначно их отражающими. Необходимо, чтобы характеристика преступления оказалась выраженной посредством признаков, отличающихся конкретностью, достаточной четкостью, определенностью. Это также позволит исключить их произвольную интерпретацию, ведь «специфика языка права определяется необходимостью точно передать взаимосвязь юридических понятий и нюансов мысли законодателя»³.

Опрос сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы относительно данной терминологической неточности показал, что основная масса из них (67%) также видит здесь проблему. Придать же содержанию нормы однозначность и языковую определенность, по мнению респондентов, следует путем дополнения в диспозицию нормы после слова «невозвращение» словосочетание «или неявки». Иные способы устранения такого несоответствия предлагаются и в специальной литературе. Например, Л.В.Лобанова предлагает исключить из

¹ См.: Лобанова Л. Субъект уклонения от отбывания лишения свободы // Законность. – 1999. – № 3. – С. 33.

² Панов Н.И. Указ. соч. – С. 80.

³ Ивакина Н. Русский язык российского права // Российский следователь. – 2000. – № 7. – С.27.

круга субъектов уклонения от отбывания лишения свободы лиц, которым предоставляется отсрочка исполнения приговора.¹ Считают целесообразным вовсе не употреблять в ст.314 УК РФ термин «невозвращение» А.Чучаев, В.Смышляев, заменив его словосочетанием «уклонение от отбывания наказания»². Мне решение данной проблемы представляется иным образом.

Поиск оптимальной формулировки исследуемой уголовно-правовой нормы невозможен без ответа на два вопроса: 1) когда (в каком случае) возможно уклонение осужденного лица от отбывания наказания в виде лишения свободы при отмене отсрочки отбывания наказания либо отсрочки исполнения приговора суда; 2) в чем выражается уклонение осужденного лица от отбывания наказания в виде лишения свободы при отмене отсрочки отбывания наказания либо отсрочки исполнения приговора суда.

Исходным моментом при решении первого вопроса выступает то обстоятельство, что лицо, которому предоставлена отсрочка исполнения приговора суда, может уклоняться от отбывания наказания не только по истечении срока такой отсрочки, но и при ее отмене, случаи которой подробно рассмотрены при анализе объективных признаков исследуемого в настоящей монографии преступления. Более того, лицо, которому предоставлена отсрочка отбывания наказания, может уклоняться от отбывания наказания только в случае отмены такой отсрочки, так как при истечении срока отсрочки исполнения приговора суд, в соответствии с ч.3 ст.82 УК РФ, принимает одно из двух решений: 1) освобождает осужденную от отбывания наказания или оставшейся части наказания; 2) заменяет оставшуюся часть наказания более мягким видом наказания. Безусловно, что здесь закон отрицает возможность дальнейшего отбывания осужденной женщиной наказания в виде лишения свободы. На основании таких доводов видится единственно верным изменить формулировку ст.314 УК РФ, указав в ней на то обстоятельство, что, во-первых, при отсрочке исполнения приговора суда уклоняться от отбывания лишения свободы лицо может не только по истечению срока такой отсрочки, но и при ее отмене и, во-вторых, при отсрочке отбывания наказания – исключительно при отмене такой отсрочки.

Решение второго вопроса основывается на том, что момент окончания уклонения осужденного от отбывания лишения свободы, которому была предоставлена отсрочка отбывания наказания либо отсрочка исполнения приговора суда, состоит в неисполне-

¹ См.: Лобанова Л. Субъект уклонения... – С. 33.

² См.: Чучаев А., Смышляев В. Указ. соч. – С. 70.

нии обязанности прибыть в суд. Закон не предусматривает обязанности или даже возможности такого лица по окончании срока отсрочки исполнения приговора прибыть в место лишения свободы, как это он делает по отношению к лицам, которым предоставлено право на выезд за пределы исправительного учреждения (ч.11 ст.97 УИК РФ). Кроме того, при отмене отсрочки и направлении осужденного в место отбывания наказания туда он в обязательном порядке направляется не самостоятельно, а под конвоем (ч.1 ст.76 УИК РФ).

В связи с изложенным Л.В.Лобанова считает, что «если в законе и должна устанавливаться ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы для лиц, которым исполнение наказания было по тем или иным основаниям отсрочено, то это должно касаться такого поведения осужденного, как сокрытие от суда»¹. В этом случае представляется верным наименование нормы уточнить данным термином – сокрытие от суда. В диспозиции нормы следует закрепить такой термин как «неявка в суд»². На мой взгляд, «неявка в суд» – соразмерное определение, то есть оно соответствует основному правилу формальной логики, предъявляемому к подобного рода определениям – соотношение объема понятий. Так, объем определяющего («неявка в суд») и объем определяемого выражений (поведение, состоящее в уклонении от отбывания лишения свободы) совпадают.³

От такой формулировки, как «невозвращение лица...», отказались законодатели и отдельных зарубежных стран. В частности, формулировка диспозиция ст. 364 Уголовного кодекса Республики Таджикистан построена следующим образом: «Уклонение лица, осужденного к лишению свободы, которому... предоставлена отсрочка исполнения приговора, от отбывания наказания после окончания срока... отсрочки». Схожая формулировка содержится и в ст.340 Модельного Уголовного кодекса: «Уклонение лица, осужденного к лишению свободы, которому разрешен краткосрочный выезд за пределы мест лишения свободы либо предоставлена

¹ Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос-го ун-та, 1999. – С. 200-201.

² На «неявку» как на одну из фактических форм совершения рассматриваемого преступления указывает такой Ю.М. Ткачевский (см. его работу: Уголовная ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы... – С. 5).

³ См.: Козлов А.П. Указ. соч. – С.11-15; Рабинович П.М., Шмелева .Г. Конкретизация правовых норм (общетеоретические проблемы) // Правоведение. – 1985. – №6. – С.35-36.

отсрочка исполнения приговора, от отбывания наказания после окончания срока выезда или отсрочки...».¹

Занимаясь поиском оптимальной формулировки нормы, предусмотренной ст.314 УК РФ, нельзя не обратить внимание и на отдельные вопросы совершенствования института отсрочки исполнения приговора суда. В частности, это касается оснований такой отсрочки.

Так, при рассмотрении оснований отсрочки исполнения приговора, предусмотренных п.3 ст.398 УПК РФ, – в случае выявления тяжких последствий или угрозы их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванных пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами, обращает на себя внимание перечень таких обстоятельств. Ведь по смыслу закона прослеживается, что перечень указанных обстоятельств не является исчерпывающим, их перечисление в законе далеко не полное. Далеко не полон перечень данных обстоятельств и в п.3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 года №40 «О практике назначения судами уголовного наказания», в котором указано, что при назначении наказания судам следует «...выяснять, является ли подсудимый единственным кормильцем в семье, находятся ли на его иждивении несовершеннолетние дети, престарелые родители»². В литературе указывается, что суд вправе признать таковыми и другие обстоятельства, если они будут свидетельствовать о том, что немедленное обращение приговора к исполнению повлечет за собой особо тяжкие последствия для осужденного или его семьи.³ Неоднозначно понимание таких обстоятельств и сотрудниками правоохранительных и судебных органов, работниками мест лишения свободы. В результате опроса было выяснено, что 72% из них под «другими исключительными обстоятельствами» понимают плохие условия проживания и воспитания детей осужденного лица, 28% – переезд в другое отдаленное место жительства, 2% – наличие малолетних детей у осужденного, 19% затруднились ответить. Анализ приведенных данных указывает на то, что, во-первых, часть опрошенных (2%) подменяет данное основание от-

¹ Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. – 1996. – № 10 (приложение). – С. 212-213.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 8. – С. 3.

³ См.: Матвиенко Е.А. Приговор суда и его исполнение. – Минск: Вышэйшая школа, 1968. – С.61-63; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Спарк, 1997. – С. 567.

срочки исполнения приговора другим, указывая на малолетних детей, при наличии которых необходимо применять п.2 ст.398 УПК РФ, и, во-вторых, практически каждый пятый опрошенный вообще не в состоянии разобраться с содержанием таких обстоятельств.

Рассматриваемая ситуация может вызвать случаи произвольного толкования «тяжких последствий» и «других исключительных обстоятельств». Поэтому некоторые авторы указывают на необходимость строгого ограничения перечня оснований, при наличии которых исполнение приговора может быть отложено.¹ Такая позиция, на мой взгляд, является более оправданной. Представляется верным из текста закона исключить перечень обстоятельств, которые могут вызвать тяжкие последствия или создать угрозу возникновения этих последствий (пожар или иное стихийное бедствие, тяжелая болезнь или смерть единственного трудоспособного члена семьи), без каких-либо эфемерных указаний на «другие исключительные обстоятельства», а в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ изложить четко определенный и детализированный ряд рассматриваемых условий отсрочки исполнения приговора. Перечень таких условий может быть подвергнут ротации, но только путем анализа судебной практики и фактических обстоятельств и внесения на соответствующем уровне изменений и дополнений в разъясняющее постановление.

Вместе с тем важность рассматриваемых тяжких последствий, закрепленных в норме закона, и их оправданное сочетание с возможностью достижения целей наказания без реального немедленного отбывания наказания в виде лишения свободы поднимает вопрос о длительности срока такой отсрочки. В силу чего мне представляется оправданным указание в УПК РФ 2002 года иного, нежели в прежнем уголовно-процессуальном законе, срока – не более чем на 6 месяцев (в УПК РСФСР 1961 года этот срок составлял 3 месяца).²

Таким образом, решая задачу более точного определения признаков уклонения от отбывания лишения свободы, целесообразно

¹ Напр., см.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Отв. ред. А.К.Орлов. – М.: Юридическая литература, 1976. – С.514.

² Этот вопрос был задан сотрудникам правоохранительных и судебных органов, работникам мест лишения свободы. Ответы распределились следующим образом: 1 % полагают возможным поднятие данного срока до 5 месяцев; 2% – до 6 месяцев; 5% – до одного года; 9% – более трех месяцев, но его границы должны быть зависимы от времени устранения исключительных обстоятельств; 27% считают необходимым оставить имеющийся срок; 56% респондентов затруднились ответить. Поэтому считаю верным поддержать нынешнее решение законодателя.

разного применения рассматриваемой уголовно-правовой нормы, наименование и содержание ч.1 ст.398 Уголовно-процессуального кодекса России желательно изменить в следующей редакции:

Статья 398. Отсрочка исполнения приговора

Исполнение приговора об осуждении лица к обязательным работам, исправительным работам, ограничению свободы, аресту или лишению свободы может быть отсрочено судом на определенный срок без ущерба для достижения целей наказания при наличии одного из следующих оснований:

1) болезнь осужденного, препятствующая отбыванию наказания, – до его выздоровления;

2) беременность осужденной женщины или наличие у нее малолетних детей – до достижения младшим ребенком возраста четырнадцати лет, кроме осужденных к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие или особо тяжкие преступления против личности;

3) когда отбывание наказания может повлечь за собой тяжкие последствия либо когда имеются тяжкие последствия для осужденного, его семьи или других лиц – на срок, установленный судом, но не более чем на шесть месяцев.

Следующим вопросом совершенствования уголовного законодательства об ответственности за преступление, предусмотренное ст.314 УК РФ, представляется проблема цели данного деяния. На мой взгляд, она требует разрешения путем изучения места и содержания цели уклонения от отбывания лишения свободы как элемента субъективной стороны состава преступления и последующего внесения предложения о ее возможном законодательном закреплении в диспозиции исследуемой нормы.

Свои рассуждения начну с того, что цель в юридической литературе понимается по-разному, например: конкретизированное выражение интересов субъекта и модели потребного ему будущего¹, та перспектива, которую желает человек и которую он стремится достичь своей деятельностью, «представление о желаемом результате, к достижению которого лицо стремится»². То есть цель – конкретизированная в определенной внутренней модели желаемого результата потребность. Если согласиться с точкой зре-

¹ См.: Механизм преступного поведения / Отв. ред. В.Н.Кудрявцев. – М.: Наука, 1981. – С.146.

² Горбуза А.Д. К вопросу о соотношении понятий «мотив» и «цель» преступления // Советское законодательство и вопросы борьбы с преступностью: Труды высшей следственной школы. Вып. 10 / Отв. ред. А.В.Наумов. – Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1974. – С.19.

ния П.С.Дагеля о том, что цель как и мотив преступления, по сути, охватываются прямым умыслом виновного¹ (которым характеризуется уклонение от отбывания лишения свободы), то под желаемым результатом прямого умысла условно подразумевается и цель как конкретизированная потребность этого результата. «Условно», так как с позиции особенностей, заложенных в законодательном закреплении прямого умысла (ч.2 ст.25 УК РФ), и научного представления о цели преступления она (цель) должна рассматриваться как сопутствующий, но не как «входящий» в желание элемент. Поэтому (даже при постановке категорий с позиции П.С.Дагеля) в одних преступлениях конкретизированная потребность не охватывается умыслом виновного, например при изготовлении в целях сбыта поддельных денег или ценных бумаг, где умысел направлен не на сбыт, а на технологию изготовления, поэтому, выделяя в них цель преступления, законодатель констатирует факт того, что виной должны охватываться не только преступное действие (бездействие) лица, но и определенная модель потребного ему будущего; в других преступлениях – охватывается умыслом виновного по отношению к конкретному преступному поведению, например при доведении до самоубийства, и поэтому не требует своей материализации в составе преступления в качестве цели.

На мой взгляд, законодатель неоправданно отказался от включения в диспозицию исследуемой нормы в качестве обязательного признака его состава цели преступления. Кроме того, уклонение от отбывания лишения свободы относится к общественно опасному посягательству с формальной законодательной конструкцией, а, как верно заметил А.П.Козлов, формулирование законодателем преступлений с формальной диспозиций состава, как правило, приводит к использованию цели как обязательного признака состава преступления.² Цель отсутствует в тех немногих деяниях с формальной законодательной конструкцией состава, в которых зачастую нет четкого представления виновного лица о реальных последствиях своего преступного поведения и когда имеет место вероятное объективное изменение внешних обстоятельств, что крайне затрудняет формулировку цели (например, при организации массовых беспорядков).

Зарубежное законодательство также пытается решить проблему цели рассматриваемого деяния. В частности, вступивший в действие с 1 января 1998 года Уголовный кодекс Республики Ка-

¹ См.: Дагель П.С. Содержание, форма и сущность вины в советском уголовном праве // Правоведение. – 1969. – №1. – С.78-88.

² См.: Козлов А.П. Указ соч. – С.76.

захстан содержит ст. 359 «Уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы», в которой закреплена специальная цель – уклонение от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы: «Невозвращение в исправительное учреждение осужденного, которому разрешен краткосрочный выезд за пределы места лишения свободы по истечении срока выезда, а равно осужденного, пользующегося правом передвижения без конвоя либо находящегося под надзором, совершенное с целью уклонения от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы»¹. Аналогичные формулировки цели уклонения от отбывания лишения свободы предлагаются и на страницах отечественной юридической печати.²

Однако если цель исследуемого преступления понимать таким образом, определенные потребности, вытекающие из нее, могут иметь любой характер: социально опасные, вредные, нейтральные и полезные. Но социально полезные или нейтральные цели не должны и не могут иметь своего криминального значения.³ Так, если осужденное лицо, отпущенное в длительный выезд из исправительного учреждения, преследует цель избежать дальнейшего отбывания наказания для того, чтобы совершить, например, новое преступление, то налицо социально опасная цель. Если же он преследует цель, например, «погулять», бродяжничать или просто остаться с семьей в связи с возникшей свободой своих действий – социально вредная цель. В случае же, например, необходимости справить собственную свадьбу или остаться на похороны близкого родственника – соответственно налицо социально нейтральная и даже социально полезная цели. При этом конкретизированные потребности не следует путать с побуждениями человека действовать. Так, у осужденного лица может быть мотив – оказать материальную помощь семье (положительная мотивация), для этого его нужда превращается в достаточно ясный и точный образ

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан – общая характеристика (в сравнении с УК Казахской ССР): Практическое пособие. – Алматы: Басна, 1997. – С.189.

² Напр., см.: Мазур О.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с побегами из мест лишения свободы (по материалам Западно-Сибирского региона): Дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск: Юридический институт МВД России, 1997. – С. 82-83.

³ См.: Козлов А.П. Указ соч. – С. 76. Он же. Мотив как психологическая и уголовно-правовая категория // Современные проблемы уголовного права и уголовного процесса: Материалы международной научно-практической конференции (Красноярск, 26-27 сентября 2002 года). В 2 т. Т. I. – Красноярск: Юридический институт Красноярского гос-го ун-та, 2003. – С.83, 89-91.

будущего предмета потребности – совершение конкретной кражи (социально опасная цель).

В связи с этим определенный интерес представляют результаты изучения правоприменительной практики, которые показывают следующее соотношение разных по характеру целей уклонения от отбывания лишения свободы: социально опасная – в 41,5% изученных уголовных делах, социально вредная – 36,5%, социально нейтральная либо социально положительная – 22%.

Признавая цель поведения человека асоциальной категорией (вредной либо опасной), ее необходимо считать и целью преступления, имеющей влияние на квалификацию деяния; признание ее социально нейтральной или социально полезной должно свидетельствовать о ее юридической ничтожности. Поэтому решение вопроса цели, предложенное действующим уголовным законом, представляется, по убедительному мнению А.П.Козлова, неприемлемым.¹

Рассмотрение проблемы целей под таким углом в общем обуславливает проявление гуманности и целесообразности применения уголовного закона. По этому поводу метко заметил М.Ф.Костюк: «нахождение в сердцевине уголовно-правовых норм нравственности, базирующейся на общечеловеческих ценностях, обосновывает наказание, делает его понятным для членов общества и обеспечивает в подавляющем большинстве случаев добровольное соблюдение уголовно-правовых запретов».² Более того, наказание, в сущности, является средством восстановления субъективной стороны позитивной уголовной ответственности – осознания лицом необходимости соблюдения закрепленных в нормах права объективных для личности внешних требований. Поэтому и в его содержании неизбежно присутствуют общечеловеческие нравственные нормы. Достаточно сложно одновременно наполнять нака-

¹ См.: Козлов А.П. *Фундаментальные науки...* – С.77-78. В этой связи интересной представляется позиция М.И.Еникеева, который вносил предложение о законодательном закреплении преступных целей в одной из форм вины – умысле, что, по его мнению, позволяло бы объяснять личностную детерминированность преступного поведения и разницу между психической направленностью умысла – формированием в сознании виновного психической модели будущего результата преступного поведения и психическим содержанием умысла – отражением в сознании субъекта тех обстоятельств, с которыми он связывал достижение этой преступной цели (см.: Еникеев М.И. *Психолого-юридическая сущность вины и вменяемости // Советское государство и право.* – 1989. – №12. – С.79).

² Костюк М.Ф. *Уголовно-правовые и криминологические проблемы...* – С.63.

знание такими элементами и признавать преступным поведение, которое не основывается на антиобщественных мотивах и побуждениях. Ведь одно из имманентных свойств сознания личности осужденного – это отношение к наказанию, то есть своеобразное личностное кредо осужденного, характеризующее уровень его правового и нравственного облика, представления об основных этических категориях и моральных требованиях общества, предопределяющее степень самооценки личности, ее потребности и интересы.¹ Представляется, что подобное отношение формируется у осужденного лица и к конкретным уголовно-правовым запретам, нарушая который преступник тем самым обнаруживает свое личностное отношение к нему, свою жизненную позицию и установки. Следовательно, уголовно-правовой запрет в своей основе должен быть нравственным, целесообразным и не противоречащим общим представлениям о сути наказания.

Социальная вредность, в том числе опасность поведения, связанного с невозвращением в исправительное учреждение либо неявкой в суд, по-видимому, и должна выступать в качестве цели уклонения от отбывания лишения свободы.² При этом с определенной долей условности собственно социальную вредность поведения следует рассматривать в качестве предпосылки, последствий преступления первого порядка, лежащих в социальной действительности.³

Таким образом, отнесение рассматриваемого посягательства к общественно опасному должно предполагать установление в действиях виновного не только умысла совершить преступление, но и вышеназванной цели – как минимум вредной либо как максимум – опасной.

¹ Подр. см.: Елеонский В.А. Уголовное наказание и воспитание... – С.45.

² В связи с этим весьма логичным будет предложение о законодательном закреплении аналогичной цели преступления и в уголовно-правовой норме, предусмотренной ч.2 ст.337 УК РФ, признаки которой, на мой взгляд, позволяют принять данное решение.

Некоторые авторы указывают на нелогичный характер данного научного предложения. В частности, А.А.Примаков сетует на проблемы правоприменения рассматриваемой уголовно-правовой нормы в этом случае и отсутствие перечня таких целей (Примаков А.А. Указ. соч. – С.134). Однако им быстрее всего допущено смешение в понимании конкретизированных потребностей и побуждений человека действовать, что и не позволило признать позитивным замысел рассматриваемого предложения законодателю.

³ См.: Марцев А.И. Общественная вредность и общественная опасность преступления // Правоведение. – 2001. – №4. – С.148.

Вместе с тем усматривается и определенная проблема – что именно в данном случае необходимо понимать под социальной вредностью.¹ Безусловно, одним из самых приемлемых способов закрепления целей как социально вредных является их документальное толкование в тексте закона. Однако этот подход с технической точки зрения неприемлем из-за ограниченности самого текста закона и обширном многообразии социально вредных явлений. Думаю, что выход следует искать в систематическом анализе и обобщении практики применения уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы и последующем принятии Пленумом Верховного Суда РФ специального постановления, которое давало бы детальные разъяснения. Данный вопрос был задан сотрудникам правоохранительных и судебных органов, работникам мест лишения свободы. Так, 93% респондентов на вопрос: «Полагаете ли Вы необходимым систематически анализировать и обобщать практику применения уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы?» ответили утвердительно и лишь 5% – отрицательно.² Почти столько же – 90% опрошенных – считают настоятельной необходимостью принятие Пленумом Верховного Суда РФ постановления, раскрывающего вопросы квалификации побегов и уклонений от отбывания лишения свободы и лишь 7% не видят в этом никакой необходимости. Заметим, что подобное постановление должно объединять два преступления – предусмотренные ст.ст.313 и 314 УК РФ, в силу того, что они относятся к разряду смежных норм по ряду признаков, а это, кроме прочего, позволит выявить и показать их отличия и тонкости квалификации.

Представляется, что высказанные рассуждения в определенной степени касаются и законодательной регламентации вопроса о

¹ Напр., С.В.Склярлов выделяет следующие антисоциальные обязательные свойства ситуативных психических образований (к коим, как мне представляется, можно отнести и цель преступления как элемента состава): 1) признание обществом в целом определенных причин выбора конкретного объекта и конкретного способа поведения антисоциальными; 2) осознание самим человеком, что данный выбор сделан им по антисоциальным причинам (см.: Склярлов С.В. Мотивы индивидуального преступного поведения и их уголовно-правовое значение. – М.: Изд-во Российской правовой академии МЮ России, 2000. – С. 64-65).

² К моему удивлению на более специальный вопрос: «Стоит ли обобщенную практику применения ст.314 УК РФ периодически доводить до сведения работников исправительных учреждений в специальных рекомендациях ГУИН МЮ РФ?» абсолютное большинство опрошенных сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы (94 %) также ответили утвердительно.

необходимости закрепления в исследуемой уголовно-правовой норме понятия «уважительные причины». В этом плане заслуживающим внимание представляется решение законодателя об использовании «уважительных причин» в ст.337 УК РФ, которая по своей законодательной конструкции схожа со ст.314 УК РФ, а также зарубежный опыт. В частности, в §2 ст. 242 Уголовного кодекса Польши, вступившего в силу с 1 января 1998 года, указано, что уголовная ответственность за невозвращение лица, временно на законных основаниях покинувшего пенитенциарное учреждение или место предварительного заключения, наступает лишь в случае отсутствия уважительных причин прибытия в определенный срок в место отбывания наказания.¹ В законодательном закреплении уважительных причин невозвращения и (или) несвоевременного возвращения в место лишения свободы либо неявки в суд, на мой взгляд, видится решение важных проблем квалификации конкретных случаев, связанных, например, с отсутствием ясности относительно цели преступления либо с вопросами оценки поведения не вернувшегося в срок лица (в частности, «загулял» на вокзале, решал серьезный конфликт в семье, грозящий ее распадом). Так, А.И.Трахов совершенно справедливо указывает, что в диспозиции ст. 314 УК РФ необходимо указать на возникающую уголовную ответственность только в тех случаях, когда осужденный не возвращается без уважительных причин, поскольку иначе будут неизбежны субъективные решения соответствующих должностных лиц и суда.² Решение проблемы содержания таких уважительных причин видится также посредством соответствующих разъяснений специального постановления Пленума Верховного Суда.

В рамках исследования проблемы совершенствования законодательной регламентации уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы, на мой взгляд, требует разрешения еще один вопрос. Так, в наименовании статьи и диспозиции изучаемого преступления фигурирует такой вид наказания, как лишение свободы. Однако согласно ст.44 УК РФ, в которой содержится исчерпывающий перечень всех наказаний, а также ст.ст.56 и 57 УК РФ, такого вида наказания, как лишение свободы, в настоящее время отечественное законодательство не содержит. Закон говорит лишь о таких наказаниях, связанных с отбыванием лишения свободы (являющихся его самостоятельными видами), как лишение свободы на определенный срок и пожизненное лише-

¹ Уголовный кодекс Республики Польша... – С. 85.

² См.: Трахов А.И. Диспозиции составов преступлений против правосудия // Законодательство. – 2002. – № 10. – С. 77.

ние свободы. Соглашаюсь с мнением С.Н.Сабанина, считающего необходимым учитывать данную особенность при построении законодателем соответствующих правовых норм.¹ Кроме того, по смыслу закона выезда, отсрочка отбывания наказания и отсрочка исполнения приговора суда не могут применяться к осужденным лицам, отбывающим либо приговоренным к отбыванию наказания в виде пожизненного лишения свободы. В частности, это следует из ч.3 ст.97, ч.2 ст.177 УИК РФ, ч.1 ст.82 УК РФ, ст.398 УПК РФ. Поэтому, вероятно, в наименовании и диспозиции ст.314 УК РФ вместо слов «лишение свободы» должны иметь место слова «лишение свободы на определенный срок».

На основании вышеизложенного анализа проблемы совершенствования уголовной ответственности за исследуемое преступление думаю верным изменить редакцию ст.314 УК РФ. При этом отмечу, что выезды осужденных за пределы исправительных учреждений и рассматриваемые виды отсрочки имеют свои особенности правового регулирования, а исследуемая норма содержит две формы уклонения от отбывания лишения свободы – невозвращение в исправительное учреждение и неявка в суд. Поэтому представляется обоснованной норма, предусматривающую уголовную ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы на определенный срок, изложить в виде двух самостоятельных составов.

Статья 314. Уклонение от отбывания лишения свободы на определенный срок

Невозвращение с социально вредной целью лица, осужденного к лишению свободы на определенный срок, которому разрешен выезд, свидание или выход за пределы места лишения свободы, без уважительных причин по истечении срока выезда, свидания или выхода, –

наказывается...

Норму, предусматривающую уголовную ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы лица, которому предоставлена отсрочка исполнения приговора суда или отбывания наказания, предлагаю выделить в отдельный состав и изложить в следующей редакции:

¹ См.: Сабанин С.Н. Совершенствование законодательной регламентации условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3 / Отв. ред. В.И.Горобцов. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2000. – С.24.

Статья 314¹. Соккрытие от суда

Неявка в суд с социально вредной целью лица, осужденного к лишению свободы на определенный срок, которому предоставлена отсрочка исполнения приговора суда или отбывания наказания, без уважительных причин по истечении срока отсрочки либо при ее отмене, –

наказывается...

Реализация данных предложений позволит ввести в уголовное законодательство логически последовательную и завершенную группу норм, предусматривающих уголовную ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы на определенный срок. Думаю, что при наличии данных норм арсенал уголовно-правовых средств, обеспечивающих эффективность борьбы с исследуемым преступлением, будет более полным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение нормы, устанавливающей уголовную ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы на определенный срок, является сложной проблемой, обусловленной объемом подлежащих рассмотрению вопросов и существом указанной проблемы, находящейся на стыке различных отраслей права. Вместе с тем особенности преступления, предусмотренного ст.314 УК РФ, на нормативном уровне не учитываются, применение уголовно-правовой нормы не имеет четкого правового регулирования, что, в свою очередь, не позволяет повысить эффективность борьбы с уклонениями от отбывания лишения свободы. В связи с этим акцент должен переноситься на совершенствование в законодательном порядке содержания нормы.

На этом основании настоящее исследование позволяет сформулировать ряд принципиально новых выводов и внести конкретные предложения, представляющие интерес с позиций уголовно-правовой науки и правоприменительной практики по использованию и совершенствованию уголовного закона в регулировании уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы на определенный срок.

1. Установление уголовно-правовой охраны общественных отношений, описываемых в ст.314 УК РФ, зависело от конкретных исторических условий, с изменением которых возникла необходимость трактовать нарушения подобных отношений в качестве преступлений. Становление и расширение рамок уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы происходило параллельно с совершенствованием содержания как самого наказания, так и практики его исполнения. Такие относительные новеллы в области исполнения наказаний, как выезды за пределы мест лишения свободы, отсрочка исполнения приговора суда и отсрочка отбывания наказания, следует отнести к группе тех явлений, которые создали общественную потребность в уголовно-правовой охране сферы их реализации, и поскольку нормальное функционирование и развитие таких отношений обусловлено объективными потребностями государства и общества, постольку причинение этим отношениям ущерба неизбежно влечет и ущерб интересам самого государства, интересам всего общества в целом. Основания такой охраны образуют систему взаимосвязанных предпосылок, имеющих единую сущностную основу. Однако механизм обусловленности рассматриваемого уголовно-правового запрета различен. Данное обстоятельство влияет на законодатель-

ное закрепление, юридическую природу и перспективы совершенствования уголовной ответственности за данное преступление.

2. Ретроспективный анализ развития исследуемой нормы дает основания предположить, что для российского уголовного законодательства характерно стремление к самостоятельному нормативному закреплению запрета, обеспечивающего соблюдение порядка выездов за пределы мест лишения свободы, отсрочки исполнения приговора суда и отсрочки отбывания наказания. При этом уголовно-правовая норма, устанавливающая ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы, в различное время по-разному отражала отношения государства к проблемам наличия в пенитенциарной практике четко закрепленных и реально действующих мер, продиктованных идеями гуманизма и исправительного воздействия.

3. Видовым объектом исследуемого преступления является сфера государственной деятельности, которая аккумулирует весь спектр социальных ценностей и благ, требующих самостоятельной уголовно-правовой защиты и связанных с реализацией интересов правосудия. Помещение анализируемой нормы в главу о преступлениях против правосудия говорит о том, что законодатель ее направленность видит не в охране порядка управления, а в обеспечении стоящих перед правосудием задач и целей. Содержание непосредственного объекта ст.314 УК РФ включает в качестве основного элемента решение такой неотъемлемой задачи правосудия, как исполнение наказания в виде лишения свободы соответствующими органами (учреждениями) в полном объеме и в установленном законом порядке в рамках реализации выездов осужденных за пределы мест лишения свободы и следственных изоляторов либо отсрочки исполнения приговора суда или отбывания наказания. Деятельность таких органов (учреждений) включается в систему правосудия, и они выступают в качестве органов правосудия.

4. Анализ объекта исследуемого преступления позволяет отнести к нему, наряду с социальной связью и участниками отношений, правовую оболочку, представляющую внешнее проявление нормального состояния общественных отношений, возникающих в процессе отправления правосудия, юридическую форму их материального содержания, состоящую из совокупности соответствующих правовых актов.

5. Деяние, образующее объективную сторону уклонения от отбывания лишения свободы, состоит в невыполнении установленной обязанности:

а) возвратиться в определенный администрацией исправительного учреждения срок в место лишения свободы из предоставленного осужденному выезда;

б) прибыть в определенный судебным решением срок в суд при отмене отсрочки отбывания наказания или исполнения приговора суда;

в) прибыть в определенный судебным решением срок в суд по истечении срока отсрочки исполнения приговора.

Невыполнение указанных обязанностей образует основной способ совершения анализируемого преступления и предопределяет момент его окончания.

6. Исследуемое преступление необходимо относить к категории дящихся и разряду формальных, оно совершается исключительно в форме преступного бездействия. При этом, раскрывая дящийся характер преступления, следует учитывать, что после невыполнения указанной выше обязанности последующее ее неисполнение находится за рамками объективной стороны состава. Поэтому такое преступное поведение сопряжено с уже невыполненной обязанностью, а не с последующим ее невыполнением. Не исполняя определенную обязанность, которую оно должно было и могло исполнить, осужденное лицо таким образом нарушает уголовно-правовой запрет, в чем и проявляется преступное бездействие. Результат этого поведения проявляется в нематериальных последствиях, что подтверждает формальную законодательную конструкцию состава данного преступления.

7. Анализ субъективных признаков уклонения от отбывания лишения свободы дает возможность утверждать, что, во-первых, субъект преступления является специальным, во-вторых, преступление характеризуется прямым умыслом, в-третьих, говорить о том, что мотивы данного преступления не носят исчерпывающий характер и по смыслу действующего законодательства мотив и цель не являются обязательными признаками деяния, однако это обстоятельство не умаляет их роли в процессе индивидуализации наказания. Кроме того, такой анализ позволяет провести отграничение мотивов преступления от целей.

8. В связи с исследованием состава преступления рекомендуем соответствующим практическим органам в целях полноты установления объективных и субъективных признаков посягательства обращать внимание на полное и всестороннее изучение фактических условий отбывания наказания и обстоятельств, являющихся основаниями предоставления лицу выездов за пределы исправительного учреждения, отсрочки исполнения приговора суда либо отбывания наказания, которые, в частности, являются одним из

источников формирования мотивов и цели преступления либо уважительных причин уклонения, с обязательной фиксацией их в материалах дела.

9. Судам при назначении наказания необходимо изменить отношение к установлению и учету общих начал назначения наказания, следует давать более качественную оценку общественной опасности преступления и адекватно определять размеры наказаний.

10. Вполне обоснованным представляется предложение о законодательном расширении содержания исследуемой нормы путем включения в нее в качестве субъекта преступления той категории осужденных лиц к лишению свободы на определенный срок, которым уголовно-исполнительное законодательство предоставляет возможность убытия за пределы места исполнения наказания не только в качестве выездов, но и по другими основаниям.

11. Анализ результатов, к которым стремится виновный при совершении исследуемого посягательства, а также особенности их толкования в уголовно-правовой науке позволяют иначе взглянуть на цель преступления. В соответствии с этим, вполне логичным является утверждение о том, что, во-первых, цель преступления следует закрепить в норме в качестве обязательного для квалификации признака, во-вторых, ее следует интерпретировать как социально вредную и, в-третьих, органам предварительного следствия и суда необходимо в обязательном порядке отражать в материалах уголовных дел данные, характеризующие содержание цели конкретного преступления.

12. Говоря о законодательной технике конструирования диспозиции ст.314 УК РФ следует указать на то, что исследуемая уголовно-правовая норма в силу погрешностей в законодательной формулировке диспозиции не имеет четкого содержания. Поиск оптимальной формулировки нормы приводит к целесообразности ее изложения в несколько ином виде.

13. Исследование вопросов использования и перспектив совершенствования уголовного закона в регулировании уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы не должно оставлять в стороне и проблемы законодательной корректировки отдельных норм уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства, а также качество и своевременность специальных судебных разъяснений практики уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст.314 УК РФ.

14. Учет зарубежного опыта уголовно-правовой борьбы с уклонениями от отбывания лишения свободы также предопределяет закономерный характер отечественного запрета на рассматриваемое преступление. Указания на зарубежное законодательство по-

зволили более глубоко изучить содержание нормы, предусмотренной ст. 314 УК РФ, продемонстрировать ее состояние на фоне иностранных аналогов, оценить наиболее дискуссионные вопросы, неоднозначно решаемые в ходе правоприменительной деятельности, определить возможные варианты решения возникающих проблем и сформулировать предложения по совершенствованию конструкции уголовно-правовой нормы. В частности, это касается вопросов расширения круга субъектов преступления, качества формулировок, указания на цель преступления и уважительные причины как обязательные элементы состава и иных проблем, связанных с регулированием уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы.

Предполагаю, что не все замечания и предложения, изложенные в монографии, будут приняты безоговорочно. Это учитывается автором. Вместе с тем, думается, указанные выводы и предложения, не претендуя на «истину в последней инстанции» и основываясь на результатах проведенного исследования, имеют право на существование и заслуживают рассмотрения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Законы, ведомственные нормативные акты и официальные документы

1. Конституция Российской Федерации, ст.118 // Российская газета. – 1993. – 29Ст. 118.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. – Ст. ст. 8, 14, 20, 24-25, 43-44, 57-58, 82, 313-314, 321, 337.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – Ст. ст. 68, 73-74, 76-78, 97, 100, 104-103, 113, 115, 120-122, 132, 155-156, 177-178.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. – Ст. ст. 202, 205, 401.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. – Ст. 398.
6. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. – 1996. – №10 (приложение).
7. О внесении дополнений и изменений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1977. – №12. – Ст. 258.
8. О внесении дополнений и изменений в Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик: Указ Президиума Верховного Совета ССР от 8 февраля 1977 года // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. – №7. – Ст.118.
9. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июня 1998 года №92-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – №26. – Ст. 3012.
10. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 8 декабря 2003 года №162-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – №50. – Ст. 4848.
11. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 9 марта 2001 года №25-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – №11. – Ст. 1002.
12. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря

1982 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1982. – №49. – Ст. 1821.

13. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1977. – №12. – Ст.255.

14. О дальнейшем совершенствовании уголовного и уголовно-исправительного законодательства: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1982 года // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1982. – №30. – Ст. 572.

15. О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами: Приказ Минздрава России и МВД России от 30 апреля 1997 года №133/269. – М., 1997.

16. О правилах отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими: Приказ Министра обороны Российской Федерации от 29 июля 1997 года №302 «» (с изменениями, внесенными приказом Министра обороны Российской Федерации от 16 января 2001 года №30) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 1998. – №1.

17. О правилах отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими: Правила отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими, приказом министра МО Российской Федерации от 29 июля 1997 года №302 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 1998. – №1.

18. О практике назначения судами видов исправительных учреждений: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 ноября 2001 года №14 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2002. – №1. – С. 2-5.

19. О практике назначения судами видов исправительных учреждений: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 апреля 2000 года №14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – №6. – С. 1-4.

20. О практике назначения судами уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 года №40 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – №8. – С. 2-9.

21. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления: Федеральный закон от 15 июля 1995 года №103-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – №29. – Ст. 2759.

22. О судебной практике по применению отсрочки исполнения приговора: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от

21 июня 1985 года №8 // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М.: Спарк, 1997. – С. 249-254.

23. О судебной практике рассмотрения материалов о переводе осужденных в исправительно-трудовые колонии-поселения и уголовных дел о побегах из этих колоний: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 марта 1975 г. №1 (с изм. и доп., внесенными постановлением от 28 марта 1979 г. №1) // Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и постановлениями / Отв. ред. В.И.Радченко. – М.: БЕК, 1999. – С. 457-461.

24. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 31 декабря 1996 года №1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 1997. – №1. – Ст.1.

25. О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 года №1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1996. – №7. – С. 2-8.

26. Об освобождении от отбывания наказания осужденных к лишению свободы в связи с тяжелой болезнью: Перечень заболеваний, который может быть использован в качестве основания для предоставления к освобождению от отбывания наказания осужденных к лишению свободы, утвержденный в совместных приказах Министерства здравоохранения Российской Федерации №311 и Министерства юстиции Российской Федерации №242 от 9 августа 2001 года (в редакции совместного приказа Минздрава Российской Федерации №329 и Министерства юстиции Российской Федерации №297 от 1 ноября 2002 года) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2001. – №44.

27. Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 года // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М.: Спарк, 1997. – С. 5-6.

28. Об утверждении инструкции о надзоре за осужденными, содержащимися в исправительных колониях: Инструкция о надзоре за осужденными, содержащимися в исправительных колониях, утвержденная приказом МВД РФ от 7 марта 2000 года №83 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2000. – №28.

29. Об утверждении Инструкции о порядке исполнения наказаний в виде исправительных работ, лишения права занимать оп-

ределенные должности или заниматься определенной деятельностью и осуществления контроля за поведением условно осужденных, осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, к которым применена отсрочка отбывания наказания: Инструкция о порядке исполнения наказаний в виде исправительных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и осуществления контроля за поведением условно осужденных, осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, к которым применена отсрочка отбывания наказания, утвержденная приказом МВД РФ от 1 июля 1997 года №403 (в редакции приказа МВД России от 16 сентября 2002 года №900 (последняя редакция приказа от 3 мая 2003 года) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 1997. – №18.

30. Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях: Положение об уголовно-исполнительных инспекциях, утвержденное постановлением Правительства РФ от 16 июня 1997 года №729 (в ред. постановления Правительства РФ от 20 февраля 1999 года №199) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – №25. – Ст. 2947.

31. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденные приказом министра МВД РФ от 30 июля 2001 года №224 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2001. – №35.

Монографии, комментарии, учебники и учебные пособия

32. Ансель Марк. Новая социальная защита (Гуманистическое движение в уголовной политике) / Под ред. и вступит. статьей А.А.Пионтковского / Пер. с франц. Н.С.Лапшиной – М.: Прогресс, 1970.

33. Антонов А.Д. Классификация оснований и принципов криминализации деяний в уголовно-правовой науке // Российский следователь. – 2001. – №4. – С.33-35.

34. Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. – М.: Российское право, 1992. – 253 с.

35. Бабаев В.К., Баранов В.М. Общая теория права: Краткая энциклопедия. – Н.Новгород: Юридический институт МВД России, 1997.

36. Бажанов М.И. Назначение наказания по советскому уголовному праву. – Киев: Вища школа, 1980.

37. Байдаков Г.П. Система основных принципов процесса исправления и перевоспитания осужденных: Учебное пособие. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1991.

38. Барабанов Н.П. Организация деятельности исправительных учреждений по предупреждению и пресечению массовых беспорядков, захватов заложников, побегов: Монография. – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2003.

39. Васильев И.М. Наказание по советскому уголовному праву: Учебное пособие / Под ред. В.А.Владимирова. – М.: Управление учебных заведений МВД СССР, 1970.

40. Власов И.С., Тяжкова И.М. Ответственность за преступления против правосудия. – М.: Юрид. лит., 1968.

41. Власть: криминологические и правовые проблемы / Отв. ред. А.И.Долгова. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2000.

42. Гальперин И.М. Наказание: социальные функции, практика применения. – М.: Юрид. лит., 1983.

43. Гальперин И.М. Уголовная политика и уголовное законодательство // Основные направления борьбы с преступностью. – М., 1975.

44. Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). – Л., 1979.

45. Гогель С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюремоведения. Сборник исследований. – СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39, 1906.

46. Горобцов В.И. Правовая природа условного осуждения и отсрочки исполнения приговора: Лекция. – Орел: Высшая школа МВД России, 1994.

47. Горобцов В.И. Предмет уголовно-исполнительного права: эволюция, современное состояние, перспективы развития: Учебное пособие. – Красноярск: Высшая школа МВД России, 1998.

48. Горобцов В.И. Теоретические проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия: Монография. – Орел: Высшая школа МВД России, 1995.

49. Демин Ю.М. Преступления против правосудия: Лекция. – М.: ЦИиНМОКП МВД России, 1999.

50. Егоров В.И. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания уголовных наказаний: Учебное пособие. – Рязань: Высшая школа МВД СССР, 1985.

51. Европейские Пенитенциарные Правила. – М., 1999.

52.Елеонский В.А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. – Рязань: Высшая школа МВД СССР, 1979.

53.Елисеев С.А. Вопросы теории и практики предупреждения корыстных преступлений. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989.

54.Закон об исполнении наказания в виде лишения свободы и превентивных мер лишения свободы (ФРГ) / Под общ. ред. А.Г.Перегудова. – Уфа: Высшая школа МВД России, 1994.

55.Зельдов С.И. Освобождение от наказания и от его отбывания. – М.: Юрид. лит., 1982.

56.Иванов Н.Г. Мотив преступного деяния: Учебное пособие. – М.: МЦ при ГУК МВД России, 1997.

57.История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917-1954 гг.: Сборник документов / Под ред. С.А. Голунского. – М.: Государственное изд-во юридической лит-ры, 1955.

58.Ишигеев В.С., Кернаджук И.В. Наказание и предупреждение преступлений в местах лишения свободы: Монография. – Хабаровск: Дальневосточный институт менеджмента, бизнеса и права, 2003.

59.Как заставить стандарты работать. Практическое руководство по применению международных тюремных правил. – М.: Права человека, 1998.

60.Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. – М.: Юрид. лит., 1973.

61.Квашис В.Е. Гуманизм советского уголовного права. – М.: Юрид. лит., 1969.

62.Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1991.

63.Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. – М.: Наука, 1983.

64.Козлов А.П. Фундаментальные науки и уголовное право (вопросы понятия и соотношения): Учебное пособие. – Красноярск: Государственный ун-т, 2001.

65.Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Отв. ред. О.Н.Садилов. – М.: ЮРИНФОРМ-ЦЕНТР, 1997.

66.Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2001.

67.Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – 3-е изд., изм. и доп. / Под общ. ред. Ю.И.Скуратова и

В.М.Лебедева. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА•М, 2000.

68.Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1998.

69.Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2 т. Т. 2 / Под ред. О.Ф.Шишова. – М.: Издательство Новая Волна, 1998.

70.Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.В.Наумов. – М.: Юристъ, 1997.

71.Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И.Бойко. – Ростов-на-Дону, 1996.

72.Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Под ред. Ю.Д.Северина. – М.: Юрид. лит., 1985.

73.Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. С.В.Степашина. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999.

74.Концепция реорганизации уголовно-исполнительной системы МВД России (на период до 2005 года): Одобрена Президентом Российской Федерации 13 января 1996 г. – М., 1996.

75.Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. – М.: Академия МВД СССР, 1980.

76.Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений: Учебное пособие. – Волгоград: Высшая школа МВД СССР, 1976.

77.Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы / А.И.Коробеев, А.В.Усс, Ю.В.Голик. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1991.

78.Костюк М.Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в исправительных учреждениях. – М.: Академия Управления МВД России, 2000.

79.Криминальная ситуация на рубеже веков в России / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1999.

80.Крылова Н.Е. Основные черты нового уголовного кодекса Франции. – М.: СПАРК, 1996.

81.Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М., Юристъ, 1999.

82.Кульберг Я.М. Преступления против правосудия. – М.: Юрид. лит., 1962.

83.Курс советского уголовного права. В 5 т. Т. 5 / Отв. ред. Н.А.Беляев. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1981.

84.Курс советского уголовного права. В 5 т. Т. 1 / Отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968.

85. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2. Учение о наказании: Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 1999.

86. Лакеев А.А. Виды уголовных санкций по законодательству зарубежных стран и их применение: Учебное пособие. – Рязань: Высшая школа МВД России, 1994.

87. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос-го ун-та, 1999.

88. Люблинский П.И. Условное осуждение в иностранном и советском праве. – М.: Право и жизнь, 1924.

89. Мальков С.М. Уголовно-правовые аспекты борьбы с хищениями оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: Учебное пособие. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2001.

90. Мальцев В.В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989.

91. Маслихин А.В. Принцип гуманизма в исполнении наказания в виде лишения свободы. – Рязань: Высшая школа МВД СССР, 1978.

92. Матвиенко Е.А. Приговор суда и его исполнение. – М.: Высшая школа, 1968.

93. Меньшагин В.Д., Вышинская З.А. Советское уголовное право. – М.: Юрид. лит., 1950.

94. Механизм преступного поведения / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1981.

95. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. – М.: Издательство БЕК, 1996.

96. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. – М.: Гос-е изд-во юрид. лит-ры, 1960.

97. Николук В.В. Исполнение приговора: Лекция. – Омск: Юридический институт МВД России, 1998.

98. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. – М.: Издательство НОРМА, 2001.

99. Новосельцев С.П. Особенности уголовно-процессуального доказывания формального состава преступления: Учебно-практическое пособие. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 1999.

100. Носкова Н.А. Ответственность граждан за преступления против правосудия. – М., 1975.

101. Перлов И.Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе. – М.: Юридическая литература, 1963.

102. Першутов А.Г. Деятельность суда, связанная с применением отсрочки исполнения приговора. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1991.

103. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Особенная часть / А.А.Пионтковский, В.Д.Меньшагин, В.М.Чхиквадзе. – М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1959. – Т.2.

104. Преступность, статистика, закон / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1997.

105. Преступления и наказания в Российской Федерации: Популярный комментарий к Уголовному кодексу РФ / Отв. ред. А.Л. Цветинович, А.С. Горелик. – М.: Издательство БЕК, 1997.

106. Пяткевич И.Н., Старков В.И. Правовые и организационные вопросы выездов осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений: Учебное пособие. – М.: Академия Управления МВД России, 1999.

107. Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV-XVII вв. – М.: Юристъ, 1995.

108. Российское уголовное право. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. А.И. Рарога. – М.: Профобразование, 2001.

109. Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 2. Наказание / Под ред. А.И. Коробеева. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999.

110. Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина. – М.: Спарк, 1998.

111. Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Юристъ, 1997.

112. Сауляк В.К. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы (ст. 183¹ УК УССР): Лекция. – Киев: НИ и РИО Киевской высшей школы МВД СССР им. Ф.Э. Держинского, 1980.

113. Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917-1937 гг.). – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938.

114. Сборник основных приказов, циркуляров и инструкций НКЮ и НКВД РСФСР за 1918-1928 гг. – М., 1959.

115. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М.: Спарк, 1997.

116. Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею (1880 г.). – М., 1976.

117. Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право: (Часть Общя). – СПб., 1910.

118. Серебренникова А.В. Основные черты Уголовного кодекса ФРГ. – М.: Диалог-МГУ, 1999.
119. Сизый А.Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права и их стимулирующая функция в процессе формирования правомерного поведения осужденных (Проблемы теории и практики): Монография. – Рязань: Высшая школа МВД России, 1994.
120. Скибицкий В.В. Освобождение от уголовной ответственности и отбывания наказания. – М.: Научная думка, 1987.
121. Скляр С.В. Мотивы индивидуального преступного поведения и их уголовно-правовое значение. – М.: Изд-во Российской правовой академии МЮ России, 2000.
122. Словарь по уголовному праву / Отв. ред. А.В. Наумов. – М.: БЕК, 1997.
123. Советское уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. П.И. Гришаева, Б.В. Здравомыслова. – М.: Юрид. лит., 1988.
124. Советское уголовное право. Особенная часть / Под ред. Г.А.Кригера, Б.А.Куринова, Ю.М.Ткачевского. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1982.
125. Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. – М.: Юрид. лит., 1986.
126. Становский М.Н. Назначение наказания. – СПб.: Юридический центр Пресс, 1999.
127. Стручков Н.А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1970.
128. Сушко В.А. Особенности отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами, имеющими малолетних детей, и беременными: Пособие / Под ред. А.С.Михлина. – М.: ВНИИ МВД России, 1996.
129. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994.
130. Тарханов И.А. Замена наказания по советскому уголовному праву. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982.
131. Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. – Харьков: Выща школа, 1988.
132. Ткачевский Ю.М. Давность в советском уголовном праве. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1978.
133. Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1983.

134. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): Сборник законодательных материалов / Под ред. И.Д. Козочкина. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1998.
135. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / Под ред. и с предисл. И.Д. Козочкина. – М.: Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, 2001.
136. Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная: Учебник / Под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина и С.В. Максимова. – М.: Юриспруденция, 1999.
137. Уголовное право. Общая часть. Особенная часть: Курс лекций. Лекция 7. Субъективная сторона преступления / Под ред. А.Н.Игнатова, Ю.А.Красикова. – М.: Издательская группа ИНФРА•М-НОРМА, 1996.
138. Уголовное право. Особенная часть: Учебник. Т.2 / Под ред. Л.Д. Гаухмана и С.В. Максимова. – М.: Институт МВД России, 1999.
139. Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. В.Н. Петрашева. – М.: Издательство Приор, 1999.
140. Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – М., 1998.
141. Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый Юрист, 1998.
142. Уголовное право России: Учебник для вузов. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. – М.: НОРМА-ИНФРА•М, 1998.
143. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. А.И. Рарога. – 3-е изд. – М., 1998.
144. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М., 1996.
145. Уголовное право России. Часть Особенная: Учебник для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М.: Издательство БЕК, 1999.
146. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. А.И. Марцева. – Омск: Юридический институт МВД России, 1998.
147. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. А.И. Марцева. – Омск: Академия МВД России, 2000.
148. Уголовное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. В.П. Кашепов. – М.: Былина, 1999.
149. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. – М.: Олимп; Издательство АСТ, 1997.

150. Уголовно-исполнительное право России: Учебник / Под ред. А.И. Зубкова. – М.: Издательская группа ИНФРА•М-НОРМА, 1997.

151. Уголовно-процессуальное законодательство СССР и союзных республик: Сборник (Основные законодательные акты) / Под ред. Д.С.Карева. – М.: Государственное изд-во юридической лит-ры, 1957.

152. Уголовный кодекс Республики Казахстан: (Особенная часть) Комментарий / Отв. ред. И.И. Рогов, Г.И. Баймурзин. – Алматы, 2000.

153. Уголовный кодекс Республики Польша / Под общ. ред. Н.Ф. Кузнецовой. – Мн.: Тесей, 1998.

154. Уголовный кодекс Швейцарии / Пер. с нем. – М.: Зерцало, 2000.

155. Усс А.В. Социально-интегративная роль уголовного права: Монография. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1993.

156. Фефелов П.А. Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы). – М.: Наука, 1992.

157. Фещук А.А. Правовое регулирование предоставления и использования отпусков осужденными к лишению свободы: Монография. – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2003.

158. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981.

159. Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. – М.: Юристъ, 1998.

160. Чучаев А.И. Преступления против правосудия: Научно-практический комментарий. – Ульяновск: Дом печати, 1997.

161. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

162. Шеслер А.В., Прокументов Л.М. Криминология. Общая часть: Учебное пособие. – Красноярск: Высшая школа МВД России, 1997.

163. Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С. Советское пенитенциарное право. – М.: Юриздат., 1927.

Научные статьи

164. Александров Ю. Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: Обзор проблематики в цифрах и фактах // Правозащитник. – 2001. – №1. – С. 58-62.

165. Барабанов Н., Фещук А. Правовые основания предоставления отпусков осужденным к лишению свободы в Российской Федерации // Человек: преступление и наказание (Вестник Рязанского института права и экономики Минюста России). – 1999. – №2. – С. 37-40.

166. Бердичесвский Л. Признание вины как смягчающее обстоятельство // Социалистическая законность. – 1956. – №7. – С.57-58.

167. Бойков А.Д. Сущность социалистического правосудия и его виды // Вопросы борьбы с преступностью. – Вып. 37. – М.: Юрид. лит., 1982. – С. 34-44.

168. Борисова О.Б. Некоторые проблемы совершенствования института краткосрочных выездов осужденных за пределы мест лишения свободы в связи с исключительными личными обстоятельствами // Уголовное наказание и проблемы его исполнения в условиях перестройки деятельности органов внутренних дел: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. – С. 76-86.

169. Бриллиантов А.В. Об использовании в законодательстве понятия «общественная опасность личности» // Проблемы уголовно-исполнительного законодательства в свете правовой реформы: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. – С. 24-34.

170. Бриллиантов А.В. Значение и правовая природа института передвижения осужденных без конвоя // Уголовное наказание и проблемы его исполнения в условиях перестройки деятельности органов внутренних дел: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. – С. 57-65.

171. Бриллиантов А.В. Пенитенциарная система Швейцарии // Государство и право. – 1997. – №9. – С. 99-101.

172. Волгарева И.В. Совершенствование нормы об отсрочке исполнения приговора для повышения эффективности уголовного законодательства // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения: Межвузовский сборник. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1989. – С. 154-161.

173. Воронин Ю.А. Система исполнения наказания в виде лишения свободы в ФРГ // Российский юридический журнал. – 1995. – №2. – С. 106-112.

174. Голоднюк М.Н. Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия // Вестник Московского ун-та. Серия 11 (Право). – 1996. – №6. – С. 16-25.

175. Горбуза А.Д. К вопросу о соотношении понятий «мотив» и «цель» преступления // Советское законодательство и вопросы борьбы с преступностью: Труды высшей следственной шко-

лы. Вып. 10 / Отв. ред. А.В. Наумов. – Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1974. – С. 16-21.

176. Фундаментальное исследование: Рец. на кн.: Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система / А.С.Горелик, В.И.Горобцов, А.Н.Тарбагаев, А.В.Усс. – СПб., 1999. – 261 с. // Правоведение. – 2000. – №1. – С. 284-286.

177. Горелик А.С. Положения Общей части уголовного права о назначении наказания (понятие, классификация, соотношение) // Совершенствование уголовного законодательства и практика его применения: Межвузовский сборник. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1989. – С. 78-85.

178. Горобцов В.И. К вопросу о классификации лишения свободы как вида уголовного наказания // Уголовный закон и совершенствование мер борьбы с преступностью: Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск: Юридический институт, 1981. – С. 92-103.

179. Горобцов В.И., Томилов А.В. Об ответственности осужденных за уклонение от отбывания наказания // Защита прав и интересов граждан, предприятий, организаций: Межвузовская научно-практическая конференция (12-14 декабря 1989 г.). – Кемерово: Кемеровский ун-т, 1989. – С. 213-215.

180. Дагель П.С. Содержание, форма и сущность вины в советском уголовном праве // Правоведение. – 1969. – №1. – С. 78-88.

181. Дагель П.С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. – 1975. – №4. – С. 67-74.

182. Демин В.В. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм – условие успешной реформы законодательства // Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в современных условиях: Сборник научных трудов. – Орел: Высшая школа МВД России, 1994. – С. 95-102.

183. Доклад начальника ГУИН МВД России на совещании по итогам работы ГУИН МВД России в 1995 г. // Преступление и наказание. – 1996. – №3. – С. 2-5.

184. Елеонский В. Ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы // Советская юстиция. – 1979. – №7. – С. 9-10.

185. Еникеев М.И. Психолого-юридическая сущность вины и вменяемости // Советское государство и право. – 1989. – №12. – С.76-82.

186. Ефремов А., Хохлова В. Ребенок в колонии // Законность. – 1997. – №7. – С. 6-9.

187. Зайцева Т.П. Некоторые процессуальные вопросы применения отсрочки исполнения приговора // Проблемы применения

наказаний, не связанных с лишением свободы: Сборник научных трудов / Отв. ред. В.Е.Квашис. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1988. – С. 89-99.

188. Зельдов С. Устранить непоследовательность. Вопросы ответственности за злостное уклонение от отбывания наказания, назначенного по приговору суда // Советская юстиция. – 1989. – №4. – С. 7.

189. Ивакина Н. Русский язык российского права // Российский следователь. – 2000. – №7. – С.26-28.

190. Иванов Н.Г. Сравнительный метод в советском уголовном праве // Правоведение. – 1988. – №2. – С. 33-39.

191. Иванова Е.Н. Вопросы профилактики уклонений от отбывания лишения свободы // Актуальные проблемы современной юридической науки (теоретический и практический аспекты): Материалы Уральской региональной научно-теоретической конференции (21 апреля 1998 г.). – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 1998. – С. 166-170.

192. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм об освобождении от наказания // Государство и право. – 2000. – №2. – С. 57-64.

193. Казак Б.Б. Некоторые вопросы совершенствования исправительно-трудового законодательства в современных условиях // Проблемы уголовной ответственности и исполнения наказания: Материалы межвузовской научной конференции (Рязань, 2-3 июня 1994 года). – Рязань: Институт права и экономики МВД Российской Федерации, 1995. – С. 76-79.

194. Кедров Б.М. История науки и принципы ее исследования // Вопросы философии. – 1971. – №9. – С. 78-89.

195. Коган В.М. Уровни анализа эффективности уголовно-правовых норм // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 30 / Отв. ред. В.В. Клочков. – М.: Юрид. лит., 1979. – С. 49-59.

196. Козаченко И.Я. О системе и системном подходе в исследовании эффективности уголовно-правовых норм (В порядке постановки вопроса) // Вопросы повышения эффективности уголовного законодательства в современных условиях: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. М.И. Ковалев. – Свердловск: Юридический институт, 1979. – С. 13-24.

197. Козлов А.П. Мотив как психологическая и уголовно-правовая категория // Современные проблемы уголовного права и уголовного процесса: Материалы международной научно-практической конференции (Красноярск, 26-27 сентября 2002 года). В 2 т. Т. I. – Красноярск: Юридический институт Красноярского гос-го ун-та, 2003. – С. 78-91.

198. Козлов В.А. К вопросу о понятии эффективности права // Вестник Ленинградского университета. Вып. 1 (Экономика, философия, право). – 1972. – №5. – С. 106-113.

199. Коняхин В.П. Источники уголовно-правовых норм Общей части // Правоведение. – 1988. – №1. – С. 39-43.

200. Кострова М. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона // Уголовное право. – 2001. – №4. – С. 41-44.

201. Костюк М. Объект уголовно-правовой охраны в исправительных учреждениях // Законность. – 1999. – №10. – С. 48-50.

202. Крахмальник Л., Ной И., Воробьев Г. К вопросу о значении сознания обвиняемого // Советская юстиция. – 1968. – №3. – С. 52-53.

203. Кригер Г.А. Понятие и содержание вины в советском уголовном праве // Вестник Московского ун-та. Серия 11 (Право). – 1983. – №5. – С. 3-11.

204. Крылов А.С. Средства массовой информации и социальные связи лиц, осужденных к лишению свободы // Проблемы уголовной ответственности и исполнения наказания: Сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. №7 / Отв. ред. Н.А.Стручков. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1982. – С. 33-36.

205. Кудрявцев В.Н. Противоправность преступления // Правоведение. – 1959. – №1. – С. 69-75.

206. Кузнецова Н. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона // Социалистическая законность. – 1973. – №9. – С.29-33.

207.Кулешов Ю.И. Правосудие как объект уголовно-правовой охраны: история и современность // Правоведение. – 1999. – №4. – С. 82-91.

208.Леконцев Ю.А. Некоторые проблемы применения института краткосрочных выездов осужденных за пределы мест лишения свободы // Вопросы совершенствования деятельности органов внутренних дел по исправлению и перевоспитанию осужденных: Тезисы выступлений на II межвузовской научно-практической конференции адъюнктов и соискателей ВНИИ МВД СССР / Отв. ред. Н.А. Стручков. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1980. – С. 46-49.

209.Лобанова Л.В. К вопросу о криминализации и декриминализации посягательств против правосудия // Уголовная политика и совершенствование законодательства: Межвузовский сборник научных трудов. – Кемерово: Кемеровский ун-т, 1992. – С. 126-132.

210.Лобанова Л. Субъект уклонения от отбывания лишения свободы // Законность. – 1999. – №3. – С. 33-34.

211.Мазур О.В. Вопросы соотношения побега из места лишения свободы и уклонения от отбывания лишения свободы / Подхо-

ды к решению проблем законоотворчества и правоприменения: Межвуз. сб. науч. тр. адъюнктов, соискателей, слушателей. – Омск: Юридический институт МВД России, 1997. – С. 52-56.

212. Маликов Б.З. Лишение свободы: проблемы назначения и исполнения // Следователь. – 2001. – №3. – С. 5-6.

213. Мальков С.М. Карательная практика за специальные виды хищений (на примере ст. 226 УК РФ) // Уголовное право и современность: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 5 / Отв. ред. В.И. Горобцов. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2001. – С. 118-131.

214. Марцев А.И. Виновность как признак преступления // Актуальные проблемы борьбы с преступностью и правоприменительной практики: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. В.И. Горобцов. Вып. 2. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 1999. – С. 37-43.

215. Марцев А.И. Вопросы совершенствования норм о преступлении // Советское государство и право. – 1988. – №11. – С.98-101.

216. Марцев А.И. Вопросы учения о преступлении и ответственности: (Избранные статьи). – Омск: Юридический институт МВД России, 1998.

217. Марцев А.И. Общественная вредность и общественная опасность преступления // Правоведение. – 2001. – №4. – С.148-155.

218. Милославская Д. Трудности семантической интерпретации юридического текста // Российская юстиция. – 2000. – №3. – С. 45-47.

219. Минязева Т.Ф. Проблемы уголовно-исполнительного законодательства // Правоведение. – 1988. – №3. – С. 58-64.

220. Михлин А.С. Конкуренция норм и институтов в уголовном и уголовно-трудовом праве // Правоведение. – 1988. – №3. – С. 53-57.

221. Михлин А., Яковлева Л. Специальная переписка осужденных // Российская юстиция. – 2001. – №4. – С. 66-68.

222. Мишнаевский Л. Осознание обвиняемым своей вины – основания для смягчения наказания // Социалистическая законность. – 1958. – №12. – С. 55-56.

223. Молчанова Е.П. Проблемы предоставления краткосрочных выездов осужденным в ИТК // Применение нового законодательства в области борьбы с преступностью: Сб. ст. / Под общ. ред. Ю.А. Алферова. – Домодедово: РИПК МВД России, 1994. – С.141-143.

224. Москвитина Т.А. Некоторые предложения по совершенствованию проекта Уголовного кодекса // Вопросы уголовной от-

ветственности и ее дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации). – Ярославль, 1994. – С. 183-187.

225. Необоснованный приговор по протесту прокурора отменен (Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ по делу Клыкова) // Законность. – 1996. – №6. – С. 58-59.

226. Непомнящая Т. Учет судами общих начал назначения наказания // Уголовное право. – 2001. – №3. – С. 29-33.

227. Нечепуренко А.А. Внедрение идеи условности карательного воздействия в уголовную политику России. История вопроса // Актуальные проблемы правовой науки: Межвузовский сборник научных трудов. – Омск: Высшая школа милиции МВД России, 1995. – С. 100-111.

228. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению уголовных дел в порядке надзора // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1997. – №11. – С. 15-23.

229. Панкратов Д. Тюремная служба Венгрии // Человек: преступление и наказание (Вестник Рязанского института права и экономики МВД России). – 1998. – №3. – С. 43.

230. Панов Н.И. О точности норм уголовного права и совершенствовании законодательной техники // Правоведение. – 1987. – №4. – С. 79-82

231. Панченко П.Н. Уголовно-правовые вопросы криминализации общественно опасных деяний // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний: Сборник научных трудов. – Омск: Высшая школа милиции МВД СССР, 1980. – С. 4-9.

232. Папанкина М.Ю. Применение отсрочки отбывания наказания к осужденным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей // Перспективы деятельности органов внутренних дел и государственной противопожарной службы: Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2000. – С. 61-62.

233. Пленум Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – №8. – С. 1-2.

234. Полубинский В. От царской каторги к советским лагерям // Преступление и наказание. – 1995. – №7. – С. 38-44.

235. Правосудие в отношении несовершеннолетних // Unicef (Детский фонд ООН, Международный центр по проблемам развития ребенка, Флоренция, Италия): Innocenti digest. – М.: ЮНИСЕФ, Интердиалект+, 1998.

236. Рабинович П.М., Шмелева Г. Конкретизация правовых норм (общетеоретические проблемы) // Правоведение. – 1985. – №6. – С. 31-39.

237. Разбирин Л. Уголовно-правовая характеристика женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Человек: преступление и наказание (Вестник Рязанского института права и экономики МВД России). – 1998. – №3. – С. 37-41.

238. Рассказов Л., Упоров И. Категория «свобода» в уголовном праве России // Уголовное право. – 2000. – №2. – С. 56-58.

239. Рашковская Ш., Воробьева Т. Ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы // Социалистическая законность. – 1978. – №6. – С. 51-52.

240. Ревин В.П. Проблемы декриминализации и реформа уголовного законодательства // Современные проблемы борьбы с преступностью: Труды Академии МВД РФ / Отв. ред. А.И. Алексеев. – М., 1993. – С.29-33.

241. Романов А.К. Бесконвойное передвижение осужденных в практике ИТУ и проблемы его совершенствования // Уголовное наказание и проблемы его исполнения в условиях перестройки деятельности органов внутренних дел: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. – С.65-76.

242. Рудник В. Криминологические последствия отбывания наказания в виде лишения свободы // Проблемы совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы: Материалы научно-практической конференции (13-14 мая 1993 года) / Под общ. ред. В.А. Глушкова. – Киев: РИО Института Украинской Академии внутренних дел, 1994. – С.63-66.

243. Сабанин С.Н. Совершенствование законодательной регламентации условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3 / Отв. ред. В.И. Горобцов. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2000. – С. 24-31.

244. Самсонов В.З. Задачи прокурорского надзора за соблюдением законности в местах лишения свободы на современном этапе // Прокурорский надзор за соблюдением законности в местах лишения свободы и исполнением приговоров о ссылке и исправительных работах без лишения свободы: Сборник материалов научно-практической конференции / Под общ. ред. М.П. Малярова. – М.: Прокуратура СССР, 1965. – С. 5-24.

245. Сауляк О.П. Нарушение законности в правоприменительной деятельности: понятие, причины и условия возникновения, методы устранения // Следователь. – 2001. – №1. – С. 33-39.

246. Сенькин П.Е. Уклонение от отбывания лишения свободы: проблемы ответственности и суброгации закона / П.Е.Сенькин, А.И.Чучаев, Е.Р.Абдрахманова // Вестник Мордовского университета. – 1996. – №3 – С. 3-6.

247. Сизый А.Ф. Предоставление краткосрочных выездов осужденным в зарубежных пенитенциарных учреждениях // Человек: преступление и наказание (Вестник Рязанского института права и экономики МВД России). – 1994. – №1(2). – С. 37-41.

248. Симахин А.В., Шеслер А.В. Понятие побега из мест лишения свободы, совершенного по предварительному сговору группой лиц // Преступления против правосудия: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты: Материалы теоретического семинара (30 ноября 1994 г.). – Омск: Юридический институт МВД России, 1996. – С. 51-54.

249. Смышляев В.В. Некоторые вопросы квалификации по ст.313 УК РФ // Следователь. – 1999. – №3. – С. 17-18.

250. Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории (Конференция В ИГП РАН) // Государство и право. – 1994. – №6. – С. 44-76.

251. Судебная коллегия признала, что в действиях осужденного отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 188¹ УК РСФСР: Определение №46-096-59 по делу Серова // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1997. – №4. – С. 14.

252. Суслов В.В. Герменевтика и юридическое толкование // Государство и право. – 1997. – №6. – С. 115-118.

253. Тагиев М.Н. К вопросу об обеспечении исполнения уголовного наказания // Вестник Московского ун-та. Серия 11 (Право). – 1986. – №1. – С. 72-76.

254. Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. – Харьков: Выща школа, 1988.

255. Тепляшин П.В. Обусловленность и опыт уголовно-правовой борьбы с уклонениями от отбывания лишения свободы в зарубежном законодательстве // Сибирский юридический вестник (Региональный правовой журнал). – 2002. – №2 (17). – С. 63-70.

256. Тирский В.В. К вопросу о понятии эффективности правовых норм // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью: Сб. статей / Отв. ред. В.Д.Филимонов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. – С. 37-47.

257. Ткачевский Ю.М. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы // Вестник Московского ун-та. Серия 11 (Право). – 2001. – №5. – С. 3-16.

258. Ткачевский Ю.М. Обеспечение исполнения уголовного наказания // Советское государство и право. – 1982. – №2. – С. 60-62.

259.Фефелов П.А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское государство и право. – 1970. – №11. – С. 102-105.

260.Филановский И.Г., Бурлаков В.Н. Проблемы эффективности уголовного права // Вестник Ленинградского университета. Вып. 2 (Экономика, философия, право). – 1975. – №11. – С. 101-108.

261.Филимонов В.Д. Объект преступления и преступное последствие // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью: Сб. статей / Отв. ред. В.Д.Филимонов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. – С. 7-15.

262.Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник научных трудов. Вып. 10. – Свердловск: Юридический институт, 1969. – С. 198-204.

263.Чучаев А., Смышляев В. Проблемы совершенствования уголовно-правового механизма реализации лишения свободы // Уголовное право. – 2000. – №2. – С. 68-70.

264.Яковлев А.М. Социальная эффективность уголовного закона // Советское государство и право. – 1967. – №10. – С. 17-21.

Диссертации и авторефераты диссертаций, справочная литература

265.Абдрахманова Е.Р. Уголовно-правовое обеспечение реализации лишения свободы: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М.: Государственная юридическая академия, 1996.

266.Бабаев В.К., Баранов В.М. Общая теория права: Краткая энциклопедия. – Н.Новгород: Юридический институт МВД России, 1997.

267.Бекузаров Г.О. Юридические обязанности лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М.: Академия МВД России, 1996.

268.Бунева И.Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск: Академия МВД России, 2000.

269.Друзин А.И. Уголовно-правовое обеспечение реализации судебного акта: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань: Юридический институт МВД России, 2001.

270.Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 2. П-Я. – М.: Рус. яз., 2000.

271.Киселев Н.В. Диспозитивные начала правового регулирования исполнения уголовного наказания в виде лишения свобо-

ды: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Томск: Юридический институт Томского государственного университета, 1998.

272. Мазур О.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с побегами из мест лишения свободы (по материалам Западно-Сибирского региона): Дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск: Юридический институт МВД России, 1997.

273. Пергатая А.А. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Федеративной Республики Германии: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Красноярск: Государственный ун-т, 1999.

274. Словарь синонимов: Справочное пособие / Ред. А.П.Евгеньева. – Л.: Наука, 1975.

275. Словарь синонимов русского языка / Гл. ред. А.П.Евгеньева. В 2 т. Т. 2. О-Я. – Л.: Наука, 1971.

276. Татарников В.Г. Индивидуализация наказания по отдельным категориям дел о тяжких и особо тяжких преступлениях против личности: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Иркутск: Иркутская государственная экономическая академия, 1998.

277. Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву: Дисс. ... докт. юрид. наук. – Кемерово: Государственный ун-т, 2001.

278. Яковлева Л.В. Изменение условий содержания осужденных в пределах исправительно-трудовой колонии: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М.: НИИ МВД России, 1995.

Литература на английском языке

279. Ashton J. and Wilson D. What Everyone in Britain should Know about Crime and Punishment. – 2nd ed. – Oxford: University Press, 2001. – 200 p.

280. Brownlee I. Community Punishment. A Critical Introduction. – London and New York: Longman, 1998. – 222 p.

281. Bukovsky V. To Build a Castle – My Life as a Dissenter. – New York: Viking Press, 1979. – 276 p.

282. George F. Cole. The American System of Criminal Justice. – 6th Edition. – Brooks/Cole Publishing Company Pacific Grove, California, 1992. – 744 p.

283. Prisons around the world: Studies in International Penology / Michael K. Carlie and Kevin I. Minor (Southwest Missouri State University). – United States of America / Wm. C. Brown Publishers, Dubuque, 1992. – 326 p.

284. The Oxford Handbook of Criminology / Edited by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. – 3rd ed. – Oxford: University Press, 2002. – 1228 p.

285. Worrall A. Punishment in the Community: The Future of the Criminal Justice. – London and New York: Longman, 1997. – 170 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Результаты проведенного анкетирования

В связи с проводимым исследованием было организовано анкетирование практических работников судебных и правоохранительных органов на территориях Красноярского края, Республик Хакасия и Тыва, Иркутской, Омской, Нижегородской, Екатеринбургской и Томской областей, по проблемам уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы (анкета 1) и проблемам совершенствования рассматриваемой уголовно-правовой нормы (анкета 2). Анкетирование проводилось в период с сентября 2000 года по ноябрь 2001 года.

Выстроенные автором рабочие гипотезы нашли отражение в анкете и касались: актуальности темы, вопросов криминализации и латентности преступления, проблем содержания признаков преступления и его квалификации, иных правоприменительных аспектов (анкета 1), а также вопросов совершенствования уголовно-правовых мер об ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы и проблем законодательной корректировки отдельных норм уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства, качества и своевременности специальных судебных разъяснений практики уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст.314 УК РФ (анкета 2).

В целях репрезентативности результатов анкетирования был определен объем выборки, который при вероятности безошибочного прогноза в 95% составил 400 человек. Таким образом, в анкетировании приняли участие 400 сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы, каждый из которых поочередно ответил на анкету 1 и анкету 2.

Панорама опроса:

Субъект РФ	Количество респондентов	Удельное соотношение, %
1. Красноярский край	180	45
2. Республика Хакасия	40	10
3. Республика Тыва	40	10
4. Иркутская область	20	5
5. Омская область	30	7,5
6. Нижегородская область	30	7,5
7. Екатеринбургская область	30	7,5
8. Томская область	30	7,5
Всего:	400	100

Возраст респондентов:

- 1) до 26 лет (включительно)44%;
- 2) от 27 до 33 лет (включительно)37%;
- 3) старше 34 лет 19%.

Образование:

- 1) высшее юридическое30%;
- 2) средне-специальное юридическое26%;
- 3) иное высшее19%;
- 4) иное средне-специальное25%.

Место службы:

- 1)судебные органы 3,7%;
- 2)органы прокуратуры 5,3%;
- 3)следственные подразделения прокуратуры. 7,5%;
- 4)следственные подразделения ОВД.47,5%;
- 5)дознание 10%;
- 6)оперуполномоченные ОВД10%;
- 7)работники исправительных учреждений. 6,5%;
- 8)оперуполномоченные исправительных учреждений . . 2,5%;
- 9)иные службы 7%;

Стаж в должности:

- 1)до 1 года.6,5%;
- 2)от 1 года до 3 лет 38,5%;
- 3)от 3 до 5 лет 27,5%;
- 4)от 5 до 10 лет 21,5%;
- 5)от 10 до 15 лет4%;
- 6)более 15 лет 2%.

Стаж службы в судебных либо правоохранительных органах:

- 1)до 1 года2,3%;
- 2)от 1 года до 3 лет. 41%;
- 3)от 3 до 5 лет 29,5%;
- 4)от 5 до 10 лет20%;
- 5)от 10 до 15 лет6%;
- 6)более 15 лет 1,2%.

СВОДНЫЕ ДАННЫЕ ПО АНКЕТЕ 1

по результатам анкетирования сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы по проблемам уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы

1. На Ваш взгляд, актуально ли преступление, предусматривающее уголовную ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы?

- 1.1) да актуально 48%*;
- 1.2) нет не актуально. 19%;
- 1.3) затрудняюсь ответить. 33%.

2. Сильно ли распространено это преступление?

- 2.1) очень распространено. 10%;
- 2.2) распространено 19%;
- 2.3) совершается редко 26%;
- 2.4) затрудняюсь ответить 45%.

3. Как часто Вам приходится расследовать или рассматривать уголовные дела (материалы) об уклонении от отбывания лишения свободы?

- 3.1) часто 1%;
- 3.2) редко 9%;
- 3.3) вообще не приходится 90%.

4. Насколько, с Вашей точки зрения, латентно (скрыто) уклонение от отбывания лишения свободы для руководства исправительного учреждения?

- 4.1) все факты уклонения известны. 20%;
- 4.2) неизвестно менее половины фактов уклонения 22%;
- 4.3) неизвестно более половины фактов уклонения 18%;
- 4.4) затрудняюсь ответить 40%.

5. Насколько, на Ваш взгляд, латентно (скрыто) уклонение от отбывания лишения свободы для прокуратуры?

- 5.1) все факты уклонения известны 15%;
- 5.2) неизвестно менее половины фактов уклонения 25%;

* В дальнейшем для удобства восприятия информации эти показатели будут округлены до целых. В некоторых вопросах респонденты давали несколько решений, на отдельные вопросы анкет респонденты вообще не давали каких-либо ответов, поэтому совокупные показатели вопроса не всегда будут образовывать 100 %.

- 5.3) неизвестно более половины фактов уклонения21%;
- 5.4) затрудняюсь ответить39%.

6. Если такие факты сокрытия имеются, то что, по Вашему мнению, является причиной латентности этого преступления?

- 6.1) соответствующие должностные лица не желают сообщать о случаях уклонения, т.к. считают, что такое поведение осужденного имеет незначительную общественную опасность. . .11%;
- 6.2) недостатки в системе учета и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях. 19%;
- 6.3) нежелание руководителей исправительных учреждений сообщать о таких случаях в компетентные органы, т.к. из-за этого впоследствии возможна негативная оценка их работы.55%;
- 6.4) таких причин нет, поскольку все факты уклонения от отбывания лишения свободы известны правоохранительным органам. 15%.

7. Как Вы думаете, следует ли признавать уголовно наказуемым уклонение от отбывания лишения свободы или стоит данную норму исключить из уголовного закона (декриминализовать)?

- 7.1) да, норму стоит декриминализовать9%;
- 7.2) норму следует оставить в уголовном законе 71%;
- 7.3) затрудняюсь ответить20%.

8. Полагают, что норму об уклонении от отбывания лишения свободы законодатель оправданно поместил в главу 31 УК РФ «Преступления против правосудия» 91% опрошенных.

9. Под непосредственным объектом рассматриваемого преступления следует понимать:

- 9.1) порядок управления в исправительных учреждениях и режим отбывания наказания11%;
- 9.2) нормальные условия достижения интересов правосудия по реализации в рамках исполнения лишения свободы выездов осужденных за пределы исправительного учреждения и следственных изоляторов либо отсрочки исполнения приговора или отбывания наказания. 75%;
- 9.3) нормальная деятельность органов и учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы 17%;
- 9.4) затрудняется ответить 5%.

10. Какие проблемы, по Вашему мнению, приходится испытывать правоприменителю при квалификации рассматриваемого общественно опасного деяния?

- 10.1) сложности в установлении объективных признаков преступления 68%;
- 10.2) сложности в определении субъекта преступления . 17%;
- 10.3) сложности в установлении субъективной стороны преступления 21%;
- 10.4) сложности в разграничении со смежными составами.4%.

11. Данное преступление, на Ваш взгляд, внешне может быть совершено:

- 11.1) только в форме действия 25%;
- 11.2) только в форме бездействия12%;
- 11.3) как в форме действия, так и форме бездействия . . .54%;
- 11.4) затрудняюсь ответить9%.

12. Можно ли освободить от уголовной ответственности осужденного, которому предоставлена возможность выезда, в случае его невозвращения без уважительных причин в необходимый срок в исправительное учреждение, если не были соблюдены следующие формальные требования:

- 12.1) у лица не была взята подписка, предупреждающая об ответственности по ст.314 УК РФ26%;
- 12.2) с лицом не был проведен инструктаж относительно порядка и временной продолжительности такого выезда 22%;
- 12.3) лицу не был выдан документ, удостоверяющий личность осужденного, в котором указывается срок такого выезда26%;
- 12.4) затрудняюсь ответить25%.

13. Как Вы считаете, рассматриваемое преступление может быть совершено?

- 13.1) только с прямым умыслом 30%;
- 13.2) как с прямым, так и с косвенным умыслом. 61%;
- 13.3) затрудняюсь ответить9%.

14. Разберите ситуацию: у отбывающего наказание в виде лишения свободы лица возникает умысел на избежание дальнейшего отбывания указанного наказания. В целях реализации умысла лицо на законных основаниях и порядке получает возможность выезда из исправительного учреждения и в обратном не возвращается. Действия лица, на Ваш взгляд, следует квалифицировать:

- 14.1) как побег из места лишения свободы 19%;
- 14.2) как уклонение от отбывания лишения свободы . . . 57%;

14.3) затрудняюсь ответить24%.

15. Как Вы думаете, цель уклонения от отбывания лишения свободы входит в число обязательных признаков субъективной стороны этого преступления?

15.1) да64%;

15.2) нет17%;

15.3) затрудняюсь ответить19%.

16. Как Вы считаете, приходится ли правоприменителю испытывать затруднения при установлении целей и мотивов совершения анализируемого преступления?

16.1) да68%;

16.2) нет17%;

16.3) затрудняюсь ответить15%.

17. По Вашему мнению, приходится ли испытывать правоприменителю затруднения при разграничении рассматриваемого преступления и смежных составов (например, от побега)?

17.1) приходится57%;

17.2) не приходится39%;

17.3) затрудняюсь ответить4%.

18. В чем, на Ваш взгляд, заключается основное отличие преступления, предусмотренного ст.314 УК РФ, и побега из места лишения свободы?

18.1) побег – это пересечение реальной или воображаемой линии охраны, при уклонении такого преодоления средств (линии) охраны нет31%;

18.2) побег – это самовольное и незаконное оставление места лишения свободы, уклонение возможно только в случае оставления исправительного учреждения на законных основаниях и порядке64%;

18.3) затрудняюсь ответить5%.

СВОДНЫЕ ДАННЫЕ ПО АНКЕТЕ 2

по результатам анкетирования сотрудников правоохранительных и судебных органов, работников мест лишения свободы по проблемам совершенствования уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы

1. На Ваш взгляд, чем вызваны проблемы редкого применения нормы об ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы?

- 1.1) несовершенством уголовного законодательства19%;
- 1.2) несовершенством уголовно-исполнительного законодательства11%;
- 1.3) несовершенством уголовно-процессуального законодательства4%;
- 1.4) отсутствием четких критериев разграничения данного преступления от дисциплинарных проступков осужденных (например, от опоздания)25%;
- 1.5) отсутствием разъяснений Верховного Суда РФ6%;
- 1.6) слабо наработанной судебной практикой применения ст.314 УК РФ33%;
- 1.7) затрудняюсь ответить2%.

2. Как Вы думаете, следует ли диспозицию ст. 314 УК РФ в качестве отдельного способа совершения преступления после слова «Невозвращение..» дополнить словами «или неявка..» и таким образом законодательно закрепить случаи уклонения от отбывания наказания по истечении срока отсрочки, придав содержанию нормы однозначность и языковую определенность?

- 2.1) да67%;
- 2.2) нет3%;
- 2.3) затрудняюсь ответить30%.

3. Если Вы полагаете, что диспозицией ст. 314 УК РФ охватываются не все случаи невозвращения в исправительное учреждение, а только невозвращение из выезда, то какие, на Ваш взгляд, необходимо включить в ее содержание?

- 3.1) невозвращение из ежегодного оплачиваемого отпуска с выездом за пределы исправительного учреждения (ст.104 УИК РФ)29%;
- 3.2) неприбытие из длительного свидания за пределами воспитательной колонии, в том числе с проживанием вне колонии (ст.133 УИК РФ)34%;

3.3) невозвращение из предоставляемого в качестве меры поощрения посещения культурно-зрелищных и спортивных мероприятий за пределами воспитательной колонии (ст.134 УИК РФ)25%;

4. Как Вы думаете, следует ли ужесточить наказание за рассматриваемое преступление (санкция предусматривает лишение свободы на срок до двух лет)?

- 4.1) да42%;
- 4.2) нет, оставить прежнее.13%;
- 4.3) необходимо смягчить наказание 3%;
- 4.4) затрудняюсь ответить42%.

5. Полагаете ли Вы необходимым систематически анализировать и обобщать практику применения уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы?

- 5.1) да93%;
- 5.2) нет 5%.

6. Стоит ли обобщенную практику применения ст. 314 УК РФ периодически доводить до сведения работников исправительных учреждений в специальных рекомендациях ГУИН МЮ РФ?

- 6.1) да 94%;
- 6.2) нет.5%.

7. Считаете ли Вы необходимым принятие Пленумом Верховного Суда РФ постановления, раскрывающего вопросы квалификации побегов и уклонений от отбывания лишения свободы?

- 7.1) да 90%;
- 7.2) нет7%;

8. Одним из оснований отсрочки исполнения приговора суда (ч.1 ст.398 УПК РФ) выступают обстоятельства, при которых немедленное отбывание наказания может повлечь за собой тяжкие последствия для осужденного или его семьи ввиду пожара или иных стихийных бедствий, тяжелой болезни, смерти единственного трудоспособного члена семьи или других исключительных обстоятельств. О каких именно других исключительных обстоятельствах, по Вашему мнению, ведет речь законодатель?

8.1) переезд в другое отдаленное место жительства родственников28%;

8.2) плохие условия проживания и воспитания детей осужденного 72%;

- 8.3) наличие малолетних детей у осужденного лица2%;
- 8.4) затрудняюсь ответить19%.

9. Отсрочка исполнения приговора суда по указанным выше исключительным обстоятельствам в соответствии с законом представляется на срок до 3-х месяцев. Имеет ли смысл изменить данный срок?

- 9.1) да, до 5 месяцев 1%;
- 9.2) до 6 месяцев2%;
- 9.3) до одного года 5%;
- 9.4) на срок более трех месяцев, но его границы должны быть зависимы от времени устранения исключительных обстоятельств.9%;
- 9.5) нет, оставить прежний срок 27%;
- 9.6) затрудняюсь ответить56%.

10. В отношении осужденных женщин, продолжающих уклоняться от воспитания ребенка после предупреждения, объявленного уголовно-исполнительной инспекцией, может быть отменена ранее избранная отсрочка исполнения приговора суда. При этом согласно ч.4 ст.178 УИК РФ осужденная считается уклоняющейся от воспитания ребенка, если она, официально отказавшись от него, оставила его в родильном доме или передала в детский дом, либо ведет антиобщественный образ жизни и не занимается воспитанием ребенка и уходом за ним, либо оставила ребенка родственникам, либо скрылась, либо совершает иные действия, свидетельствующие об уклонении от воспитания ребенка. Что именно, по Вашему мнению, подразумевает законодатель под «иными действиями»?

- 10.1) мать пропивает вещи ребенка 33%;
- 10.2) мать избивает ребенка или причиняет ему иной вред60%;
- 10.3) мать своими действиями наносит ребенку психическую травму, не следит за его питанием и гигиеной и т.п.10%;
- 10.4) затруднялись ответить6%.

Павел Владимирович Тепляшин

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УКЛОНЕНИЕ
ОТ ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Монография

Редактор Ю.В. Леонтьева
Технический редактор Е.Н. Банщикова

ИД № 02390 от 17.07.2000
ПД № 16-017 от 10.07.2000
СЭЗ № 24.49.07.953 П 000315.07.03 от 21.07.2003

Подписано в печать _____
Формат Р 60x84. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл.печ. листов 13,5 (10,5 авт.л.).
Тираж _____ экз. Заказ _____.

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
Сибирского юридического института МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.